

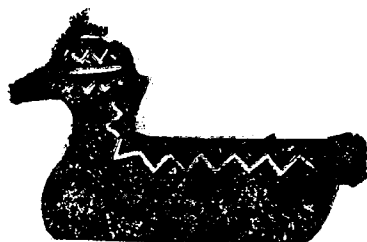

Н. П. ЛЕОНТЬЕВ

ПЕЧОРСКИЙ ФОЛЬКЛОР

*Предисловие, редакция
и примечания
В. М. Сидельникова*

162453

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОГИЗ • АРХАНГЕЛЬСК • 1939

Художественное оформление
по мотивам русской печорской
резьбы по дереву
Н. А. Фурсея

Редактор *К. И. Коницев*

Техред-корр. *А. А. Веселовская*

Уполи. Архобллита № Б—51. Огиз № 979.

Инд. X-16. Тираж 5000. Уч.-изд. л. 16.

Печ. л. 10,75. Бум. л. 5,38. Эп. в б. л. 104832.

Формат 60×92/16. Сдано в набор 1/II 1939 г.

Подпис. к печ. 5/VII 1939 г. Заказ № 412.

Цена 4 р. 80 к., переплет 1 р. 30 к.

Вологда, тип. изд-ва „Красный Север“.

ул. К. Маркса, 70.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советский Север славится не только лесом, пушниной, рыбой, гидроэнергией, но и песнями. Песня сопровождает работу лесорубов, сплавщиков леса, охотников, рыбаков, грузчиков. С песней партизаны Севера били врага в годы гражданской войны.

Своеобразные условия крестьянского труда способствовали распространению и сохранности старинных сказаний, протяжных былин, сказок.

Сказители былин, сказочники обычно желанные участники в трудовых артелях лесорубов, рыбаков, охотников. „Сказочник—всегда любимый член артели, его всячески стремятся привлечь в коллектив. Нам удалось видеть на Мезени договор одной артели с Северолесом,—рассказывает собирательница И. В. Карнаухова,—где прямо говорилось о сказочнике, который должен пользоваться всеми правами, но нести половинную нагрузку, так как в свободное от работ время он обязывается развлекать артель“.¹

Север имеет своих мастеров художественного слова. Творчество талантливой пинежской сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополеновой, онежской вопленицы Ирины Андреевны Федосовой, сказителя из Заонежья Василия Петровича Щеголенка, знаменитых сказителей Рябининых (четыре поколения) известно не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

Современную сказительницу орденоносца М. С. Крюкову теперь знают не только в родной деревне Зимней Золотице, но и во всем Союзе. Ее сказания-поэмы о великих вождях Ленине и Сталине, о героях гражданской войны, о челюскинцах печатаются в газетах, журналах, издаются отдельными книгами.

Прекрасные художественные образцы устной поэзии Севера, образная и выразительная речь местных жителей, изобилующая меткими народными поговорками и пословицами, привлекали таких

¹ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. М. 1934, стр. XXV.

больших писателей, как Л. Н. Толстой,¹ А. М. Горький,² лучших специалистов по русской народной музыке—Н. А. Римского-Корсакова и М. П. Мусоргского,³ собирателей и исследователей русского фольклора и др. В результате мы имеем целый ряд сборников былин, песен и сказок, собранных в различных районах Севера. Например, в начале 60-х годов XIX века П. Н. Рыбников свои „Песни“ записал на берегах и островах Онежского озера (б. Олонецкая губ., ныне Карельская АССР), А. Ф. Гильфердинг в 1871 году производил записи былин также в районе Онежского озера. В начале 900-х годов собиратели А. В. Марков, А. Д. Григорьев и Н. Е. Ончуков издали огромные сборники архангельских, беломорских и печорских былин. Московские исследователи русского фольклора братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, ездившие по следам Рыбникова и Гильфердинга в 1926—1928 гг., записали 380 былин.⁴ Ленинградская фольклористка А. В. Астахова ведет систематическую запись былевого эпоса на Севере.⁵ В 1909 году вышел сборник Н. Е. Ончукова „Северные сказки“, заключающий в себе 303 сказки, записанные в Поморье и на Печоре; в 1926—1929 гг. И. В. Карнауховой в Заонежье и в районах рек Мезени, Пинеги, Печоры записано 169 сказок, О. Э. Озаровской в книге „Пятиречие“ (Л., 1931) опубликовано 60 сказок и т. д.

Фольклористами-собираателями и исследователями как прошлых лет, так и современными, проделана большая работа по освоению устной поэзии Севера. Но наблюдения последних лет говорят, что работы по собиранию и изучению северного фольклора далеко еще не исчерпали богатства устного поэтического творчества, да они и неисчерпаемы. „Русское народное творчество, как и творчество братских народов Советского Союза, дает все новые и новые доказательства неисчерпаемой талантливости народных творцов. Наиболее талантливые сказители, даже глубокие старики, прославленные прекрасным знанием фольклора, обладающие огромным запасом песен, былин, сказок, создают и новые художественные произведения, проникнутые новым отношением к жизни, новыми идеями, новыми настроениями, созвучными нашей эпохе, и по праву могут считаться представителями советского народного творчества“.⁶ Таковы, например, „Новины“ М. С. Крюковой,⁷ былина о Чапаеве

¹ Л. Н. Толстой в Ясной Поляне от сказителя В. П. Щеголенка записал около 30 легенд. Эти записи были использованы им впоследствии в „Народных рассказах“.

² Прекрасную зарисовку выступления волонтеры Ирины Федосовой на Нижегородской ярмарке в 1896 году дал А. М. Горький в „Одесских новостях“ от 14 июня 1896 года и в романе „Жизнь Клима Самгина“, Собр. соч., т. XXIII, 1927 г., стр. 442—443.

³ Н. А. Римский-Корсаков и М. П. Мусоргский записывали в Москве от Тр. Гр. Рябинина былинные напевы.

⁴ Былины в настоящее время подготовлены к печати и выйдут в издании Государственного Литературного Музея.

⁵ Академией Наук СССР выпущен первый том трудов фольклорной комиссии, где собрано свыше 100 текстов былин, записанных А. М. Астаховой на Мезени, Печоре. В ближайшее время выйдет второй том, содержащий в себе 130 текстов былин.

⁶ Ю. М. Соколов. Русские сказители, см. „Литгазета“, 1938, № 45.

⁷ М. С. Крюкова. Сказания-поэмы. Архангельск, 1937.

П. И. Рябикина,¹ сказки „Смерть Чапаева“ М. М. Коргуева² и „Самое дорогое“ Ф. А. Конашкова.³

Необходимо записывать, опубликовывать и изучать как новые, так и старые произведения народного творчества и тем самым сохранить их для истории и для науки вообще, как художественные памятники.

А. М. Горький, придававший исключительно большое значение фольклору, неоднократно призывал к его сбору. В своем выступлении в 1934 году на I Съезде советских писателей, обращаясь к писателям различных народов Союза, он сказал: „... начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даёт материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего“.⁴

Призыв А. М. Горького был услышан, и многие местные работники литературных и краеведческих организаций подошли вплотную к разрешению этих важнейших задач, выдвинутых великим писателем перед всей литературной общественностью. Они поняли важность изучения фольклора и его огромное историческое и культурно-политическое значение. Некоторые из них собрали замечательные образцы поэтического народного творчества. За последние годы появились, например, такие областные сборники, как „Сказки Куприяники“ (Воронеж, 1937), „Песни донского казачества“ (Сталинград, 1937), „Ярославский фольклор“ (Ярославль, 1938), „Песни и сказки на Онежском заводе (Петрозаводск, 1937)“, „Фольклор народа коми“ (Архангельск, 1938), „Адыгейские сказки“ (Ростов-на-Дону, 1937), „Ненецкие сказки“ (Архангельск, 1936), „Калмыцкие сказки“ (Сталинград, 1937), „Сказки и легенды татар Крыма“ (Симферополь, 1936) и др. Названные сборники имеют, конечно, свои недостатки, но проделанный опыт по составлению их облегчит работу по изданию областных научно-популярных сборников фольклора.

Собиратель Н. П. Леонтьев побывал в тех пунктах Нижней Печоры (г. Няръан Мар, дд. Великая Виска, Голубково, Смекаловка, Лабожское, Бедовое, Верхняя-Пеша, Омы, Пылемец и др.), где в 1901—1902 гг. записывал произведения устного творчества Ончуков).⁵ Это дает возможность исследователю произвести интересные сравнения.

В сборник „Печорский фольклор“ вошли записанные Н. П. Леонтьевым былины, исторические песни, песни рекрутские и солдатские, свадебные, хороводные и игровые, лирические песни, а также частушки, пословицы, поговорки, загадки, сказки, сказы и „новины“.

¹ Сб. „Чапай“. М., 1938, № 14.

² „Беломорские сказки“ под ред. А. И. Нечаева, 1937.

³ „Творчество народов СССР“. 1937, стр. 96.

⁴ М. Горький. Советская литература. М. 1934, стр. 49.

⁵ Н. Е. Ончуков. Печорские былины, СПб. 1904; Северные сказки, П. 1909. Северные драмы, СПб. 1911.

В своих песнях, сказках, преданиях народ рассказывает о богатырях и героях, об их подвигах, о борьбе за свою независимость. Для изучения прошлого русского народа богатый материал дают былины.

„Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества“,¹ писал М. Горький. И указывал на образы богатырей, как на „наиболее глубокие и ясные, художественно совершенные типы героев“.² В них воплотились подлинно героические черты характера русского народа. „Образы богатырей выявляют думы и чаяния народа. Они в течение веков живут в народе именно потому, что они олицетворяют героическую борьбу народа против иноземных нашествий, народную удаль, смекалку, храбрость, великодушие, находившие особенно яркое выражение в определенных переломные моменты истории народа и его борьбы за свою лучшую долю“.³ Наиболее популярным, любимым героем в былинах является Илья Муромец (№№ 1 — 5).⁴ Он не раз давал отпор татарским полчищам, разорявшим страну (см. „Илья и идолище“, № 2, и „Илья в опале у князя Владимира“, № 4), боролся с разбойниками, защищая народ от грабежей и разбоев. Прославился Илья богатырь своими победами над Соловьем-разбойником (см. „Первая поездка Ильи“, № 1). Другой богатырь — Добрыня Никитич — освобождает страну от царя Батуя Каймановича, избавляет народ от татарских податей (см. „Добрыня и Калин царь“, № 6, и „Дунай Иванович и Батуй Кайманович“, № 8).

За время своих поездок по Нижнепечорскому району Н. П. Леонтьеву удалось встретить около десятка лиц, знающих былины, и записать 36 былинных текстов.⁵

Тексты отличаются полнотой, стройностью композиции и сохранностью. Каждая запись снабжена точной паспортизацией. Одним из редких вариантов является запись Леонтьева былины „О Святогоре и Илье Муромце“. Сюжет ее обычно встречается в прозаическом пересказе, а не в былинной обработке, и каждый вновь записанный вариант былины считается находкой. Н. П. Леонтьеву удалось встретить учеников ончуковских сказителей и сказочников, перенявших от них мастерство сказывания, и лиц, слыхавших их не один раз. Например, сказитель Василий Петрович Тайбарейский (от него записано Леонтьевым 10 былин) от И. А. Дитятева перенял былины „Про Илью Муромца и Сокольника“; от С. А. Безумова — былинку про „Первую поездку Ильи Муромца“, про „Кострюка“, „Про Василия, царя Турецкого“, „Про Святогора“; от Ф. М. Пономарева — односельчанина, с которым вместе ходили работать „на низы“, — былины „Сорок калик со каликою“, „Про Ивана Горденовича“, „Дунай Иванович и Батуй Кайманович“, „Про Турицу Златорогую“, и „Про Ивана Гостиновича“. Остальные былины, или, как их называет сказитель, „старины“, Тайбарейский выучил неизвестно от кого, забыл.

¹ То же, стр. 19.

² М. Горький. Советская литература. М. 1934, стр. 13.

³ ЦО „Правда“, 1936, № 314.

⁴ Помещенные в скобках цифры означают номера текстов в данном сборнике.

⁵ За недостатком места в сборник вошли только 11 былин.

Василию Петровичу 74 года, но он еще крепкий старик, „могутный“, как говорят на Печоре. По национальности он — ненец, но живет с самого рождения в д. Лабожское, и вот уже 53 года, как он промышляет зверя, куроптя и рыбу. Былины сказитель поет, вставляя между стихами свои комментарии. События, описываемые в былинах, сопровождает замечаниями, например, когда Добрыня, Алеша и Иван Горденович едут из Киева в Чернигов три дня и три ночи, он вздыхает: „Что-то тихо едут-то, не иначе — пьянствуют“. Когда выясняется дальше, что в пятнадцати верстах от Чернигова богатыри „пируют-столуют трои суточки и трои же суточки просыпаются“, Василий Петрович с торжеством восклицает: „Ну, что говорил я! Вот уж и девять ден прошло, как из Киева выехали, — ясно, что не без госьбы“. Когда Соломон перед пристанью приспускает парус, сказитель вставляет реплику: „Хитер же вор!“ В былине „Про Василия, царя Турецкого“, к строчке: „Кладут они сходни концом на берег“, Тайбарейский делает замечание: „Кладут трапы, а поется сходни“.

Таких замечаний у В. П. Тайбарейского много, и некоторые из них ценны тем, что выражают отношение сказителя к тому или иному передаваемому им факту или событию.

У Тайбарейского есть свои ученики: его сыновья — Гавриил, 46 лет, Никандр, 40 лет, и Константин, 26 лет, — успешно перенимают от отца тексты былин и манеру их „пропевать“.

Сказители И. К. Осташев, 65 лет (д. Смекаловка), И. Т. Марков, 80 лет (д. Голубково), Г. А. Карманов, 60 лет, А. Ф. Торопова, 68 лет (д. Виска), и А. Т. Безумов, 60 лет (колхоз „Красная Печора“), также являются учениками талантливых печорских мастеров поэтического слова, в свое время отмеченных еще Н. Е. Ончуковым: С. А. Безумова, А. И. Дитяева, С. Ф. Хабарова, Н. П. Шалькова.

Богатство эпического наследия в Нижнепечорье объясняется географическим положением, родом занятий местных жителей и той былинной традицией, которая сюда была занесена первыми новгородскими поселенцами.

Знание былин на Печоре зарегистрировано составителем сборника не только среди стариков-сказителей, но и среди молодых (как уже отмечали, младший сын Тайбарейского — Константин, 26 лет). Среди некоторых современных продолжателей былинной традиции наблюдается стремление к пополнению своего репертуара. Они перенимают друг у друга былины. Есть такие мастера, которые в совершенстве владеют былинной поэтикой и могут любую сказку дать в былинном изложении; таков, например, сказитель И. К. Осташев из д. Смекаловки, а М. Р. Голубкова (д. Голубково) на основе традиционной былинной и песенной поэтики создает лирико-эпические поэмы, откликающиеся на события нашей советской современности.

Былины на Печоре живут, их с большим вниманием слушают колхозники от своих сказителей, былинами интересуются, изучают по ним прошлое своей родины. И несомненно, что кроме зарегистрированных сказителей в Нижнепечорье имеется еще целый ряд лиц, знающих былины.

Богат Печорский край и старинными сказками. Почти в каждом колхозе есть свои сказочники. Среди них обращают на себя внимание упомянутый уже Александр Трофимович Безумов из колхоза „Красная Печора“, 60 лет, и Калерия Ивановна Коткина, из с. Виски, 49 лет.

А. Т. Безумов в 1936 году рассказывал свои сказки в Виске на кустовой олимпиаде художественной самодеятельности. В данном сборнике ему принадлежат две сказки: „Небылая небылица“ (№ 71) и „Про попа и Евлашку Медвежье-ушко“ (№ 68).

„В 1900 году меня в солдаты взяли, — говорит Александр Трофимович, — и вот от Усть-Цыльмы до Архангельска мы, сто два человека, пешком на службу шли. Семьсот верст шестьдесят два дня шли. И все шестьдесят два дня я им сказки рассказывал. Каждый день — новые. Только зачну — враз все сберутся. Или на путине, бывало, по семь-восемь неводов соберутся, так уже тут скажешь — не перескажешь“.

К. И. Коткина также обладает большим сказочным материалом. Сказки она переняла от своей матери, известной сказительницы Марьи Федоровны Дитяевой. В ее репертуаре можно найти сказки и о животных, волшебные, бытовые сказки о барах, попах, ловком батраке и др.¹ Интересно привести некоторые названия сказок, по которым можно судить о репертуаре К. И. Коткиной „Про царя Архипата, Ивана-царевича и Якуту Горыничну“, „Сутул-горбат, на перед покляп, глуб карман, широк кафтан“, „Про жениха вшиву-вшивицу“, „Ворон Воронович, Вихорь Вихоревич, Сокол Соколович“, „Солнечна красота, морска тишина“, „Красная краса, чернорусая коса — от двух матерей дочь, от четырех бабушек внучка, от девяти тетюшек племянка“, „Гуды-самогуды, меч-самосек“, „Плевано да лизано“, „Про Ивана Царевича и летающих крыс“, „Марья Марьевна — римская королева“, „Про Протопея, про прапорщика“, „Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких — без числа“, „Кадета королева и Митрий Волович“, „Филипп Прекрасный“, „Царевна-людоедка“, „Про генеральскую дочь“, „Золотой клубок“, „Чудный остров“, „Говорун-птица“, „Клим-вор“, „Ярыжко“, „Феоктист ясный сокол“, „Горелый калачик“, „Про Макара купца“, „Чародей“, „Про разбойников“, „Пугало-птица“, „Кофейник-купец“ и т. д.

Сказки Коткиной обычно очень велики. Она их называет „коренными“, потому что они длинные и „складны да красивые“. По словам односельчан, у Калерии Ивановны есть сказки, которые можно рассказывать целых два вечера. Она талантливо владеет традиционными сказочными сюжетами, умело соединяя несколько сюжетов в одну сказку. Ее сказки пересыпаны пословицами и поговорками.

Знает Коткина и большое количество побывальщин.

К. И. Коткина слепая. Слепла она одиннадцать лет назад. Сказочницу любят печорские ребятишки, она рассказывает им свои сказки. „Меня за мои сказки любят, — рассказывает Калерия Ивановна, — в наш детдом меня водили сказки рассказывать. Я им

¹ За неимением места сказки не вошли в сборник.

К. И. Коткина

сказочница из села Виски, 49 лет

Фото А. М. Гашева

М. Р. Голубкова

песенница из дер. Голубкова, 45 лет

А. Т. Безумов

сказочник из колхоза „Красная
Печора“, 60 лет

Фото А. М. Гашева

В. П. Тайбарейский

сказитель былин из дер. Лабожское
74 лет

Фото А. М. Гашева

три долгие сказки рассказала. В другие дни ребята озорны, а тут присмирели, слушают и еще просят“.

К. И. Коткину и А. Т. Безумова можно назвать сказочниками-профессионалами.

Песен в сборник вошло свыше 50 номеров. Записанные тексты хорошей сохранности. Старинные лирические, свадебные, хороводные и игровые песни просты и яркие. Они волнуют своей глубокой художественной непосредственностью. Они передают все характерные особенности старинной песни и раскрывают социальные взаимоотношения в прошлом: в них описаны сиротская женская доля („Причет о горькой женской доле“, № 32), тяжелая замужняя жизнь („Лучше бы я, девушка, у батюшки жила“, № 33), жестокая царская рекрутчина и двадцатипятилетняя солдатская служба (№ 15—22).

Солдатские песни образуют особый цикл народной поэзии, и в сборнике они выделены в самостоятельный раздел. Уже при первых Романовых московские полки, сформированные из наемных „людей военного ремесла“, стали пополняться людьми из народной массы. А в Петровское время солдатчина стала заметным явлением в народной жизни: солдатская служба была иначе „грозной службой государевой“. Она отрывала молодежь от близкой для нее среды часто на долгие и долгие годы.

Когда служить сберется,
Словно с жизнью расстается...

„В те поры в солдаты на двадцать пять лет брали, — рассказывают печорские старожилы, — редкие счастливчики домой приходили. И вот как пойдут рекрута по избам прощаться, как запоют свои воинские песни — протяжные да печальные, — тут и не хочешь, да заплачешь. Особенно у отцов-матерей слез да горя — море разливное“. Молодежь, уходя в царскую армию, прощалась не только с родными, с друзьями, но и со своей жизнью. В царской армии не было никакого внимания к человеку, никакой заботы о его культурном развитии.

Блажая рекрутчина выдвинула „рекрутские плаксы“, которые нередко сочинялись в деревнях специальными мастерицами-плакушами, вопленницами.¹ Казарменная невеселая жизнь рождала невеселую солдатскую песню. „Многие солдатские песни так сюжетно осмыслены, так проникнуты чувством великого гнета и своего рода социальной „обреченности“, что сами по себе уже в достаточной мере обрисовывают тяжелую долю солдата в царские времена“. ² История русского солдата — в солдатских песнях.

Песенные мотивы горькой женской доли, жестокой рекрутчины и солдатчины проникли и в дореволюционную частушку (№ 62). Современная советская частушка, распеваемая молодежью, красочна, жизнерадостна и чрезвычайно интересна по своему содержанию. Она поет о партии, о Ленине и Сталине, о политическом и культурном росте деревни, об охране границ социалистической

¹ Ср. „Рекрутские причеты“ замечательной северной вопленницы Арины Федосовой в сб. Е. В. Барсова — Причитания Северного края, тт. I и II. М. 1872.

² „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, 1933, № 186.

родины и т. д. (№ 63). Способность частушки быстро откликаться на все злободневные вопросы текущего дня выдвигают ее на почетное место колхозной эстрады. Общеизвестными частушечницами на Печоре считаются две девушки из с. Верхней Пешы — Мария Ивановская (18 лет) и Мария Шубина (16 лет). У каждой из них имеется богатейший запас частушек на самые разнообразные темы. Больше всего молодые частушечницы предпочитают частушки, содержащие мотивы бодрости и радости.

Лучшими знатоками печорских старинных песен являются неразлучные подруги Елизавета Васильевна Пашкова (45 лет). и Маремьяна Романовна Голубкова (45 лет) — голубковские колхозницы, и Анна Егоровна Попова из с. Пылевец. Песен они знают не мало, около 300 текстов. Свой запас называют „песенной книгой“. Прошлая жизнь у них тяжелая, а поэтому и вся отрада была в песнях: „Песнями всю жизнь я себя утешала, — говорит Голубкова. — Какая жизнь, такая и песня поется“.

Маремьяна Романовна Голубкова в дореволюционное время действительно жила безрадостно. Жизнь ее богата горем и несчастьем. Вот что рассказывает она про себя:

„До семи лет по миру ходила, а с семи до девятнадцати на чужих людей здоровье вкладывала. Семнадцати лет не исполнилось, — отдали меня против воли в Пустозерск замуж. До самой свадьбы не видала жениха в глаза. Бил меня муж смертельно. Когда от побоев выкидыш получила, ушла от мужа.

Жить было очень трудно: недаром у меня с двадцати четырех годов волосы седые. Пришлось мне снова замуж итти. За старика вышла. Жила кое-как, да ребятишек много пошло: семнадцать человек родилось всего, а после мужа шестеро осталось...

Когда я своего старика хоронила, дак я не так, как все люди, плакала, а вспоминала всю свою прежнюю жизнь и обсказала все свое горе („Причет о горькой женской доле“, № 32). Всю жизнь я чужим людям в рот проглядела“.

Голубковой 45 лет. До последнего времени она работала дояркой в голубковском колхозе Нижнепечорского края. Все дети ее учатся. Старший сын Павел окончил ненецкое педагогическое училище и сейчас работает учителем в Варандее.

В песнях и рассказах (№№ 26, 28, 29, 31—33, 37, 40, 44, 50) Голубкова обрисовала не только „всю свою жизнь“ и „все свое горе“, но и вообще горе и тяжелое положение крестьянской женщины в дореволюционном прошлом. „В таком положении не одной мне приходилось жить, — говорит Голубкова в рассказе своем „Горький век“. — Много таких, как я, несчастных было. И все они хотят, чтобы така горька жизнь во сне больше не снилась и наяву не виделась“.

М. Р. Голубкова знает не только песни, но и причеты, пословицы, поговорки, загадки, сказки, побывальщины, старинные частушки. Она из числа наиболее творчески активных песенниц: прекрасно владеет традиционной песенной поэтикой и широко пользуется художественными приемами и поэтическими образами при создании своих произведений. В лице Голубковой мы имеем несомненно одаренного и своеобразного мастера художественного

слова, который свободно обращается с фольклорным материалом, творчески перерабатывая его.

Любопытны творческие попытки Маремьяны Романовны отразить нашу современность.

Она почти никуда не выезжала из своей родной деревни. Вверх по Печоре она дальше Виски¹ не поднималась. В Нярьян Маре была только два раза. И вот здесь, под влиянием новых впечатлений (посещение кино, учебных заведений, магазинов и т. д.), Голубкова создает художественное сказание о городе Нярьян Маре (№ 74), который „посередки тундры Большой земли... разрастается добрым людям на дивованье“. Сложила она сказание и про родную реку Печорушку. Обидно ей показалось, что „испокон веку про Волгу поют песенки, а никто не сумел про Печору спеть...“ И Маремьяна Романовна сложила свою песню про Печору (№ 74):

Мать-Печора была позакинута,
От больших городов позаброшена,
А теперь метит Волге во соперницы;
Не поддастся она шириной своей,
Не уступит она долиной своей,
Не уважит она водой полною,
Водой полною, рыбой красною.
Красотой ли своей распрекрасною.
Мать Печорушка — всем рекам река.

Это произведение создано на основе поэтики традиционных народных песен, плачей, причетов. В него почти целиком вошел свадебный причет „Уж мы жили, две красные девушки“ (№ 31).

Про борьбу за колхоз и о новой колхозной жизни она рассказывает в своей поэме „Мы пошли в поход на кулацкий род“ (№ 76). С большой любовью печорская сказительница говорит о „силе храброй красноармейской“ (№ 77), которая стережет „границы от разбойников, от разбойников — фашистов-подорожников“.

В день выборов в Верховный Совет Голубкова организовала в своем колхозе хор старушек-песенниц, и они „пели песни с утра до ночи“. Когда Голубкову попросили рассказать про новую теперешнюю жизнь, про свой колхоз, она заявила: „Мне бы вот про выборы обсказать все, что надумала, да время никак не найду“. В феврале 1938 года Маремьяна Романовна все свои мысли и думы, возникшие у нее в дни подготовки к новым всенародным выборам, „обсказала“ в поэтическом сказании „Про выборы всенародные“ (№ 78).

Творческое мастерство М. Р. Голубковой позволяет ставить ее в один ряд с такими замечательными народными мастерами советского фольклора, как М. С. Крюкова, М. М. Коргуев, Ф. А. Кошашков и А. К. Барышникова (Куприяниха).

Над своими поэмами-сказаниями М. Р. Голубкова работала с помощью собирателя Н. П. Леонтьева. Эта помощь выражалась, по его словам, в подборе материала (книги, брошюры, журналы и газеты), освещающего со всех сторон ту тему, к которой у сказительницы возникал творческий интерес. Приведем пример

¹ Виска от д. Голубкова в 40 км.

их совместной работы над поэмой „Среди тундры город вымахал“ (№ 75). Как только у Голубковой появилось желание создать поэму о новом заполярном городе Нярьян Маре, Н. П. Леонтьев подобрал и прочитал ей ряд очерков о строительстве города, познакомил ее с культурно-просветительными учреждениями: библиотекой, музеем, школами, театрами и т. д. Просмотрев в кинотеатре фильм „Пугачев“, сказительница в сказе о Нярьян Маре рассказывала о Пугачеве. Впоследствии вся эта помощь нашла свое отражение в сказании о новом городе. Такая же помощь Голубковой была оказана собирателем и при создании других ее поэм-сказаний (№№ 74—78).

Что касается участия литературного работника в самом творческом процессе народной поэтессы, об этом составитель сборника рассказывает следующее: „В процессе самого составления сказа моя роль ограничивалась советами редакционного порядка. В случае, если та или иная строчка не совпадала с общим тоном сказа, она безжалостно отменялась. После дополнительной творческой работы сказительница находила другие слова для передачи той же мысли. Готовая часть рассказа пополнялась новой строчкой, созвучной сказу, новым, более полным образом, и после этого она не подвергалась уже никакой переделке. Каждая строчка была созвучна всей предшествовавшей части произведения“.

Таким образом систематическая помощь литературного работника сопутствует процессу творчества сказителя, начиная с момента возникновения замысла и кончая полным завершением произведения.

Аналогичная работа проводится, как известно, В. А. Поповым со сказительницей М. С. Крюковой¹ и была проведена М. И. Костровой со сказителем П. И. Рябининым.²

Секция народного творчества Союза советских писателей СССР решила пригласить М. Р. Голубкову в Москву, чтобы ближе познакомиться с процессом ее творчества.

Фольклорный материал сборника отражает разнообразную и сложную историческую жизнь края в прошлом (эксплуатация местного населения купцами, скупщиками, нищета деревни, изнурительная работа рыбаков, двадцатипятилетняя солдатская служба и т. д.). Различные моменты современной жизни и новейшие этапы социалистического строительства показаны в рассказах, частушках и поэмах-сказаниях.

Сборник Н. П. Леонтьева дополняет ранее опубликованные собрания Н. Е. Ончукова и представляет лишь часть того огромного количества былин, песен, сказок и частушек, которые сложены и складываются на территории Архангельской области.

Собирательская работа дореволюционного времени не смогла охватить всего устного народного творчества области. Кроме того прежние собиратели почему-то занимались сбором только былин и сказок и мало уделяли внимания песням и более мелким жанрам, как пословица, поговорка, загадка и частушка. Совершенно не

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, Учпедгиз, 1938, стр. 502—507.

² Журн. „Литературное Обозрение“, 1937 г. № 5, стр. 23).

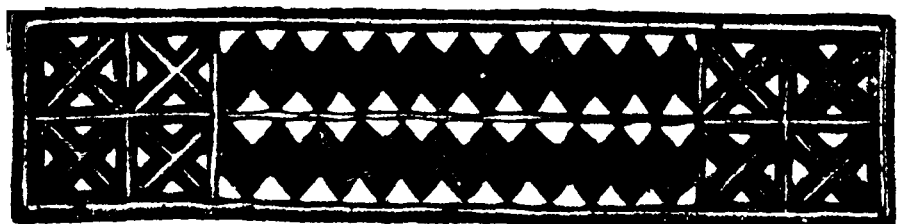
собиран фольклор северных лесопильных заводов, фольклор лесорубов, сплавщиков леса, рыбаков. Не собраны прекрасные рассказы северных охотников и своеобразный красочный детский фольклор.

Планомерная и систематическая работа по собиранию произведений устного поэтического творчества сейчас почти не ведется в области, если не считать отдельных выездов московских и ленинградских фольклористов, а нетронутые богатства устной поэзии в области огромны. Если весь этот материал собрать и издать, то на нем „... можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных¹...“ (Вл. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии, М. 1931) и изучить народную психологию в наши дни.

Устная поэзия является оружием классовой борьбы, средством политической агитации и пропаганды, и воздействует как одно из средств общественно-политического воспитания.

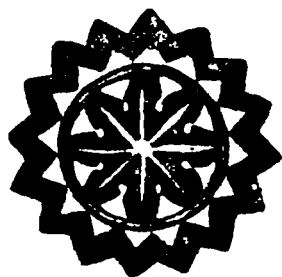
19/XII 1938 г. Москва.

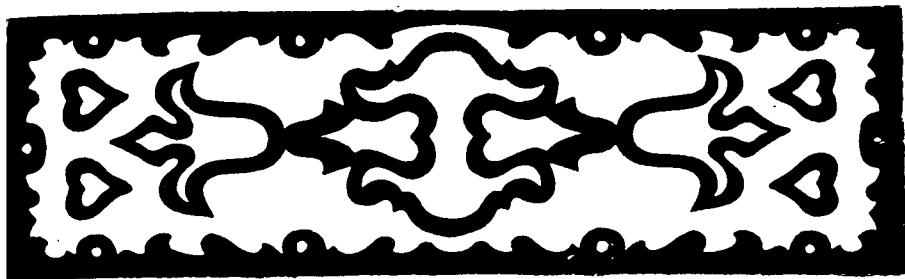
Вик. Сидельников.

БЫЛИНЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

1. Первая поездка Ильи Муромца

162453
Сидел Илѣйка без рук, без ног,
На печи сидел Илейка тридцать лет.
Ушли у него отец-мать на поле,
Сидит Илейка один на печке-муравленке,
Под окно пришли калики перехожие:
— Подай, Илейка, милостыню ради христа.—
Говорит Илѣйка таково слово:
— Ой есь, калики перехожие,
Рад бы я подать,
И не действуют ни руки, ни ноги:
Сижу я тридцать лет без рук, без ног.—
Говорит калика перехожая:
— Протяни,—говорит,—праву ноженьку.—
Протянул он праву ноженьку,
Подействовала его да права ноженька.
— Протяни,—говорит,—леву ноженьку.—
Протянул он леву ноженьку,
И подействовала его лева ноженька.
Слез он с печки-муравленки,
Говорит он таково слово:
— Ой есь, калики перехожие,
Подействовали у меня резвы ноги,
Не действуют у меня белы руки,
Не могу я вам подать милостыню.—
Говорит калика перехожая:
— Протяни,—говорит,—праву рученьку.—
Протянул Илейка праву рученьку,
Подействовала его права рученька.
— Протяни,—говорит,—леву руку.—
Протянул Илейка леву руку,
Подействовала его лева рученька.
Вынес он буханочку и подал им.

Говорят калики перехожие:
 — Ой еси, Илеюшко,
 Спустишь ты к матери во глубок погреб,
 Подынь ты зачерпни кружку квасику.—
 Спустился он во глубок погреб,
 Поднял он квасу круженьку.
 Говорит калика перехожая:
 — Ой еси ты, Илейка Муромец,
 Выпей ты эту квасу круженьку.
 Выпил Илейка квасу круженьку.
 — Что, Илейка, по се чувствуешь?
 — Чувствую я по се силюньки:—
 — Спустишь еще во глубок погреб,
 Подынь еще кружку зелена вина.—
 Поднял он кружку зелена вина.
 Говорит калика перехожая:
 — Выпей, Илейка, эту круженьку.—
 Выпил Илейка эту круженьку.
 Говорит калика перехожая:
 — Что, Илейка, по се чувствуешь?—
 Говорит-то Илейка Муромец:
 — Столько я чувствую в себе силюньки,
 Было бы кольцо во сырой земли,
 Поворотил я бы мать-сыру землю.—
 Говорят калики перехожие:
 — Дали мы ему силы множество,
 Убавить надо силы половиноушку.—
 Убавили силы половиноушку,
 Потерялись калики перехожие.
 Выходил Илейка вон на улицу,
 Пошел Илейка во чисто поле,
 К отцу к матери идет на поле.
 Увидела его мать родимая,
 Говорит она мужу Мурому:
 — Ой есь, мой муж Муром,
 Вон идет кто ли, как наш Илеюшко.—
 — Глупа ты, баба, неразумная,
 Сидит Илейка тридцать лет без рук, без ног.—
 Поближе подходит к ним Илеюшко.
 Говорит опять жена у Муромы:
 — Совсем как наш будто идет Илеюшко.—
 Не верит Муром её словам.
 Подошел к ним Илейко близко-наблизко,
 Узнали его и возрадовались.
 Поздоровался он с отцом, с матерью.
 спрашивают его отец с матерью:
 — Пришли под окно калики перехожие:
 „Подай, Илейко, милостыню ради Христа“.
 Говорю я им таково слово:
 „Ой есь, калики перехожие,
 Рад бы я подать,

И не действуют ни руки, ни ноги,
Сижу я тридцать лет без рук, без ног".
Говорит калика перехожая:
„Протяни, — говорит, — праву ноженьку".
Протянул я праву ноженьку,
Подествовала моя да права ноженька.
„Протяни, — говорит, — леву ноженьку".
Протянул я леву ноженьку,
И подествовала моя лева ноженька.
Слез я с печки муравленой,
Говорю я таково слово:
„Ой есь, калики перехожие,
Подествовали у меня резвы ноги.
Не действуют у меня белы руки,
Не могу я вам подать милостыню".
Говорит калика перехожая:
„Протяни, — говорит, — праву рученьку, —
Протянул я праву рученьку,
Подествовала моя права рученька.
„Протяни, — говорит, — леву рученьку".
Протянул я леву рученьку,
Подествовала у меня лева рученька.
Вынес я буханочку и подал им.
Говорят калики перехожие:
„Ой еси, Илеюшко,
Спустишь ты к матери во глубок погреб,
Подынь ты, зачерпни кружку квасику".
Спустился я во глубок погреб,
Поднял я квасу круженьку.
Говорит калика перехожая:
„Ой еси ты, Илейка Муромец,
Выпей ты эту квасу круженьку".
Выпил я квасу круженьку,
„Что, Илейка, по се чувствуешь?"
„Чувствую я по се силюньки".
„Спустишь еще во глубок погреб,
Подынь еще кружку зелена вина".
Поднял я кружку зелена вина.
Говорит калика перехожая:
„Выпей, Илейка, эту круженьку".
Выпил я эту круженьку.
Говорит калика перехожая:
„Что, Илейка, по се чувствуешь?"
„Столько я чувствую в себе силюньки:
Было б кольцо во сырой земли,
Поворотил я бы мать-сыру землю".
Говорят калики перехожие:
„Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половинушку".
Убавили силы половинушку,
Потерялись калики перехожие.

Тогда пошел я к вам во чисто поле.—
 Говорит Илёйко таково слово:
 — Ой есь, ты мой отец-мати,
 Садитесь вы на колоденку,
 Подчищу за вас я полюшко. —
 Берет он дубинушку за вершинушку,
 За вершину дубинушку подёргиват,
 За поле дубинушку помётыват.
 Вычистил он полюшко порядочно.
 Пошел он домой да с отцом-матерью.
 Проходит у них дома темна ноченька,
 Ставали они поутру раным-рано.
 Говорит-то старой да Илья Муромец:
 — Ой есь, мой отец-матушка,
 Дайте мне благословеньице
 Сходить, съездить в стольной Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне всех русских богатырей. —
 Не дают отец-мать благословеньице:
 — Помрем мы без тебя да смертью лютеей. —
 Другой раз старой их выпрашивают:
 — Ой есь, мой отец-матушка,
 Дайте мне благословеньице
 Сходить, съездить в стольной Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне всех русских богатырей. —
 Не дают отец-мать благословеньице:
 — Помрем мы без тебя да смертью лютеей. —
 Третий раз старой их выпрашивают:
 — Ой есь, мой отец, матушка,
 Дайте мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольной Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне всех русских богатырей.
 Дадите — поеду и не дадите — поеду. —
 Говорит-то его отец Муром:
 — Ой ты, мой старой¹ да Илья Муромец,
 Ехать тебе дорожкой прямоезжею —
 Прямоезжая дорожка призапущена,
 Призапущена дорога, призасорена,
 Не ездят той дорогою тридцать лет.
 Заселился там Соловей Рахматович,
 Не пропускает он ни конного, ни пешего,
 Не пропускает ни зверя рыскающего,
 Не пропускает он ни птицу полетущую,
 Не пропускает он русского богатыря,
 Убивает он своим свистом громким.

¹ Начиная со времени исцеления Ильи Муромца, сказители называют его — „старой“.

А кругом дорожкой надо ехать три года. —
Сряжался старой да Илья Муромец,
Седлал-уздад он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцатую степ да лошадиную —
Не оставил бы молодца да в поле добрый конь
Серым-то волкам да на съеденье,
Черным вороненкам, нынь, на граянье.
С отцом-матерью он распрощается.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской,
Только видят во поле куревá идет,
Куревá идет да дым столбом валит.
Приезжал он к ростаням дороженьки.
Поехал он по прямой дороженьке,
Приехал он в болотину дыбучую.
По болотине мостики приломаны.
Слезал Илейко со добра коня,
У коня брал он повод да во леву руку,
Правой рукой дубинушку он подергиват,
Болотинку он мостом помащиват,
Перебрался через болотину дыбучую,
Перешел он да во чисто поле.
Садился он на добра коня,
Поехал он в путь-дорожечку.
Там увидел во чистом поле,
Увидел он Соловья за семь верст:
Сидит Соловей Рахматович
На семи дубах, на восьми поддубочках.
Увидел Соловей русского богатыря
Во той же дорожке прирассоренной,
Натягал Соловей духи змеиные,
Заревел он громким голосом.
У старого конь да на колени пал.
Бьет коня по тучным ребрам:
— Ай ты, волчья сыть, да травяной мешок,
Не слышал ты граю воронового. —
Брал он себе в руки тугой лук,
Накладывал стрелу и приговаривал:
— Уж ты, моя калена стрела,
Не падай ни на землю, ни на воду,
Пади Соловью во правый глаз. —
Закладывал он стрелочку каленую.
Не серы волки в поле завояли, —
У старого, у лука макляки заскрипали.
Полетела стрелонька каленая,
Попала Соловью во правый глаз,
Свалился Соловей Рахматович
С семи дубов и восьми поддубочков.
Не удалось Соловью на пол пасть —
Подъехал старой да Илья Муромец,

Приковал его к седёлышку зеркальчатку.
 Едет он по чисту полю.
 Были у Соловья две дочери,
 Выходили они на крыльцо парадное,
 Глядели они да во чистѡ поле.
 Видят они во чистѡм поле—
 Отец едет, богатыря везет.
 Забежали они к матушке родимой:
 — Ой есь, наша матушка родимая,
 Татка едет, богатыря везет.—
 Вышла у них матушка родимая
 На то ли крыльцо да парадное,
 Брала она трубоньку подзорную,
 Глядела она во чистѡ поле,
 Говорит она таково слово:
 — Не отец везет, а богатырь отца везет;
 Поднимайте надрешотницы тяжелые,
 Зовите гостя попить, поесть.
 С той же да с пути-дороженьки
 Заезжать станет в нашу оградушку—
 Спустите надрешотницы тяжелые,
 Богатырю спустите в буйну голову,
 Предайте его смерти лютой.—
 Подъезжат старой да Илья Муромец.
 Выходили к нему да красны девицы:
 — Ой есь, удалый добрый молодец,
 Приворачивай с пути-дороженьки,
 С пути-дороженьки к нам попить-поесть.—
 Не глядит старѡй да Илья Муромец,
 И проехал он мимо в стольной Киев-град,
 Приезжат старѡй в стольной Киев-град,
 Слезал он да со добра коня,
 Заходил он к солнышку-Владимиру.
 Идет у солнышка почѣстен пир,
 Садил старѡго да за передний стол.
 Тут они стали его спрашивать:
 — Поколь же ты, удалый добрый молодец,
 Поколь же ты ехал, поколь путь держал?
 Ехал ты дорожкой кругоезжей?—
 Говорит-то старѡй да таково слово:
 — Ой есь, удалы добры молодцы,
 Ехал я дороженькой прямоезжей.—
 Не верят удалы добры молодцы:
 — У нас засорена дорожка тридцать лет,
 Тут сидит Соловей Рахматович
 На той же дорожке прямоезжей,
 Не пропускает он ни конного, ни пешего,
 Не пропускает он зверя рыскачего.
 Не пропускает он птицу полетущую,
 Не пропускает он и русского богатыря.
 Убивает он своим свистом громким.—

Говорит-то старой Илья Муромец:
— Ой есь, удалы добры молодцы,
Я ехал дорожкой прямоезжейей,
Сидит у меня Соловей Рахматович.
Сидит он у меня да на добром коне,
Прикован-то к седёлышку зеркальчату.—
Говорит-то солнышко Владимир князь,
Говорят все русские богатыри:
— Если есть у тя Соловей Рахматович,
Заведи его да на почестен пир.—
Говорит-то старой да Илья Муромец:
— Ой есь, Микитушка Добрынюшка,
Заведи поди Соловья Рахматова.—
Выходил-то Микитушка Добрынюшка:
— Ой есь, Соловей Рахматович,
Пойдем к солнышку на почестен пир.—
Говорит Соловей таково слово:
— Не твое пью-кушаю, не тя и слушаю,
Есть у меня хозяин — Илья Муромец.—
Заходил-то Микитушка Добрынюшка:
— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Не идет со мной Соловей Рахматович.—
Выходил старой да вон на улицу,
Снимал он Соловья Рахматовича,
Заводил он его на почестен пир.
Сажали его за дубовый стол,
Подавали ему чару зелена вина,—
Не большу, не малу—в полтора ведра.
Тут они сидят, пьют-едят.
Говорит-то солнышко Владимир-князь,
Говорят все русские богатыри,
Те же бояра толстобрюхие:
— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Разреши свистеть Соловью Рахматову
Своим ему да громким голосом.—
Вставал старой да на резвы ноги,
Брал князя он под праву руку,
Матушку Апраксию под левую.
Говорил-то старой да Илья Муромец
Тому же Соловью Рахматовичу:
— Ой есь, Соловей Рахматович,
Натяни ты духи змеиные,
Засвисти ты о полусвиста.—
Натягал Соловей духи змеиные,
Засвистел Соловей во весь свист,
Всех тут на-раз да приошунуло,
Заползали бояра толстобрюхие,
Поддержал старой да Илья Муромец
Князя и мать Апраксию.
Осердился старой да Илья Муромец,
Схватил Соловья за черны кудри,

Поднял он его выше буйной главы,
Опустил он его о кирпичат пол,
Предал его он смерти лютой.

2. Идолище в Киеве

Заехал Идолище поганое
В тот же стольной Киев-град:
Ушищи — как сильны блюдища,
Глазищи, как сильны чащища,
А голова, как пивной котел.
Зашел он к солнышку Владимиру —
Разбежались все русские богатыри,
И тот же старой да Илья Муромец,
Скрылся старой да во городе.
Взял он капли старые,
Состарил свое бело лицо,
Повесилась у него губа до щеки.
Погано Идолище заповедал всем,
Чтобы не поминали Ильи Муромца.
Пришел старой к солнышку-Владимиру
С клюкой железной он да сугорбился.
Сидит Идолище поганое,
На коленях держит матушку Апраксию,

Подносит Владимир пищу-кушанье.
За одну щеку кладет тот буханочку,
За другую кладет белу лебедь.
Говорит-то калика перехожая:
— У моей-то у маменьки родимой
Была корова обжорчива,
По сметьям ходила да костью задавилась,
А тебе, погано Идолище,
Не миновать этой чаши тож будет. —
Попросил он у солнышка
Подать милостыню ради христа:
— Не ради меня, а ради старого Ильи Муромца. —
Схватил Идолище поганое,
Схватил свой кинжалище-булатный нож,
Свистнул он калику перехожую.
На то калика был увертливый —
Увернул он от ножа булатного.
Схватил калика перехожая,
Выхватил кирпичину из печи,
Свистнул взаимно во черны груди.
Попало Идолищу в пивной котел,
Провалился Идолище вон с простеночком.

3. Илья Муромец и Сокольник

У того у моря у холодного,
У того у камня у Латыря,
Тут живет один сын с родной матушкой.

Молода юность, десяти годов,
Он замог детинушка конем владать,
Он немецким копейцом замог штурмовать,
Он вздымать замог свою палицу буёвую,
Хоть не тяжолую палку — девяносто пуд.
И говорил тогда детинка таковы слова:
— Уж ты ой еси, мать моя родимая,
Мне-ка дай благословеньице великое
Ходить мне-ка, ездить по чисту полю. —
Выводила она ему тут коня доброго,
Выносила ему сбрую лошадиную,
Выносила копейцо бурземецкое
И выносила ему саблю вострую,
Указала ему палицу буевую
И стала тогда ему наказывать:
— Уж ты ой еси, мое чадо милое,
Ты когда поедешь по чисту полю,
Ты увидишь когда старого седатого,
Не доехав, старому с коня вставай,
Кланяйся старому понизешинько,
Понизешинько старому, ниже пояса,
Ниже пояса старому, до сырой земли,
До сырой земли старому, в ногу правую. —
Отправляется удалой доброй молодец,
Седлат-уздат коня доброго,
Перекрестницу кладет через хребетну степ,
Не для ради басы, да ради крепости, —
Не оставил бы меня добрый конь во чистом поле.
Кладет свои доспехи богатырские,
Берет свою саблю вострую,
Берет он копейцо бурземецкое,
Берет свою палицу буевую,
Садится он на добра коня,
Распрощается со своей родной матушкой,
И поехал он ступцой потихошенько.
Поехал детина по чисту полю,
Со утехами он своима потешается:
Впереди его бежит большой белый зверь,
Позади его бежит большой чёрный медведь,
По праву руку бежит чёрной выжлочек.
Как по левую бежит его серый волк,
На правом плече сидит млад-ясён сокол,
На левом плече сидит млад-сизой голубь.
Он и левою рукою, нонь, коня правит,
Правою рукою ярлыки пишет,
Он разметывает по полю по чистому,
По тому ли раздолью по широкому.
Мимо едет крепку заставу великую,
Где стоят двенадцать русских богатырей,
Пасут-берегут стольной Киев-град.
Туда ясный сокол не пролетывал,

Туда серый волк не прорыскивал,
Доброй молодец удалый не проезживал
Эту крепкую заставу великую.
Он двенадцать богатырей ничем зовет.
Стучит-гремит матушка сыра земля.
Тогда услышал старой Илья Муромец,
Выходил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашечке без пояса,
В одних беленьких чулочках и без чоботов,
Он скоро заходит во белой шатер,
Говорит своей дружинишки хороброей,
Своим двенадцати русским богатырям:
— Уж вы ой еси, могучие богатыри,
Проехал богатырь по чисту полю,
Нас двенадцать богатырей, видно, ничем зовет,
Он ничем, видно, зовет нас, ни во что кладет.—
Говорит тогда старой таковы слова:
— Уж ты ой еси, Олешинька Попович-млад,
Попроведай ты удала добра молодца:
Он коей земли, какого города,
Он какого отца, которой матери,
Его как, молодца, именем зовут,
Величают молодца из отечества.—
Приготовили Олешке коня доброго,
Выходил тогда Олешка вон на улицу,
Надевал на себя платьице военное,
Тогда скоро заскочил на добра коня
И поехал Олешка по чисту полю
Достигать на чистом поле богатыря.
Приезжал Олешка близко к нему за пять верст,
Закричал Олешка громким голосом:
— Уж ты серая ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
По сметищам ты, птица, волочилась,
Поганой костью задавилася.—
Приезжал Олешка к нему близко к самому,—
Едет детинка — не оглянется,
Все с утехами своими потешается.
Тогда воротится удалый добрый молодец,
Воротит своего коня доброго,
Приезжал к Олешке близко к самому,
Снимал Олешку со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыша,
Во леву холку дал два оляпыша,
Посадил Олешку на добра коня,
Стал Олешеньке тогда он наказывать:
— Я старого возьму к себе в приказчики,
Я Добрынюшку возьму во писари,
Я Иванушку Горденова — во конюхи,
Я тебя, Олешку, — чашки-ложки мыть.—
Поехал со своими утехами великими,

Поехал вдоль по чисту полю,
А Олешка поехал ко белу шатру.
Едет Олешка не по-старому —
Не по-старому едет, не по-прежнему.
Приехал Олешка ко белу шатру,
Он едва спустился да со добра коня,
Он едва зашел во белой шатер,
И стал Олешенька рассказывать,
Со слезами Олешка разговаривать:
— Говорит богатырь таковы слова:
Он старóго берет у нас в приказчики,
Он Добрынюшку Микитича у нас — во писари,
Он Иванушку Горденова — во конюхи,
А меня, Олешку, — чашки-ложки мыть. —
У старого очи ясны помутилися,
Его могучие плечи расходилися,
Богатырское сердце възъярилося.
Приготовили старому коня доброго,
Выходил старóй вон на улицу,
Надевал на себя платьице военное,
Опоясал кольчуги золоченые,
Он берет с собой палицу буёвую,
Он берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновленну,
И берет с собой копейцо бурзومهцкое.
Не видели посадки молодецкой,
Его скорой побейки лошадиной —
Увидели во поле только курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит.
Достигать он на чистом поле поехал богатыря,
Недалеко приезжал он, близко, за пять верст,
Закричал тогда старой громким голосом:
— Уж ты здравствуешь, удалый добрый молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, коей матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, из отечества? —
Приезжает тогда старой близко к самому,
Съезжаются удалы добры молодцы.
Говорит тогда удалый добрый молодец:
— Уж вы ой еси, мои утехи любимые,
Мне-ка нонче, утехи, не до вас стало,
Не до вас мне стало, да не до вас пришло. —
Съезжались удалы добры молодцы,
Они бились палками буевыми, —
От рук ихни палочки ломались,
Ни один ни одного не обранили,
Не обранили, не окровавили.
Они секлися сабельками вострыми, —
Ни один ни одного не обранили.
Не обранили, не окровавили.

Они тыкались копьями бурзомецкими,—
 По насадочкам все ихны копыя изломались,—
 Ни один ни одного не обранили,
 Не обранили, не окровавили.
 Скакали со своих коней добрых,
 Схватились они рукопашкою,
 Еще бродят молодцы по-колен земли.
 У старого рука права промахнулась,
 Да его левая нога подвернулася —
 И упал тогда старой на сыру землю.
 Во озерках вода вся сколыбалася,
 И сухое пенье обломалося,
 Сыро дубье со вершинами соплеталося.
 Тогда сел ему собака на белы груди,
 Разрывал он его латы-панцыри
 И те же кольчуги золоченые.
 Тогда взмолился Илья Муромец:
 — Уж ты ой еси, спас многомилостливый,
 Пресвята,—говорит,—мать божья богородица,
 Я стоял за веру православную,
 Я за русские церкви за соборные,
 Я за все монастыри богомольные,
 Уж ты выдала меня собаке на поругание.—
 У старого тогда силы вдвое прибыло,
 Он и сшиб-сломил собаку со белых грудей,
 Завернулся ему на черны груди,
 Разрывал он его латы-панцыри
 И те же кольчуги золоченые,
 Тогда вынимал он из кинжалища булатный нож,
 Еще хочет он пороть груди черные
 И вынимать его ретиво сердце,
 Мешать он собаке кровь со печенью,—
 В заведи у старого рука права остаялася.
 Спрашивает старой Илья Муромец:
 — Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
 Ты какой земли, какого города,
 Ты какого отца, которой матери,
 Тебя как, молодца, именем зовут,
 Величают, удалого, по отчеству?—
 Ответ держит удалый добрый молодец:
 — Когда я сидел у тебя на белых грудях,
 И хотел я пороть груди белые,
 И хотел я мешать кровь со печенью,
 И хотел я вынимать ретиво сердце,
 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
 Ни твоего отца, твоей матери.—
 Вынимал старой из кинжалища булатен нож,
 И хочет он пороть груди черные,
 И вынимать его ретиво сердце —
 В локтю у старого рука права остаялася.
 Спрашивает старой Илья Муромец:

— Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству? —

Ответ держит удалый добрый молодец:

— Когда я сидел у тебя на белых грудях,
И хотел я пороть груди белые,
И хотел я мешать кровь со печенью,
И хотел я вынимать ретиво сердце,
Я не спрашивал ни роду ни племени,
Ни твоего отца, твоей матери. —
Вынимал старой Илья Муромец булатен нож,
Он хочет пороть груди черные,
Мешать он собаке кровь со печенью
И вынимать его ретиво сердце, —

В заведи у старого рука права остаялася.

Спрашивает старой Илья Муромец:

— Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,

Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству? —

И сказал тогда удалый добрый молодец:

— От того я от моря от холодного,
От того я от камешка от Латыря,
Я родился от матушки Златыгорки,
От той ли паленицы преудалые. —
Тогда встал Илья со черных грудей
И берет его за белы руки,

Целовал его в уста сахарны:

— Уж ты ой еси, мое чадо милое,
Мы с твоей матушкой Златыгоркой
Спали-ночевали в одном шатре,
И тут мы тебя, видно, прижили. —
Распрощались удалы добры молодцы,
И поехал он к морю ко холодному,
Ко своей ко матери Златыгорке,
А старой тут остался на чистом поле

Со своим конем добрым,
Разоставил свой белой шатер,
И лег он спать во белой шатер.
Приехал Сокольник ко своему двору,
Ко своей ли матери родимой.

Встречает его матушка родимая:

— Уж ты ой еси, мое чадо любимое,
Не видал ли ты старого-седатого? —

Ответ держит удалый добрый молодец:

— Уж я видел старого-седатого,

Старой называет тебя б...,

А меня обзывает он в... —

Берет он во свою руку правую,
Берет свою саблю вострую,
Новую саблю, необновленну,
И ссек у ней со плеч голову.
Идет ко своему коню доброму,
Повеса, идет, буйну голову,
Идет, потупя очи ясные.
Садился молодец на добра коня,
И поехал он по чисту полю
Искать старого Илью Муромца.
Приехал к старому ко белу шатру
И скоро скочил со добра коня,
Берет в руки копейцо бурзоецкое,
Распахнул у шатра полу правую,
Ткнул старому во белы груди.
Пробудился старой Илья Муромец,
Выскочил старой вон на улицу,
В одной беленькой рубашке и без пояса,
В одних беленьких чулочках и без чоботов.
Он берет тогда собаку за черны кудри,
Он вздымал его выше головы,
Опускал его о сыру-землю,
О сыру-землю его, о горюч-камень
И кончил его тогда вечну жизнь.

4. Илья Муромец в опале у Владимира

На того же солнышка Владимира
Напал войной король неверный,
Нагнал он силы много-множество.
Тот же солнышко Владимир князь,
Стал он просить Илью Муромца:
— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Напал на меня король неверный,
Нагнал он силы много-множество, —
Побей ты эту рать неверную. —
Сряжался старой да сподоблялся,
Седлал, уздад он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцату степ да лошадиную —
Не ради басы—ради крепости:
Не оставил бы молодца да в поле добрый конь
Серым волкам да на съеденьице,
Черным вороненкам нын на грянье.
Выезжал он во чисто поле,
Бить стал эту рать неверную.
Бил он рать трои сутки,
Выбил всю эту рать неверную.
Приезжат он к солнышку Владимиру,
Заходит он к нему да в светлу-светлицу.
Сделал солнышко почестен пир,

На том же пиру да почестноем
Подарил старому кунью шубу.
Ходит старой нынче по полу,
Шубу за рукав да он потряхиват,
Этой шубе он да приговариват:
— Будь ты, моя шуба, счастлива,
Будь ты, моя шуба, таланиста,
Не давай меня, шуба, в обидушку. —
Учули бояре да толстобрюхие,
Говорят они солнышку Владимиру:
— Ой еси, солнышко Владимир-князь,
Ходит старой нынче по горнице,
Твою шубу он по полу потаскиват
И шубе старой да приговариват:
„Как легко эту шубу я потаскиваю,
Та же участь будет солнышку-Владимиру,
А матушку Апраксию за себя возьму“.
Поверил им солнышко-Владимир князь.
Выкопали нынче глубокий погреб,
Глубокий погреб да тридцатисаженный,
Засадили там старого Илью Муромца,
Засадили его да во глубокий погреб,
Навалили плиту тяжелую,
Тяжелую плиту да плиту каменную.
Осердились русские богатыри,
Разъехались, куда надобно,
Нету при городе ни единого.
Та же матушка Апраксия,
Выкопала она подкоп тайные,
Докармливает так она его, допаивает...
На тот же на стольной Киев-град
Напал войной король неверный:
Забрать ладит стольной Киев-град.
Не стало у них нонче защитника,
Разъехались все удалы добры молодцы,
Поморен старой голодной смертью.
Нагнал король силы много-множество.
Куда солнышко пошлет своих послов
Искать русских богатырей —
Какого найдут — ни один не идет:
Погубил, говорят, старого Илью Муромца,
Нет его, атамана-защитника.
Говорит-то матушка Апраксия:
— Ой есь, солнышко-Владимир князь,
Отвали с погребца плиту тяжелую,
И не живой ли старой Илья Муромец. —
— Глупа ты, — говорит, — баба неразумная, —
Волос долог, а ум короток:
Столько время сидит, да ладишь живу быть. —
Приходят сроки короткие
От того ли короля неверного,

Говорит опять матушка Апраксия:
 — Ой есь, солнышко-Владимир князь,
 Отвали плиту тяжелую,
 Посмотрите во глубок погреб,—
 Не живой ли старой да Илья Муромец. —
 — Глупа ты, баба неразумная,—
 Волос долог, а ум-от короток:
 Столько время сидит, дак ладишь живу^убыть. —
 Тут она помешкалась и третий раз посмелилась:
 — Ой есь, солнышко-Владимир князь,
 Напрасно посажен старой да Илья Муромец,
 Отвалить надо плиту тяжелую,
 Посмотреть во глубоком погребе:
 Может, вزابоль жив старой да Илья Муромец. —
 И придумал солнышко-Владимир князь:
 Брал он себе слуг верных,
 Приходили они к глубокому погребу,
 Отвалили плиту тяжелую,
 Посмотрели они во глубок погреб:
 Там сидит старой, как белой куропись,
 Читат он книгу евангелье.
 Говорит-то солнышко-Владимир князь:
 — Ой еси, старой да Илья Муромец,
 Прости меня во первой вины:
 Понапрасно я те посадил во глубок погреб.
 Напал нынъ король неверный,
 Нету у меня защитушки,
 Разъехались все удалы-добры молодцы,
 Нету их да ни единого.
 Ой есь, старой да Илья Муромец,
 Тебя подыдем из глубокого погреба
 Защищать наш стольной Киев-град.
 Нагнал король неверный,
 Нагнал он силы много-множество,
 Окружили наш стольной Киев-град. —
 До трех раз звал солнышко-Владимир князь, —
 Не отгибат старой да ему буйной главы,
 Не говорит он с ним ни одного словечика.
 И заплакал солнышко-Владимир князь,
 Пошел он к своей да к молодой жене:
 — Ой есь, — говорит, — матушка Апраксия,
 Отвалили мы плиту тяжелую,
 Посмотрели мы да во глубок погреб:
 Точно, жив сидит да Илья Муромец.
 Звал его я до трех раз, —
 Он со мной да ни словечика.
 Сидит, читат он книгу евангелье,
 Не отогнул он мне-ка свою буйну главу;
 Поди ты, зови его, да покаяйся нынъ.
 Понапрасно я посадил, дак он сердится,
 Потому он со мной да ни словечика.

Ты поди, скажи да поканайся нынь,
Не послушает ли тебя Илья Муромец. —
Пошла нынь матушка Апраксия, —
Приходила она к глубокому погребу,
На колени пала на сыру землю:
— Ой есь, старой да Илья Муромец,
Ты выйди из глубокого погреба,
Оборони наш стольной Киев-град:
Окружила нас сила неверная,
Никого нет у нас защитника.
Посадили тебя да во глубок погреб,
Все разъехались русские богатыри. —
Вставал-то старой да на резвы ноги:
— Ой еси, матушка Апраксия,
Уйди подале от глубокого погреба. —
Отошла она подальше от погреба.
Выскочил старой да Илья Муромец,
Брал он ее за белу шею,
Целовал он ей лицо белое:
— Одна, — говорит, — меня матушка спородила,
А друга матушка вскармила.
Рад стараться — голову положить. —
Заходили они в светлу-светлицу,
Говорит-то старой да Илья Муромец:
— Ой есь, матушка Апраксия,
Есть ли у меня да той доброй конь,
Есть ли приправа молодецкая? —
— Твой доброй конь — стоит,
Ест у меня пшено да белоярово,
Твоя приправа сложена во глубок погреб. —
Сряжался старой да сподоблялся нонь,
Выходил он вон на улицу.
Выводили ему добра коня,
Седлал, уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцатую степ да лошадиную:
Не ради басы, ради крепости, —
Не оставил бы молодца да в поле добрый конь
Серым волкам да на съеденьице,
Черным вороненкам нонь на граянье.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской —
Видят — в поле курева идет,
Курева идет, да дым столбом валит.
Начал косить он рать неверную,
Бил, косил он трои суточки,
Выкосил всю рать неверную.
Гонит он в стольной Киев-град
С великого, большого побоища.
Видят старого Илью Муромца,
Что сердитой едет да Илья Муромец, —

Запратался солнышко-Владимир князь.
Выскакивал он во светлу-светлицу:
Нету солнышка Владимира,
Сидят тут бояре толстобрюхие,
Ждали его с большого побоища.
Он всех выбил тут бояр да толстобрюхиных,
Почувствовал—в ногах его волочится,
Унимает его матушка Апраксия.
Увидел он матушку Апраксию,
Брал ее за белы руки,
Ставил ее на резвы ноги.
Тут она его умаливает,
Тут она его упрашивает:
— Много выбил ты бояр да толстобрюхиных. —
Прошло и его сердце ретивое.
Стал спрашивать солнышка-Владимира:
— Ой еси, матушка Апраксия,
Где наш солнышко-Владимир князь?—
— Скрылся-спрятался от тебя во глубок погреб.—
Тогда вывели солнышка-Владимира,
Пал солнышко старому во праву ногу:
— Прости,—говорит,—меня, старой, да во первой вины.—
Тогда поднял его старой да за белы руки,
Поставил его на резвы ноги
И простил его во первой вины.

5. СЯТОГОР И ИЛЯ МУРОМЕЦ

Ехал старой по чисту полю,
Заехал старой на Святу-гору,
Выехал он на ископыт лошадиную,
И поехал по этой ископоти лошадиной,
Нагонил он русского богатыря,
Вынул он палицу буёвую,
Ударил богатыря палицей буёвой.
Говорит Святогор таково слово:
— Ветру нет, а шишки падают.—
Другой раз его старой ударил
Своей же да палицей буёвой,
Повернулся Святогор да назад,—
Едет за ним русской богатырь
И бьет его палицей буёвой.
Взял Святогор его с конем, в карман положил.
Едет Святогор по Святой горе,
Проговорил его да добрый конь:
— Ласков хозяин, ты сам сидишь,
И богатыря с конем на мне везёшь,
Не могу я вас три души нести.—
Тогда Святогор Илью Муромца
Вымал его из кармана с конем,
И говорит он таково слово:

— Ой есь, удалый добрый молодец,
Да едешь ты по чужой дороженьке.—
Да назвались они тут двумя братьями.
Едут они по дороженьке,
Встретились им два странника,
Тут они гроб делают.
Говорит Святогор таково слово:
— Кому вы, ребята, этот гроб делаете?—
— В этот гроб,— говорят,—хоть ты ложись.—
— Куда я войду в этот гроб,
Ваш гроб,— говорит,— мне-ка мал будет.—
Говорят-то эти два странника:
— Слезывай, ложись,—войдешь в этот гроб.—
Слез Святогор со добра коня,
Лег в этот гроб,—гроб как раз по нём,
Накрылась на него доска-гробница,
И потерялись эти два странника.
И лежит Святогор во том гробу,
И не может он поворотиться.
Говорит Святогор таково слово:
— Бей, старой, гробницу палицей биевоей,
Разломи ты гробову доску,
Тогда встану я из гроба чудного.—
Бил старой палицей буёвоей
По той же да гробовой доске,
Налетел на гроб обруч железной.
Говорит старой таково слово:
— Бил,—говорит,—я по гробовой доске,
Налетел на ей обруч железной“.
— Бей другой раз по серединушке,
Разбей гробову доску,
Тогда встану я с гробу с чудного.—
Говорит старой таково слово:
— Ой есь, мой новозванный брат,
Бил,—говорит,—я по гробовой доске,—
Налетел обруч железной.—
— Бей,—говорит,—во третий раз,
Разбей гробову доску,
Тогда встану я из гроба чудного.—
Говорит старой таково слово:
— Ой есь, мой новозванный брат,
Бил,—говорит,—я по гробовой доске,
Налетел обруч железной.—
Говорит Святогор да таково слово:
— Ой есь, мой названный брат,
Дошла,—говорит,—мне-ка смерть люта,
Буду я помирать нынче;
Пойдет у меня пена белая—
Пропусти эту пену белую,
Пойдет у меня пена желтая—
Возьми её в рот с конец-перстика,

Пойдет у меня пена зеленая—
Возьми в себя с конец-ложечки;
Пойдешь по нашей пути-дороженьке,
Увидишь ты во чистом поле—
Стоит наш дом великие,
Нажми своего коня доброго,
И гони мимо наш дом крепче,
И зареви против дома моему отцу,
Что Святогор на Святых горах помер,
Гони сам, сколько можешь, мимо,
Прогонишь—все по себе почувствуешь,
Оборотись тогда обратно
И зайди в избу к моему отцу,
Отец сидит на лавке дубовой,
Ты с ним тогда поздоровайся
И скажи, как с тобой мы сошлись-съехались,
И у нас какое было побоище.
И станет он просить у тебя праву рученьку,
Ты дай вместо руки палицу буёвую.—
Тогда пошла из гробу сила белая—
Хлебнул старой ту силу белую,
Тут он пал да без памяти,
Лежал он без чувства три суток.
Тогда старой пробуждается,
Почувствовал по себе силы множество,
Тогда копал он яму глубокую,
И похоронил он своего товарища.
И поехал он по дороженьке
И увидел—в поле стоит дом большущие,
Нажал он своего коня доброго
И гонит мимо этот дом.
Говорит старой да таково слово:
— Ой, Святогор, у тебя сын на Святых горах помер! —
И проехал он дом этот большущие,
И услышал он над своей головой,
Повыше его что-то пролетело крепко,—
Выскочил Святогор из горницы,
Выдернул он нашоку железную,
И свистнул он удала-добра молодца.
Улетела нашока повыше буйной главы.
Поворотил старой да коня доброго,
Приезжает он к дому да великому,
Слезал он со добра коня,
Заходил он в нову горенку,—
Сидит Святогор на лавке дубовой.
Тут они и поздоровались,
Тут старой стал рассказывать.

Попросил Святогор у Ильи Муромца
Его праву рученьку:
— Дай,—говорит,—мне праву рученьку,

Каков ты богатырь, я попробую.—
Дал ему старой палицу буёвую
Вместо своей да правой рученьки.
И пережал у его Святогор палицу буёвую.
Говорит Святогор да таково слово:
— Можешь ты воевать, доброй молодец,
Защищать свою Россиюшку.

6. ДОБРЫНЯ И КАЛИН-ЦАРЬ

У той ли у Турицы златорогоей
Были у ней дети малые.
Выходят дети вон на улицу,
Выходят они из черна шатра.
Скоро они заходят во черной шатер,
Говорят своей матери родимой:
— Уж ты ой еси, мать наша родимая,
Уж и та Турица златорогая,
Над Стольным заря зачинается
Восходно-красно солнце подымается.—
— Вритё, мои дети любимые,
То не утрення заря зачинается,
Не восходно красно солнце подымается,—
То выходит пресвята мать-богородица,
Она слышит над городом невзгодушку,
Видит—будет над Стольным безвременьице.—
И немного поры-время миновалось,
Подступал нонче собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильных,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град.
Не видно восходна красна солнышка
От ихна от пару от поганого.
Ясну соколу в вешной день не облетать,
Рысучу зверю в осенню ночь не обрыскать,
Ни часту дождю эту силушку не примочить.
Был у него богатырь Игнатий сын Иванович.
Он призвал его во черной шатер,
Написал он ему ярлык—скору грамоту,
Он не красками печатал, не печатями,
Он печатал, собака, красным золотом.
Поехал Игнатий в стольный Киев-град,
Едет Игнатий дорогой прямоезжей,
Прямоезжей дорогой, малоезжей,
Едет Игнатий и раздумыват:
„Мне дорогой ехать — мне не честь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская“.
Он и ехал стороной — не дорогою,
Он в ограду заезжал не воротами,
Он скакал через стену-городовицу,
Через высоку ту башню наугольную.
Скакал тогда он со добра коня,

Он оставил коня неприказана,
 Неприказана коня, непривязана, —
 „Никому до моего коня дела нет“.
 Идет Игнатий на красно крыльцо,
 Его лесенки дубовые сгибаются,
 Вереюшки точеные шатаются.
 Заходил Игнатий в гридню светлую,
 Во те палаты княженецкие,
 Он и богу не молится и челом не бьет,
 Кланяется он на все четыре стороны,
 Владимиру с княгиней — на особину,
 Он мечет ярлык на дубовый стол,
 Поклон тогда вывел и скоро вон пошел.
 Говорит тут солнышко Владимир-князь:
 — Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич-млад,
 Ты ломай-ко печати все поганые,
 Читай-ко ярлык-скору грамотку,
 Ты читай, Добрыня, не упадывай,
 Ни единого словечка не утаивай. —
 Он сломал все печати те поганые,
 Стал читать он ярлык-скору грамотку:
 „Подошел к нам собака Калин-царь,
 Он одиннадцать прошел земель сильных,
 Под двенадцатой подходит стольный Киев-град,
 У нас ладит все монастыри под дым пустить,
 Пресвяту мать-богородицу в ногах стоптать,
 Вседержителя-спаса — на поплав реки,
 Ладит всю худшую силушку повырубить,
 Ладит лучшую всю силушку повыгонить.
 Еще просит от нас собака сто возов, —
 „Помрет, — говорит, — моей силы много с голоду“.
 Ладит князя Владимира в котле сварить,
 А княгиню мать Апраксию взять в супружество“.
 Тогда упал Владимир на кирпичат пол,
 Лежит Владимир три часа мертвов.
 Проснулся солнышко-Владимир князь,
 Стал писать Владимир скору грамотку:
 „Пусть он даст нам сроку хоть на три годика,
 На три годика не даст, так хоть на три месяца,
 На три месяца не даст, так хоть на три суток,
 Нам покаяться в городе да подладиться“.
 Старого тогда дома не случилось.
 „Кабы был, — говорит, — у меня старой, так — дума крепкая,
 Кабы был у меня старой, так — шуба теплая,
 Кабы был у меня старой, так — рука правая“.
 Приготовил ярлык-скору грамотку,
 Отправил Добрынюшку Микитича
 К тому ли собаке-царю Калину.
 Седлал Добрынюшка Микитич-млад,
 Седлал своего коня доброго.
 Берет с собой палицу боевую,

Берет с собой саблю вострую,
Новую саблю необновленну,
Берет свое копейцо бурзомецкое.
Садился Добрыня на добра коня,
Повез он ярлык-скору грамотку,
Выезжал он на горы на высокие,
На те ли на холмы на окатисты,
Смотрит он в трубочку подзорную,
Он смотрит рать-силу великую,
Сидит Добрыня, прираздумыват
На своем, Добрыня, на добром коне:
„Не думой было это нашей принадумано,
Не белыми руками приобделано“.
Приезжает близко к силушке великой
И говорит Добрыня таковы слова:
— Уж вы ой еси, татара немилосливы,
Дайте мне дорожку до черна шатра,
У меня,— говорит,— конечек молоденькой,
Первопутная лошадка, неученая,
Погубит вас много душ безвинных. —
Не дают ему дорожку до черна шатра,
Тогда он берет палицу буёвую,
И поехал он по силушке великой:
Во праву руку махнет, так лежат улицей,
Во леву повернет — переулками.
Добился Добрыня до черна шатра,
Скакал со своего коня доброго,
Он берет с собой саблю вострую,
Распахнул у шатра полу правую,
Заходит Добрыня во черной шатер:
— Уж ты здравствуешь, батюшка наш, Калин-царь.
Я привез тебе хлеба сто возов,
И закуски тебе других сто возов. —
Он махнул своей саблей вострой,
Саблей новой, необновленной,
И ссек у него со плеч голову.
Поехал он назад в стольной Киев-град
По той ли силе по великой,
Во праву руку махнет — лежат улицей,
Во леву повернет — переулками.
Он увидел своих русских богатырей,
Секут они рать-силу великую;
Сekli они трое суток,
Не пиваючи, не едаючи,
Своим добрым коням отдоху не даваючи.
Они вырубили всю рать-силу великую,
Не оставили живой души на семена
И поехали тогда в стольной Киев-град,
Столовали они трои сутки
И трои же сутки просыпались.

7. ПРО ИВАНА ГОРДЕНОВИЧА

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Заводилося пированье-столованье,
Пированье-столованье—почестен пир.
Тут все на пиру пьяны-веселы,
Все на честном прирасхвастались,
Иной-ёт хвастал красным золотом,
Как иной-ёт хвастал скатным жемчугом,
Как иной-ёт бы хвастал чистым серебром,
Как иной-ёт бы хвастал конем добрым,
Иной хвастал бы сбруей лошадиною,
Иной хвастал бы силой богатырскою,
Иной хвастал бы палицей буёвою,
Иной хвастал бы своей саблей вострою,
Иной хвастал копейцом бурзومهцким,
Как умный-то хвастал старой матерью,
Безумный похваляется молодой женой.
Один молодец, он не пьет, не ест,
Ничем молодец не похваляется.
Говорил тогда солнышко-Владимир князь:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Что ты не пьешь, не ешь—не хвастаешь,
Ничем, молодец, не похваляешься?
Али местом мы тебя, видно, приобидели?
На пиру тебя чарочкой приобнесли?
Али стольнички мои тебе не по разуму?
Не по разуму они тебе, не очестливы?
Али нету у тебя красна золота?
Видно, нету у тебя скатна жемчуга?
Али нету у тебя чиста серебра?
Али нету у тебя, видно, коня доброго?
На коне у тебя сбруи лошадиной?
Али нет у тебя палицы буёвой?
Али нету у тебя сабли вострой,
По рукам нету копейца бурзومهцкого?
Али нет у тебя силы богатырской?—
Тогда ответ держит доброй молодец,
По имени Иван сын Горденович:
— Много у меня нонче красна золота,
Погребам у меня чисто серебро,
Еще есть у меня скатна жемчуга,
Еще есть при себе у меня добрый конь,
На коне у меня сбруя есть лошадиная.
Есть,—говорит,—у меня палица буёвая,
Есть у меня сабля вострая,
Еще есть у меня копейцо бурзومهцкое,
Еще есть у меня сила богатырская,—
Только нету у меня старой матери,
Во-вторых, у меня нету молодой жены.

Кто бы мне нонь нашел богосуженну,
 Богосуженну невесту, богоряженну,
 Ну, по-русски мне назвать—жену венчальную,
 По-немецки назвать мне—супружницу.
 Чтобы ростом она была переводна и собой статна,
 Статна была она, ростом высока,
 Как походочка у ней была б павиная,
 Тиха речь-поговоря—лебединая,
 Руса коса была чтобы до пояса,
 Она во золоте, во серебре чтобы не погнулась,
 Чтобы очи у ней были ясна сокола,
 Как ресницы чтобы у ней были бобра сизого,
 Еще кто бы мне нашел богосуженну,
 Богосуженну невесту, богоряженну. —
 Вот из-за того из застолья ноне середнего,
 Со того ли со простеночка переднего,
 Со той ли скамейки—дубовой доски
 Вставал Добрыня тогда на резвы ноги,
 Из речей Добрыня выговаривал:
 — Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
 Я знаю тебе-ка богосуженну,
 Богосуженну, богоряженну.
 Хоть по-русски назвать тебе невесту обручальную,
 По-немецки назвать тебе супружницу.
 Она ростом переводна и собой статна,
 Она собой статна, ростом высока,
 Походочка чтобы ей была павиная,
 Тиха речь-поговоря—лебединая,
 Руса коса чтобы была до пояса,
 Чтобы в золоте, в серебре не погнулася,
 Чтобы очи у ей были ясна сокола,
 Чтоб ресницы у ней—бобра сизого.—
 Говорил Иван сын Горденович,
 Говорил он таковы слова:
 — Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич-млад,
 Уж ты как знаешь ей дороднеством? —
 Ответ держит Добрынюшка Микитич-млад:
 — Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
 Я во том во городе Чернигове,
 Я жил во том городе двенадцать лет. —
 Тут говорил Иван сын Горденович:
 — Кто из нас будет тысяцким,
 Еще кто из нас будет сватом большим,
 И кто из нас будет нонче дружкой вежливым? —
 Говорил тут Иван Горденович:
 — Старого я возьму нонче тысяцким,
 Я Добрынюшку Микитича — сватом большим,
 А Олешку хоть возьмем дружкой вежливым. —
 Собираются удалы-добры молодцы,
 Сильные-могучие богатыри,
 Седлают-уздают коней добрых,

Зелена они вина берут сороковками,
Они пшеницы белой новой берут обозами.
Вышли они вон на улицу,
Направляют они своих коней добрых;
Вышел старой Илья Муромец,
Вышел Добрынюшка Микитич-млад,
Тогда вышел Иван сын Горденович.
Садились тогда они на добрых коней,
Едут они по чисту полю.
Денечек они ехали до вечера,
Едут темную ночь до бела света,
Не пиваючи едут, не едаючи
И добрым коням отдыху не даваючи.
Они втору ночь едут до вечера,
Они темну ночку до бела света
И третий день едут до вечера,
Едут темную ночь до бела света.
Остановились они за пятнадцать верст
От того ли города Чернигова.
Разоставили шатры белополотняны,
Разоставили своих коней добрых,
Насыпали им пшеницы белояровой,
Наливали воды сладкой медовой,
И заходят ребята во белой шатер,
Разоставили столы белодубовы,
Пировали-столовали трои сутки,
Они трои же сутки просыпались.
Тогда проснулся Добрынюшка Микитич-млад,
И проснулся Иван сын Горденович.
Говорил тогда Иван таковы слова:
— Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич-млад,
Не пора ли тебе нонче ехать свататься? —
Выходил тогда Добрыня вон на улицу,
Тогда садился Добрыня на добра коня,
Он бы едет стороной, нонь, не дорогою,
Он в ограду заезжает не воротами:
— Мне дорогой ехать — не честь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская. —
Тогда скоро он скочил со добра коня,
Он оставил тут коня неприказана,
Неприказана коня — непривязана,
— Никому, — говорит, — до моего коня дела нет. —
Он заходит тогда в гридню светлую
Ко тому же Федору Черниговску,
Он богу не молится и челом не бьет,
Молиться у них, право, некому.
Говорил тогда Добрыня таковы слова:
— Уж ты ой еси, Федор царь Черниговский,
Я приехал к тебе-ка свататься
На твоей на дочери на меньшей.
Не дашь честию — возьмем нечестию,

А отдашь честью — возьмем с радостью. —
Говорил тогда Федор царь Черниговский:
— Не Иванушка поставил тонку пленочку,
Не Иванушке попала в пленку уточка,
Васильюшко поставил тонку пленочку,
Окулову попала в пленку уточка. —
Говорил тогда Добрынюшка Микитич-млад:
— Уж ты ой еси, ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
Я пройду по гридне вдоль по светлые,
Возьму я тебя за честны кудри,
Кончу я твою вечну жизнь. —
Тогда побежал Федор в гридню светлую
Ко своей ли дочери любимой,
Приготовил ей коня доброго,
Кладут все доспехи богатырские.
Выходила она тогда вон на улицу,
И выходил Добрынюшка Микитич-млад.
Садилась тогда она на добра коня,
И сажался Добрынюшка Микитич-млад.
Едет Добрынюшка Микитич-млад,
И едет поленица преудалая,
Наезжала на Добрынюшку Микитича,
Ударила его по буйной голове.
Обворотился Добрынюшка Микитич-млад,
Снял он ее с коня доброго,
Отпустил его во чисто поле,
Посадил он ее на добра коня,
На добра коня—впереди себя.
Приезжают они ко белым шатрам,
Выходит Иван сын Горденович,
Выходит он из бела шатра,
Встречат он невесту зарученную,
Ту ли княгиню первобрачную,
Заходят они тогда во белой шатер,
Заварилось у них пированье-столованье,
Пошел у них пир на-весело.
Опять пировали-столовали трои суточки,
Трои же суточки просыпались.
Проснулся старой казак Илья Муромец,
И проснулся Добрынюшка Микитич-млад,
И проснулся Олешенька Попович-млад.
Спит Иван Горденович с княгиней в своем шатре.
Сломали шатры белополотняны,
Кладут все доспехи богатырские
На своих на коней добрых,
И поехали они в стольный Киев-град.
Едут они по чисту полю,
Перепаала им дороженька кровавая,
Кровавая дорога поперечная.
Говорил Иван сын Горденович:

— Я изведаю эту дорожечку кровавую,
Кроваву дорогу поперечную. —
Говорит ему старой Илья Муромец,
Говорит ему Добрынюшка Микитич-млад:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Не ездй по дороге по кровавой,
Потеряешь тут свою буйну голову. —
Поезжал Иван сын Горденович
По этой дороге по кровавой,
Кровавой дороге поперечной,
А они поехали в стольный Киев-град.
Говорил тогда Илья Муромец:
— Когда будешь при последней поры-времени,
Помяни ты старого Илью Муромца,
Помяни ты Олешу Поповича. —
Тогда поехал Иван сын Горденович
Изведать эту дорогу кровавую,
Кровавую дорогу поперечную.
Завидели на поле черной шатер,
Приезжали близко ко черну шатру,
Скакал он тогда со добра коня,
Распахнул у шатра полу правую,
Стали они тут бороться-драться
С Васильем свет Окуловичем.
Оборол Иван Горденович Василья Окуловича,
Сронил его — бросил на землю,
Сел ему на черны груди.
Говорит тут Василий Окулович:
— Уж ты ой еси, княгиня первобрачная,
Сойди-ка ты со добра коня,
Стяни Ивана со черных грудей. —
Спустилась она со добра коня,
Стянула Ивана со черных грудей,
Тогда сел Василий Ивану на белы груди.
А немного поры-время миновалось,
Повели его ко сыру дубу,
Привязали Ивана ко сыру дубу,
Связали его опутиной шелковою,
Пошли они во черной шатер,
Не закрыли у шатра полу правую,
Легли в шатер, потешаются.
Говорил Иван сын Горденович:
— Еще где-то у меня старой Илья Муромец?
Еще где-то у меня Добрынюшка Микитич-млад?
Еще где-то у меня Олешенька Попович-млад? —
А немного поры-время миновалось,
Прилетели ко сыру дубу три ворона,
Садятся они на черной шатер,
Садятся, режут, покаркивают.
Тогда вышел Василий Окулович,
Берет у него тугой лук,

Вкладыват стрелочку каленую,
И стрелят он тут черных воронов.
Облетела стрела вокруг сырой дуб
И разлетелась Василью во черны груди,
Кончила тогда его вечну жизнь.
Стоит поленица у черна шатра,
Пошла она ко сыру дубу.
— Уж ты ой еси, Иван сударь Горденович,
Извини меня во первой вине. —
Говорит ей Иванушко Горденович:
— Отпутай меня от сыра дуба. —
Отпутала его от сыра дуба.
Пришел он ко своему коню доброму.
Садился Иван на добра коня
Со своей молодой женой,
Тогда они и поехали в стольный Киев-град,
Приехали они к реке быстрой,
Быстрой реке каменистой.
Остановил Иван своего коня,
Говорил тогда Иван таковы слова:
— Уж ты ой еси, моя княгиня первобрачная,
Спустись, — говорит, — со добра коня,
Подай-ка мне воды ключевой,
Я испить хочу воды ключевой. —
Говорит она Ивану Горденовичу:
— Не испить ты хошь воды ключевой,
А испить ты хошь моей крови горячеей. —
Спустилась она со добра коня,
Берет он в руки саблю вострую,
Новую саблю, необновленну,
И ссек у ей со плеч голову.
Приехал он в стольный Киев-град,
Приехал во ограду княженецкую,
Ко тому ли солнышку-князю Владимиру
Во те же палаты княженецкие.
Поздравляет тогда его Илья Муромец:
— Уж ты ой еси, Иван сын Горденович,
Здорово женился — тебе не с кем спать. —
Выходил Иван тогда вон на улицу,
Спустился тогда со красна крыльца,
Берет он копьцо бурзомецкое,
Поставил он тупым концом во сыру землю,
На вострый пал грудью белою
И кончил тут свою вечну жизнь.

8. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ И БАТУЙ КАЙМАНОВИЧ

Говорил солнышко-Владимир князь:
— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Ты прибирай себе товарищей. —
Говорил Дунай сын Иванович:

— Уж ты ой еси, солнышко-Владимир князь,
Я возьму себе Олешеньку Поповича,
Нам двоим, ребятам, веселей будет,
Я возьму себе Добрынюшку Микитича,
Троим нам, ребятам, веселей будет.—
Говорил старой Илья Муромец:
— Возьмите меня, — говорит, — в товарищи,
Усмотрел я свету белого,
Истоптал я матушки сырой земли.—
— Нам не нать старой Илья Муромец.—
Говорил солнышко-Владимир князь:
— Вы свезите у меня дани-пошлины
Царю Батую Каймановичу,
Завалились эти дани-пошлины за двенадцать лет,
Нать свезти Батую царю Каймановичу:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцей.
Стали снаряжать нов червлен корабль,
Стали грузить на червлен корабль
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцей.
Пошли они во божью церковь
Помолиться спасу-вседержителю,
Пресвятой матери-божьей богородице,
Распрощаются с солнышком-Владимиром,
И с той же княгиней Апраксией,
И с тем же старым Ильей Муромцем.
Тогда заходят они на червлен корабль,
Поклали они сходенки дубовые,
Вытягивали они якоря булатные,
Распускали паруса канифасные,
Отправились тогда за синё море.
Денечек бежат они до вечера
И темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света,
Третий день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света.
Прибегают они близко к берегу,
Опускали паруса канифасные,
Пометали якоря булатные,
Клали они сходни концом на берег.
Тогда выходит Дунай сын Иванович,
Выходит он на крутой берег,
Затыкал он копейцо бурзомецкое
Тупым концом в землю, острым — под верхом.
Стал он ребятам наказывать —
Тому ли Олешеньке Поповичу,
Тому ли Добрынюшке Микитичу:

— При последней поре — при времени,
Станет копейцо тогда ржавети,
Тогда я буду во неволюшке. —
Приходит он к царю Батуищу,
Заходит в его гридню светлую.
Говорит Дунай сын Иванович:
— Уж ты ой, Батуй царь Кайманович,
Я привез тебе дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны,
Еще сорок неученых больших жеребцев,
Прими мои дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития. —
И сказал Батуй сын Кайманович:
— Не приму я у тебя дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.
Накину на тебя службу царскую:
Можешь ты играть со мной в пешечки воловые,
Воловые пешечки точеные? —
Приносит Батуй доску железную,
Вот и стали они играть пешками воловыми,
Воловыми пешками точеными.
Ступил Батуй сын Кайманович
Своей пешкою точеною,
Ступил Дунай сын Иванович.
Ступил Батуй во второй раз,
Ступил опять Дунай сын Иванович.
Ступил Батуй во третий раз, ,
Ступил Дунай сын Иванович.
В четвертый Батую ступить некуда,
Батую тогда не поглянулося.
Берет Дунай сын Иванович
Пешечну доску железную,
И бросил ее во дверь железную,
Вышиб дверь с ободвериной.
Призвал Батуюшко двенадцать татаринов,
Повели Дуная в темницу темную,
Привязали его коня доброго...
Выходит Добрыня на крутой берег,
И выходит Олешенька Попович-млад,
Посмотрели копейцо бурзомецкое.
Выводят своих коней добрых,
Берут свои доспехи богатырские.
Надевают они платьице военное,
Садятся они на добрых коней
Поехали они скоро-наскоро
Искать своего товарища,
Того же Дуная Ивановича.
Приезжают они в царство Батуево,
Увидели Дуная коня доброго,
Стоит он у столба дубового,

Пробил он землю по колен-земли.
Тогда услышал их Дунай сын Иванович,
Что приехали его товарищи,
Говорил он Добрынюшке Микитичу:
— Сопни эти двери со тугих замков,
Выведи меня вон на улицу.—
Уж как пнул Добрынюшка Микитьевич,
Слетели двери со тугих замков,
Выходил тогда Дунай вон на улицу.
Пошли они к царю Батуищу,
Опять сказал Дунай сын Иванович:
— Уж ты ой еси, Батуй сын Кайманович,
Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.—
— Не приму я у вас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития,
Накину я на вас службу царскую:
У меня есть жеребец неученый,
Можете ли вы на нем ездить?—
— Веди жеребца неученого,—
Сказал Добрынюшка Микитьевич.
Ведут двенадцать татарин
Жеребца неученого на цепи железной.
Накладывал Добрынюшка Микитьевич
На жеребца узду тесьмянную.
Накладывал седелко тесьмянное,
Вскочил Добрыня на доброго коня,
Понесся он по чисту полю.
Долго ли ездил, коротко ли —
Идет жеребец ступцой бродовою.
— Убирайте своего коня доброго,
Довел я коня до пропасти.
У нас на эких конях в городе
Ездят только старухи по-миру.—
Идут они к царю Батуищу,
Говорил опять Дунай сын Иванович:
— Уж ты ой еси, Батуй царь Кайманович,
Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.—
Отвечает Батуй царь Кайманович:
— Не приму я у вас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития,
Наложу я на вас службу царскую:
Есть у меня тугой лук и калена стрела,
Можете ли вы нашим тугим луком стреляти?—
Несут лук два татарина,
Калену стрелу третий несет.
Выходил Олешка вон на улицу,
Натянул он тогда тугой лучок
И вкладывал стрелочку каленую,
Разлетелся лук на три жеребья.

Заходит Олешка в гридню светлую:
 — Что,—говорит,—над нами смеешься ты?
 Приносишь нам насмех такой лучок:
 Только стреляться малым ребятам,
 А не нам, богатырям, таким лучком. —
 Снова говорит Дунай сын Иванович:
 — Уж ты ой еси, Батуй царь Кайманович,
 Прими у нас дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития.
 — А не приму,—говорит,—я дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития:
 Сорок сороков черных соболей,
 Сорок тысячей по счету золотой казны,
 Сорок неученых больших жеребцев.—
 Выходили они вон на улицу:
 Во-первых, Дунай сын Иванович,
 Во-вторых, Добрынюшка Микитич-млад.
 Приходят они ко своим коням добрым,
 Скакали они на добрых коней,
 Стали секчи рать-силу великую.
 Тогда выходит Олешенька Попович-млад,
 Он не может добраться до добра коня,
 Взял он татарина за ногу:
 — Жилловат,—говорит,—собака, не порвешься,
 Костливая собака, не изломишься.—
 Добрался Олеша до добра коня,
 Скоро скочил на добра коня,
 Он берет в руки палицу боевую
 И поехал вдоль по силе по великоей,
 Во праву руку он бьет—лежат улицей,
 Во леву руку—переулками.
 Повырубили они всю рать-силу великую,
 Не оставили ни одного на семена,
 Злато-серебро они у их повыграбили.
 Тогда заходит Дунай к Батую в гридню светлую:
 — Прими,—говорит,—у нас дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития.—
 Берет Дунай в руку саблю вострую,
 Новую саблю необновленну,
 Обновил у его на белой шее,
 Ссек у его по плеч голову.
 Выходит Дунай вон на улицу
 Из Батуевой гридни светлой,
 Садятся тогда на своих коней добрых,
 Поехали они ко своему нову караблю.
 Доехали до своего нова карабля,
 Спускались они со добрых коней,
 Заводят коней добрых на червлен карабль,
 Убирали они сходенки дубовые,
 Распускали паруса канифасные,
 Забегали тогда в гавань карабельную,

Опускали паруса канифасные,
Поклали они сходни концом на берег,
Выносили они якоря булатные,
Укрепили они нов-червлен карабль,
Выходили они на крутой берег,
Пошли в город-царство Батуево.
Стали носить товары разные на червлен карабль,
Носили они товары разнообразные:
Носили они золото-серебро,
Все грузили на червлен карабль,
Заводили коней самолучших,
И заходят молодцы на червлен карабль.
Клали якоря булатные на червлен карабль,
Убирали тогда сходенки дубовые,
Распускали паруса канифасные,
И отправились ребята за сине-море,
За сине море, ребята, в стольный Киев-град.
Все они, ребята, радешеньки.
Вот и денечек бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Третий день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света.
Прибегают они к стольному ко Киеву,
Забегают в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Выносили якоря булатные,
Крепили карабль крепко-накрепко,
Поклали они сходни концом на берег,
Выходят ребята на крутой берег.
Встречает их солнышко-Владимир князь,
И встречает их княгиня мать Апраксия,
И встречает их старой Илья Муромец,
Встречает их вся дружинишка хоробрая.
Тогда говорил солнышко-Владимир князь:
— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Тебя милости к нам просим на почестен пир,
Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич-млад,
Тебя милости просим на почестен пир,
Уж ты ой еси, Олешенька Попович-млад,
Тебя милости просим на почестен пир. —
Завелось тут столованье-пированье, почестен пир.
Тогда стал Владимир-красно-солнышко выпрашивать:
— Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Каково себе поездил, себе путь держал? —
— Поездил я по морю по синему,
Путь моя шла благополучная,
Не взял у нас Батуй дани-пошлины,
Сослужили мы его службы заданные,
Играл я в пешечки воловые, —

Обыграл я Батуя скоро-наскоро.
И ездил Добрыня Микитьевич
На ихнем жеребце неученом—
Заездил жеребца прямо до пропасти.
Стрелял Олеша тугим луком,
Разлетелся лук на три жеребья.
Я привез назад дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны
И сорок неученых больших жеребдей,
И повырубили мы всю рать-силу великую,
И ссекли у самого со плеч голову.
Злато-серебро мы у его повыграбили,
Разноличные товары все повыносили,
Самолучших коней взяли в стольный Киев-град.

9. ВАСИЛИЙ ЦАРЬ ТУРЕЦКИЙ И СОЛОМОН

У Василия, царя турецкого,
Турецкого Василия, цареградского
Заводилось тут пированье-столованье,
Пированье-столованье — почестен пир,
Про многих татар — людей поганных,
Про тех купцев — людей торговых,
Про тех мещан толстопузых.
Все на пиру тут пьяны-веселы;
Выходит Василий, царь турецкий,
Он ходит по гридне по светлой,
И он по той же по середи кирпичатой,
Он бы ножку об ножечку похлопывает,
Каблук о каблук поколачивает,
Он веселыми глазами везде разглядывает,
Он умильную речь разговаривает,
Он умильную речь, тихо-смирную:
— Еще кто мне-ка найдет невесту зарученную,
Как по-русскому назвать — жену венчальную,
А по-нашему назвать — супружницу,
Тому дал бы я города с пригородками,
Тому дал бы я села со деревнями. —
Тогда вставал Торокашка на резвы ноги:
— Я найду тебе невесту зарученную,
Суряди-ка мне-ка нов червлен корабль.
У того у царя у Соломона
Есть у него жена прекрасная,
А Соломона дома не случилось:
Уехал Соломон на три годика
На те на тихи вешны заводи
Стрелять серых малых уток
И на заводях белых лебедушек,
Распрощался со своей молодой женой. —
Сурядили тогда нов червлен корабль,

Торокашка гость Замореник,
Он берет свою дружинишку хоробрую,
Берет казаков преудалых,
Двенадцать добрых молодцев.
Всякий берет с собой провизию,
Берет с собой зелена вина,
Для коней берет пшена белоярова,
Берет воды сладкой-медовой сороковками.
Заводил Торокашка на червлен корабль
Всех своих удалых добрых молодцев,
Стали отправляться во сине море,
Поклали сходенки дубовые,
Вытягали якорьки булатные,
Распускали паруса канифасные,
Побежал Торокашка тогда за море.
Денечек бежит он до вечера,
Бежит темную ночь до бела света,
Второй день бежит он до вечера,
Бежит темну ночь до бела света,
Третий день бежит он до вечера,
Бежит темную ночь до бела света.
Выходил Торокашка на червлен корабль,
И смотрит он в трубочку подзорную.
Завидел он город царя Соломона,
Подбежали они к гавани корабельной,
Опускали паруса канифасные,
Пометали тогда якори булатные,
Кладут они сходни концом на берег.
Снарядился Торокашка гость Замореник,
Надевал на себя платьице хорошее,
Отправился он в город царя Соломона
И заходит во ограду царскую,
И заходит тогда в гридню светлую,
Где сидит царица царя Соломона.
— Здравствуешь, царица царя Соломона. —
— Здравствуешь, удалой-доброй молодец. —
Стал он с ней разговаривать:
— Уж ты ой еси, царица царя Соломона,
Тебя, милости просим, на червлен корабль
Посмотреть наши товары заморские,
Заморские товары разноличные. —
Посулилась она ему притти на червлен корабль.
Суряжается она на червлен корабль,
Одевается во свое платье цветное,
Берет она с собой слуг верных,
Отправляется она на червлен корабль,
Идет она на червлен корабль,
Заходит она на червлен корабль,
Заводит своих слуг верных.
Заводил он ее в гридню светлую,
Угощать стал напитками разноличными,

Поил ее чаем-кофеем.
Немного поры-время миновалось,
Заспала тут царица в gridни светлой,
Они согнали тогда слуг с червлена корабля.
Он торопит свою команду подручную,
Обирают сходенки дубовые,
Вытягивают якоря булатные,
Распускали паруса канифасные.
Побежал Торокашка, и за море
Бежат они денечек до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Третий день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Видно стало турецкий град.
Проснулася царица царя Соломона,
Выходит она на червлен корабль.
— Уж ты ой, Торокашка, гость Замореной,
Еще что у вас в городе за пыль стоит?—
Говорит Торокашка, гость Замореной:
— Это нам,—говорит,—на пир варят,
Варят это нам кобылятину,
А жарят нам жеребятину.—
Прибегали они в гавань корабельную,
Опускали паруса канифасные,
Пометали якоря булатные
И поклали сходни концом на берег.
Выводил Торокашка за праву руку
Распрекрасную царицу царя Соломона.
Встречает их Василий, царь турецкий,
Он берет княгиню за белы руки,
Целовал он ее в уста сахарны:
— Здравствуешь, моя княгиня первобрачная.—
Повел он ее в свой дом царской,
Идет Торокашка гость Замореной,
Идет сзади дружинушка хоробрая,
Со того ли червлена нова корабля.
Завелся у Василья почестен пир.
Пьют все, едят, потешаются
Промежду себя они хвалятся.
Пировали-столовали целы суточки,
Целы же сутки просыпались.
Немного поры-время миновалось,
Приехал Соломон царь
Во свое ли царство Соломоново,
Приехал ко своим палатам царским—
Не встречает его молода жена,
Со слезами встречают его слуги верные:
— Уж ты ой еси, Соломон-царь,
Приезжал Торокашка гость Замореной

И увез твою жену верную.—
Заходит Соломон в гридню светлую,
Заходит, повеса буйну голову,
Заходит, потупя очи ясные.
Немного поры-время миновалось,
Не много—не мало—трои сутки,
Снарядил Соломон нов червлен корабль,
Набрал своих казаков преудалых,
Двенадцать добрых молодцев
И двенадцать коней добрых,
Нагрузил он всякой провизии.
Снарядил свою команду на червлен корабль.
Обирали они сходенки дубовые,
Вытягивали якоря булатные,
Распускали паруса канифасные,
И отправился Соломон за сине море,
Попало ему погодьё благополучное,
Благополучное, пособно-быстрое,
Да он скоро перебрался за синё море.
Недалеко бежит он от царства турецкого,
Спустил он паруса канифасные.
Глядят там люди много с пристани:
— Несет,—говорят,—суденышко разбойное,
Разбойное судно ошельмовано,
Все паруса, видно, оборваны.—
Пробежали мимо города турецкого,
Подняли паруса канифасные.
Нашел он себе местице удобное,
Подвалился он тогда к берегу,
Опустил свои паруса канифасные,
Пометали они якоря булатные,
Клали сходни концом на берег.
Тогда сказал он своей дружинишке хороброей:
— Уж ты ой еси, моя дружинишка хоробрая,
Вы мои казаки преудалые,
При последнем поры—при времени
Закричу я вам во турий рог,
Во турий рог—во первой раз—
Вы седлайте, уздайте коней добрых.
Я во второй раз сыграю во турий рог—
Вы садитесь на своих коней добрых.
Я в третий раз сыграю во турий рог—
Гоните тогда по чисту полю,
Гоните вы скоро-наскоро:
Приходит мне последняя пора-времечко.—
Тогда Соломон отправляться стал,
Берет он с собой сумку подорожную,
Взял себе в руки тросточку,
Пошел он каликой перехожею.
Дошел он до города турецкого,
Идет Соломон мимо царской дом,

Увидела его жена прежняя,
Посылала она слуг верных:
— Идите, мои слуги верные,
Ведите калику перехожую.—
Пошли тогда слуги верные,
Остановили калику перехожую,
Повели его тогда к жене прежней,
Заходил он в ее гридню светлую,
Во те же палаты царские.
Как Василья вдруг дома не случилось.
Повалила она его на кровать пуховую,
Закрыла периной пуховую.
А немного поры-время миновалось,
Приехал Василий, царь турецкий,
Стал он чай-кофей кушати,
С молодой женой разговаривать.
— Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие,
Был бы здесь Соломон царь,
Чего бы ты с им стал делати?—
— Есть у меня сабля вострая,
Новая сабля необновленна,
Обновил бы я ей по белой шеи.—
Скакал Соломон со кроваточки тесовой,
Из-под той же перины пуховой:
— Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие,
Ты сработай тележку двоеколую,
Ты сделай мне-ка рель превысокую,
Ты повесь три петелки шелковые:
Перву петелку шелковую,
Втору-то петелку пеньковую,
Третью-то петлю—ту уж липову.
Во шелковую я положу буйну голову,
А во пеньковую положу руки белые,
А я во липову положу ноги резвые.—
Приготовили ему тележку двоеколую
И сделали рель превысокую,
И повесили три петелки шелковые:
Перву петелку шелковую,
Втору петелку пеньковую,
Третью-то петелку липову.
Выходил Соломон вон на улицу,
Выходил Василий, царь турецкие,
Выходила его молода жена,
Идет Торокашка гость Замореной.
Садился Соломон на тележку двоеколую,
А Соломон едет, старину поет:
— А колеско бежит, друго катится,
А третье колеско не остается.—
Привезли его к рели превысокой,
Ко той же казани ко смертной.
На перву он ступень ступил—слово вымолвил:

— Уж ты ой еси, Василий, турецкой царь,
 Ты позволь мне-ка сыграть во турий рог.
 Во турий рог, мне-ка во первой раз—
 Проститься мне с птицами пернатыми,
 С теми же зверями со рысучими. —
 На втору ступень ступил, слово вымолвил:
 — Позволь мне-ка взыграть, ноне, во турий рог,
 Во турий рог, мне-ка во второй раз,
 Мне проститься с матушкой-сырой землей. —
 На третью ступень ступил — слово вымолвил:
 — Уж ты ой еси, Василий, турецкой царь,
 Ты позволь мне-ка сыграть во турий рог,
 Во турий рог мне-ка во третий раз.
 Мне-ка с белым светом распроститися. —
 Говорит его жена прежняя:
 — Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие,
 Ты казни его скоро-наскоро,
 Обойдет он хитростью-мудростью великою. —
 Увидели тогда — во поле куревà стоит,
 Курева стоит, дым столбом валит,
 Налетели тут его ясны соколы,
 Все его удалы-добры молодцы,
 Скакали со своих коней добрых,
 Захватили Василья царя турецкого,
 Повесили в петлю шелковую,
 Молоду его жену — во пеньковую,
 А Торокашку-гостя — того в липову.

10. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из той же Нижней Малой Галицы,
 Из той Корелы пребогатая
 Выезжает Дюк да сын Степанович.
 Выезжает он во чисто поле,
 Заехал он на горы Сарочинские,
 Брал он трубоньку подзорную,
 Смотрел под сторонушку под северну.
 Под той же сторонушкой под северной,
 Стоит там, что ли, как темный лес.
 Смотрел под сторонушку под летнюю,
 Под той сторонушкой под летной —
 Большой огонь да сильно зарево.
 Говорит-то Дюк сын Степанович:
 — Горит у меня, видно, Нижна Галица,
 Горит Корела да пребогатая. —
 Поворотил он своего да коня доброго,
 Приезжает он домой да в Нижну Галицу.
 Встречала его матушка родимая,
 Пречестна вдова Омельфа Тимофеевна:
 — Что ты, мое да чадо милое,
 Куда ты ходил, да куда ездил нонь? —

— Ой есь, моя матушка родимая,
 Был я на горах Сарочинских,
 Брал я трубоньку подзорную,
 Смотрел под сторонушку под северну:
 Под той же под сторонушкой под северной —
 Стоит там, что ли, как темный лес.
 Смотрел под сторонушку под летнюю,
 Под той сторонушкой под летней —
 Большой огонь, да сильно зарево. —
 — Ой еси, мое дитя милое,
 Молодехонько ты, дитя, да зеленехонько.
 Под той стороной под северной —
 Не темный лес, а стоит стольной Киев-град,
 Под той сторонушкой под летней —
 Не огонь горит и не зарево,
 А светит наша Нижна Галица:
 Сарай у нас горит серебряной,
 Маковки да позолоченны,
 От солнышка они огнем горят. —
 Говорит Дюк да сын Степанович:
 — Ой есь, матушка родимая,
 Дай мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольный Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне-ка русских богатырей. —
 — Уж не дам я тебе благословеньица
 Итти-ехать тебе в стольный Киев-град:
 Молодехонько ты, дитя, да зеленехонько. —
 Другой раз Дюк, нын, выпрашивал:
 — Ой есь, матушка родимая,
 Дай мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольный Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне-ка русских богатырей. —
 — Уж не дам я тебе благословеньица
 Итти-ехать тебе в стольный Киев-град:
 Молодехонько ты, дитя, да зеленехонько. —
 Третий раз Дюк ее выпрашивал:
 — Ой есь, матушка родимая,
 Дай мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольный Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгинею,
 Посмотреть мне-ка русских богатырей. —
 — Уж не дам я тебе благословеньица
 Итти-ехать тебе в стольный Киев-град:
 Молодехонько ты, дитя, да зеленехонько. —
 — Дашь — поеду, и не дашь — поеду. —
 Заплакала его мать родимая:
 — Ой есь, мое чадо милое,
 Пойдешь ты — поедешь в стольный Киев-град,
 Есть там Чурилишко привязливой,

Погубит у тебя да буйну голову. —
 Выносила она перчаточки жемчужные:
 — Ой есь, мое чадо милое,
 Подари эти перчаточки Илье Муромцу. —
 Не выдали отправки молодецкой,
 Не выдали поездки богатырской,
 Только видели — в поле курева стоит,
 Курева стоит, да дым столбом валит.
 Приезжает он в стольный Киев-град
 К той же обедне воскресенской,
 Заходил он во божью церковь,
 Становился на правый клирос,
 Брал он книгу — евангелие.
 Стоял тут Чурило-млад Пленкович.
 Выжал Дюк да сын Степанович
 Своими могутными плечами,
 Выжал Чурила-млада Пленкова
 С того же права клироса.
 Тогда подходит Чурило-млад Пленкович,
 Стал он его выпрашивать:
 — Коего, молодец, ты роду-племени,
 Коего, молодец, да отца-матери,
 Как тебя, молодца, да именем зовут? —
 Говорит Дюк сын Степанович:
 — Не то поют, да не то слушают —
 Поют обедню воскресенскую. —
 Другой раз Чурилишко выпрашивает:
 — Коего, молодец, да роду-племени,
 Коего, молодец, да отца-матери,
 Как тебя, молодца, да именем зовут? —
 Говорит Дюк сын Степанович:
 — Не то поют, да не то слушают, —
 Поют обедню воскресенскую. —
 Третий раз Чурилишко выпрашивает:
 — Коего, молодец, да роду-племени,
 Коего, молодец, да отца-матери,
 Как тебя, молодца, да именем зовут? —
 Говорит Дюк сын Степанович:
 — Не то поют, да не то слушают —
 Поют обедню воскресенскую. —
 Отходит обедня воскресенская,
 Выходили они да все на улицу.
 Встретил Дюк да сын Степанович
 Того же старого Илью Муромца,
 Подарил ему перчаточки жемчужные.
 Заходили они в палаты белокаменные
 К тому же солнышку-Владимиру,
 Пошел у солнышка почестен пир.
 Тот же старей да Илья Муромец,
 Садился он да за передний стол.
 Того же Дюка сына Степановича

Посадил себе подле праву руку.
Тут они сидят, пьют-едят,
Тот же Дюк да сын Степанович,
Ел он белые калачики:
Верхню корочку на стол кладет,
Нижню корочку под стол мечет,
Ест одну середочку.
Замечает Чурило-млад Пленкович,
И говорит Чурило таково слово:
— Ой еси, солнышко-Владимир князь,
Приехал гость к нам незванный,
Незванный гость и неожиданный,
Тебя, князя, ничем зовет,
Нас, богатырей, ни во что кладет.
Ест он у тебя калачики,
Верхню корочку на стол кладет,
Нижню корочку под стол мечет,
И ест он одну середочку.—
Осердились все удалы-добры молодцы,
Осердился солнышко-Владимир князь,
Все стали на него поглядывать.
Поддерживат его старой да Илья Муромец.
Тут Дюк с Чурилом крепко спорили.
Говорит Чурило таково слово:
— Ой ёсть, приехал ты, молокососишко,
Я куплю-продам тебя одной своей куней шубой. —
Бились они с Чурилом о велик заклад:
Не о злате, не о серебре,
А о своих буйных головах—
У которого дороже кунья шуба.
Арестовали Дюка сына Степанова.
Поддерживает его старой да Илья Муромец,
Не дает его в обидушку.
Писал-то Дюк да сын Степанович,
Писал-то он ярлык да скору грамоту
Ко своей он матушке родимой,
Пречестной вдове Омельфе Тимофеевне:
„Ой есь, моя матушка родимая,
Пречестна вдова Омельфа Тимофеевна,
Пришли мне пальто да воскресенское“.
Выходил-то он да вон на улицу,
Клал ярлык да он в седлышко зеркальчато,
Отправил он своего коня доброго.
Прибегает его добрый конь
В ту же да Нижну Галицу.
Встречала его матушка родимая,
Встречала она и заплакала:
— Потерял, видно, чадо буйну голову.—
Подходила она да к коню доброму,
Отмыкала седлышко зеркальчато,
Вымала ярлык да скору грамоту,

Читала ярлык да скору грамоту.
Выносила она пальто да воскресенское,
Клала в седельшко зеркальчато
И отправила своего коня доброго.
Прибегал конь да в стольный Киев-град,
Выходил-то Дюк да сын Степанович,
Отмыкал седельшко зеркальчато,
Заходил он в светлу светлицу.
У того же Чурила-млада Пленкова
Ценили кунью шубу в пятьсот рублей,
У того же Дюка сына Степанова
Тоже ценили в пятьсот рублей.
Надел-то Дюк да сын Степанович
На себя да он кунью шубу.
Было у Дюка на шубе три пуговицы,
Провел-то Дюк да сын Степанович
По пуговкам своей да правой рученькой,
Запели эти пуговики разным голосом.
Ценили эти пуговики:
Двум пуговкам цену дали,
А третьей не могли и цены дать.
Вскочил тут Дюк да сын Степанович
На свои да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую —
Рубить у Чурила буйну голову.
Тут стали его упрашивать.
Поглядел он на старого Илью Муромца
И простил Чурила-млада Пленкова.
Тут опять они сели на почестен пир,
Тут они и пьют и едят.
Опять Чурила с Дюком прираспорили.
Говорит Чурило таково слово:
— У меня,—говорит,— житья-имущества
больше твоего.—

Бились они о велик заклад:
У которого меньше житья-имущества—
Рубить у того да буйну голову.
Захватили Дюка сына Степанова,
Поддерживает старой да Илья Муромец,
Не дает он Дюка в обидушку.
Выбирали они два писаря:
Одного—Олешеньку Поповича,
Другого—Микитушку-Добрынюшку —
Ехать в Нижну Галицу,
Описывать жите-имущество
У того же Дюка сына Степанова.
Два писаря поехали к Чурилишку.
Приезжают Олешенька с Добрынюшкой
В ту ли да Нижну Галицу,
Заходили они во горницу,—
Ходит у печки тут женщина.

— Здравствуй,— говорят,— Омельфа Тимофеевна!—
 — Я, говорит, не Омельфа Тимофеевна,
 Я ей только кухарочка,
 А Омельфа Тимофеевна в парной баенке.—
 Ведут ее две кухарочки под руки,
 Заходит она ходом задним,
 Зашла она в теплу спаленку.
 Выходила она на кухню:
 — Здравствуйте, удалы-добры молодцы,
 Куда вы пошли, куда поехали?—
 — Приехали мы тебя описывать:
 Расхвастался Дюк да сын Степанович
 С тем же Чурилой-млада Пленковым
 Об житье и об имуществе.—
 Вынимал Олеша ярлык да скору грамоту,
 Передал Омельфе Тимофеевне.
 Распечатала она ярлык да скору грамоту
 От того же Дюка да сына Степанова:
 „Ой есь, моя матушка родимая,
 Пречестна вдова Омельфа Тимофеевна,
 Отведи магазин—сбрую лошадиную,
 Пусть они ее описывают“.
 Говорит Омельфа Тимофеевна таково слово:
 — Ой есь, удалы-добры молодцы,
 Приходите с дорожки попить-поесть.—
 Провела она их во горенку,
 Посадила за дубовый стол,
 Подала она по рюмке вина заморского,—
 Замутило у ребят да буйну голову.
 По другой подала рюмочке заморской,
 Где они сидели—тут и заспали.
 Пробужались они поутру рано.
 Посадила она их попить-поесть.
 Подала опять по рюмочке вина заморского.
 Говорит она таково слово:
 — Ой есь, удалы-добры молодцы,
 Пойдемте, отведу я вас магазин описывать.—
 Описывали они магазин два месяца,
 Нехватило у них ни чернила, ни бумаги.
 Говорит-то Олешенька Попович:
 — Не описать нам ее житье-имущество целый год.—
 Отправляются стали в путь-дороженьку.
 Приезжают они в стольный Киев-град,
 Заходили к солнышку-Владимиру.
 Спрашивать стали у Олешеньки Поповича:
 — Долго ты, Олешенька, поездил нын!—
 Много ли описали у Чурила-млада Пленкова?—
 Говорит им Олеша таковы слова:
 — Описали,— говорят,—у него на пятьдесят тысяч.
 — А мы,— говорят,—у того же Дюка сына Степанова
 Описывали магазин сбрую лошадиную,

Описывали только два месяца,
Нехватило у нас ни чернила, ни бумаги
На одну ли же сбрую лошадиную.
Все имущество его описывать—
Заберет нас круглый год.—
Скочил-то Дюк да сын Степанович,
Скочил-то он да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую—
Рубить-разбить его буйну голову,
Того ли Чурила-млада Пленкова.
Стали его да упрашивать, уговаривать.
Поглядел он на старого Илью Муромца,
Послушал старого Илью Муромца,
Не стал ему рубить да буйну голову.
Тогда сели опять они на почестен пир,
Тут они опять пьют-едят,
Тут опять с Чурилом да прирасспорили.
Говорит-то Чурило да таково слово:
— Я-то силовьей сильней тебя.—
Тут они да прирасспорили,
Тут они да прирассорились,
Бились, боролись о велик заклад
Не о злате они, не о серебре—
О своих ли то буйных головах:
Скакать на добрых конях через Дунай-реку;
Который не перескочит—
Рубить у того да буйну голову.
Как их унимали, упрашивали—
Не могли упросить добрых молодцев.
Подъехали они к Дунай-реке,
И собралось тут народу много-множество.
Говорит Чурило-млад Пленкович:
— Скажи,—говорит,—Дюк, через Дунай-реку.—
Говорит Дюк да таково слово:
— Ты накликал—наперед ты скажи.—
Разъехался Чурило-млад Пленкович,
Скочил он через Дунай-реку,
Огруз он в самую середочку.
Разъехался Дюк да сын Степанович,
Скочил он через Дунай-реку—
Не омочил он копытика,
Перескочил он через Дунай-реку.
Поворотил он своего коня доброго,
Прижал он его шпорами острыми,
И скочил назад он через Дунай-реку,
И хватил Чурила за желты кудри,
И вытащил его из Дунай-реки.
Соскочил Дюк со добра коня,
Хватил он сабельку нынь вострую,
Срубил Чурилу буйну голову.

11. КОСТРЮК

Задумал наш царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Он задумал жениться,
Захотел обручиться
Не у нас на святой Руси,
Не у нас в каменной Москве—
Он во Литве поганой,
Он у короля на дочери,
Он на Марье Темрюковне.
Он не много с собой поезду берет,
Полтораста он татаринцов,
Полтретьяста боярских детей
Да пятьсот стреманных стрельцов.
Он еще бы с собой берет
Стара дядюшку он Микиту Романовича.
Покатился наш царь-государь
Он во Литву поганую,
Он ко королю, ко дочери,
Он по Марью Темрюковну.
Взял он с собой Марью Темрюковну,
Тогда и покатился наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич
Во собор божьей матери,
Пресвятой богородицы,
Он принимать золотые венцы,
Целовать чуден божий крест.
Он принял золотые венцы,
Целовал чуден божий крест,
Покатился к своему двору.
Тогда заходят гости званные,
Они заходят тогда на почестен пир,
И пируют-столуют добры молодцы,
Пьют-едят—потешаются,
Промежду собой хвалятся.
Один сидит Кострюк-Местрюк,
Кострюк-Местрюк Темрюкович,
Он не пьет чару заздравную
За царя православного,
За царицу благоверную
Он за Марью Темрюковну.
Говорил тогда Кострюк-Местрюк,
Кострюк-Местрюк Темрюкович:
— Уж я много городов испрошел,
Уж я много борцов поборол,
Не нашел я себе-ка поединщика.—
Тут поднялся дядюшка стар-Микита Романович,
Он щипал свою седую бороду,
Он щипал свою сиву голову.
Выходил тогда дядюшка стар-Микита Романович,

Выходил он на красно крыльцо.
Закричал тогда дядюшка
Стар-Микита Романович,
Чтобы слышно во всем городе,
В городе и по-за-городу.
Тут идут два богатыря:
Идет Васька Коротенькой,
Идет Потанюшко Хроменькой,
Васька на царев кабак пошел,
А Потанька—к царю на дворец,
Костылем подпирается
Ко дворцу приближается.
Он заходит в гридню светлую,
Где сидят гости званые.
Говорил тогда дядюшка
Стар-Микита Романович:
— Уж ты ой еси, Потанюшка Хроменькой,
Ты не можешь ли с Кострюком поотведаться?—
Говорил Потанюшко Хроменькой,
Говорил таковы слова:
— Я вчера дивно выпивши,
Как болит моя голова,
И шипит ретиво сердце,—
Мне бы чара зелена вина
Не мала—не велика—в полтора ведра.—
Подносили ему чару зелена вина,
Не малу—не велику—в полтора ведра.
Он берется тогда единой рукой,
Выпивал эту чару единым духом,
Единым духом, одним помахом,
Не оставил во чарочке во глаз пустить.
Из речей тогда выговаривал:
— Взвеселили мою буйну голову,
Не окатило мое ретиво сердце—
Опять мне бы чару зелена вина—
Не малу—не велику—в полтора ведра.—
Подносили ему чару зелена вина,
Хоть не малу—не велику—в полтора ведра.
Он берется тогда единой рукой,
Выпивал он чару единым духом,
Единым духом—одним помахом,
Не оставил в чаре и в глаз пустить.
Из речей тогда выговаривает:
— Взвеселило мою буйну голову,
Окатило мое ретиво сердце,
Только не ходят руки белые,
Не носят мои ноги резвые—
Еще бы мне-ка чара зелена вина,
Не мала—не велика—в полтора ведра.—
Подносили ему чару зелена вина,
Хоть не малу, не велику—полтора ведра.

Он берется тогда единым духом,
Единым духом, одним помахом,
Не оставил в чаре и в глаз пустить,
Из речей тогда он выговаривал:
— Я могу нонче бороться,
С Кострюком поотведаться. —
Скакал Кострюк через дубов стол,
Выходил Кострюк вон на улицу,
И спустились со красна-крыльца;
Тогда и стали они бороться —
Потанюшка Хроменькой и Кострюк Местрюк.
Во-первых Кострюк поборол
И во-вторых Кострюк поборол,
Тогда Потанюшка справился,
Он вздымал его тогда выше головы,
Опускал его о сыру-землю.
Не встал Кострюк на резвы ноги,
Пополз он тогда под¹красно-крыльцо.

12. СКОПИН

Много Скопин по землям бывал,
Много Скопин городов видал,
Не нашел он себе-ка поединчика.
Говорила Скопину родна матушка:
— Уж ты ой еси, Скопин Федор Михайлович,
Не водись ты с девками со к...,
Не водись ты с жонками со б...,
Погубят они твою буйну голову. —
А немного поры-время миновалось —
Зовут Скопина на почестен пир
От той ли кумушки любимой.
Он седлат-уздат коня доброго,
Он скоро садился на добра коня,
Едет Скопин по чисту полю,
Приезжает Скопин ко кумушке любимой.
Он ставал тогда со добра коня,
Заходил он тогда в гридню светлую.
— Уж ты здравствуй, кумушка любимая,
Мы кумилися с тобой — не дарилися,
Мы держали любимого крестника. —
Посадили Скопина за передний стол,
Подносила она ему чару золоту,
Не малу, не велику — в полтора ведра,
В полтора ведра чару зелья лютого,
Лютого зелья, первосортного:
Посередочке во чарочке огонь горит,
По краям во чарочке лучи мечет.
Он берется, Скопин, единой рукой,
Выпивал он эту чару единым духом,
Единым духом да одним помахом,
Не оставил он в чарочке в глаз пустить.
Он повеса сидит буйну голову,

Потупя сидит очи ясные.
Выводили Скопина вон на улицу,
Посадили Скопина на добра коня,
Привязали ко стремячку лошадиному.
Как увидела его да молода жена, —
А едет-то Скопин не по-старому,
Не по-старому, Скопин, не по-прежнему:
Едва Скопин на коне сидит.
А принес его добрый конь к своему двору.
Говорит тут Скопину родна матушка:
— Говорила я тебе, чадо милое,
Не водись с девками со к...,
Не вяжись с жонками — со б...,
Вот и погубили они у тебя буйну голову. —
Плачет тогда его молода жена,
Плачет его родна матушка.

13. ПРО СЫНА СТЕПАНА РАЗИНА

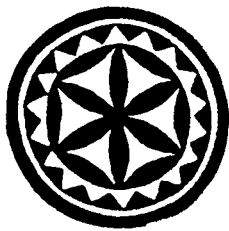
Откуль взялся-то, право, появился
Чуж-незнаем, право, человек,
Чуж-незнаем-то, право, незнакомый,
Из дальних из городов.
Баско-щебенко парень по городу похаживал,
Чернобархатный кафтанчик нараспашечку держал,
Семишолкова нова опоясочка
По белым его грудям,
Что зелены сафьяновы сапожечки
На резвых его ногах,
Его лайковы новы перчаточки
На белых его руках,
Что черна пухова нова шляпочка
На русых его кудрях.
Увидал-то его, молодца,
Губернатор со крыльца:
— Уж вы слуги ли, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы-то идите, нонь, приведите
Удалого молодца. —
Сохватали да, право, поимали
Удалого да молодца,
Эх, приводили да ноне молодца
К губернатору на лицо.
Тогда стал-то его губернатор
Крепко спрашивать его:
— Уж ты чей-то, парень, да детинка,
Чей удалый молодец?
Ты-то казанец, парень, ли рязанец,
Али астраханец? —
Тут-то ответ держал парень-детинка,
Отвечал ему молодой:
— Не казанец я, парень, не рязанец,

Я не астраханец.
Я-то не по Дону, парень, казак,
Не казачий, парень, сын.
Я-то тому-то Дону буду, парень, казак,
Стеньки Разина сынок.
Поутру-то завтра раным-ранешенько
Хотел батько к вам в гости быть. ,
Вы-то умейте-ко его, гостя, встретить,
Умейте потчевати. —
За такие-то, ноне, словеса
Посадили-то молодца
Во засаду-то его, во посаду,
В белокаменну тюрьму.
Поутру-то раным да ранешенько
Легка шлюпочка плывет.
В этой шлюпочке сидят гребцы,
Все-то удалы-то добры молодцы,
Все-то удалы-то добры молодцы —
Все донские казаки.
На середке-то сидит наш хозяин
Стенька Разин да атаман.
Он промолвил словеса:
— Ой, вы, гой еси, гребцы,
Вы удалы, добры молодцы,
Да все донские казаки,
Вы почерпните-ка мне воды
Что со Камы со реки,
Вы-то со Камы-то, ноне, со реки,
Что со правой со руки.
На моем-то, ноне, на сердечке
Растошнешенько тяжело:
Мой любимый-ёт сыночек
Во засадушке сидит,
Во засаде-то, ноне, во посаде,
В белокаменной сидит тюрьме. —
Воспромолвили гребцы,
Что удалы да добры молодцы:
— Разобьем-то мы, ноне, разгромим
Всю белокаменну тюрьму,
Доберемся мы, ноне, до того,
Кто сажал сына твоего.
Мы царя ли то, ноне, со царицею
Нынче в плен к себе возьмем,
Самого-то губернатора
Во посаду да его посадим.

14. НАД ГОРОДОМ КОСТРЫМИНЫМ

Над городом Кострыминым
Высоко звезда восходила,
Выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.

Тут стояла зла хоромина,
Зла злодейка земляна тюрьма.
В той злодейке земляной тюрьме
Тут сидел млад посиделышек,
Стеньки Разина племянничек—
Чернышев Захар Григорьевич.
Он по темнице похаживает,
Ножка о ножку постукивает,
Скобка о скобку пощелкивает,
Сапог о сапог поколачивает,
Из речей он выговаривает:
— Уж ты, ненастье мое, ненастище,
Ты талан ли, участь горькая,
На делу ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала?
Как бы кто меня, добра молодца,
Добра молодца нонче выпустил,
Отслужил бы я ему службу верную
Верой-правдою неизменною.
Самого бы убил, а жену взамуж взял.—
Во эту пору да в это времечко
Мимо тюрьмы была путь-дороженька,
Той дороженькой шел сам Кострымский царь.
Услыхал он у молодца таковы слова—
Скоро-наскоро да его выпустил.

ПЕСНИ РЕКРУТСКИЕ И СОЛДАТСКИЕ

15

Ночесь, ночесь молодцу мне мало спалось,
Мне мало спалось, много во сне виделось,
Привиделся молодцу нехороший сон—
Будто меня, молодца, добрый конь разнес,
Добрый конь вороненький, в тесменной узде,
В тесменной узде, в черкасском седле.
Свалилась у молодца шапка с головы:
Значит мне-ка, молодцу, во несчастьи быть,
В таком злом несчастьице—в солдатах служить,
Моей родной маменьке вечно слезы лить,
Моей молодой жене век солдаткой быть,
Моим малым деточкам—век сиротовать.

16

Край пути было дорожечки,
Край широкою было московскою,
Испостроены были палатушки,
Новы-каменны были государевы.
Из тех-то палат да белокаменных,
Белокаменных, было, государевых,
Выезжал-то тут майор-полковничек,
Вывозил-то указичек немилостив,
Он не милостив—указ—не жалостлив:
Из трех-то братиков в солдаты брать,
А из четырех-то братьев—в казачки писать.
Что у нужного-то было, у бедного,
У крестьянина было небогатого,
Было три-то сына, да три хорошие,
Все на царскую службу дети гожие.
Как большего-то сына мне-ка жаль отдать,
Как среднего-то сына—мне не хочется,
Еще малому сыну—верно бог судил,

Верно бог судил да во солдатах быть,
Во солдатах-то быть да все царю служить.
— Уж вы, дети мои, вы деточки,
Уж вы все-то, дети, были рожонные,
Вы пройдите-ка, дети, вдоль по улице,
Вы зайдите-ка, дети, в грязну кузницу,
Уж вы скуйте-ка, дети, по ножичку,
По остру-то ножу, по булатному,
По булатному ножу, по укладному.
Вы сходите-ка, деточки, во рощицу,
Ссеките-ка, дети, по пруту,
Уж вы сделайте, дети, по жеребью.
Уж вы сходите-ка, дети, на Дарью-реку,
На Дарью-реку, да на свежу воду,
Вы спустите-ка, дети, эти жеребьи.—
Еще старший сын спускал — серой утицей плывет,
А как средний сын спускал — сизым гоголем плывет,
А как третий сын спускал — будто ключ ко дну идет.
Еще тут-то сын да расплакался,
Отцу-матушке приразжались:
— Верно я ли вам не сын, да верно — пасынок,
Я не пасынок, не сын, верно — чужо дитя.
Я чужо-то дитя, верно, соседово,
Я соседушки дитя, верно, не ближнего,
Не ближнего — чужеприезжего.

17

Не за реченькой было, за Невагою,
За второй речкой было, переправую,
За дорожечкой было за широкою,
За широкой славной петербургскою.
Не полынь-травонька во поле шатается —
Удал-добрый молодец да он не сам зашел,
Он не сам зашел да не своей охотою,
Приневолила его, дружка, неволя,
Приневолила нас неволюшка такая —
Власть боярская, служба государская.
Тяжело ту службу служить государеву
Со утра ли то день до вечера,
Со полуночи до часу до девятого,
Со девятого часу месяц высоко взошел,
Рассыпались звездочки по чисту полю.

18

По дорожечке было по широкой,
По широкой по московской,
Тут-то шла-прошла силушка армия,
Сила армия да конна гвардия,
Конна гвардия, три полка солдат,
Три полка солдат да молодых ребят.
Все молодые да безбородые,

Все холостые да не женатые,
Не женатые да кудреватые,
Они были-то царя белого,
Царя белого да Петра Первого.
Впереди-то полка да знамена несут,
Посреди полка да барабаны бьют
Позади полка ружья светуют.
Ружья светлые да замки крепко бьют.
Замки сбрыкали, солдаты всплакали,
Во поход пошли да в путь-дорожечку.
Хоть не в дальнюю да во печальную,
Во печальную да во слезливую,
Во слезливую да несчастливую.
Во слезах они думу думали,
Думу думали да речь говорили:
— Уж мы где будем нонче день дневать,
Будем день дневать, ночь коротати?
Будем день-то дневать во сыром бору.
Ночь коротати — во темном лесу,
Под сосенкой да под кудрявою,
Во постелюшке — да мать сыра земля,
Во изголовьице — да зло кореньице,
Одеялышко — да буйны ветрички,
Разбужаньице — пуля быстрая
Пуля быстрая да сабля вострая,
Умываньице — да кровь горячая,
Утираньице — да мурава-трава,
Воспитаньице — да сухари-вода,
Сухари-вода — солдатам еда.

19

По архангельской дороге
Идет армия солдат,
Все солдаты слезно плачут,
Лишь один солдат не плачет —
Он по армии гуляет,
Он во скрипочку играет,
Всех солдат он утешает:
— Вы не плачьте-ко, солдаты,
Вы не плачьте, молодые. —
Как в ответ ему солдаты:
— Да и как же нам не плакать,
Как нам горьких слез не лить:
Наши домички пустеют,
Отцы-матери стареют,
Молоды жены вдовеют,
Наши дети сиротеют.

20

Уж ты, зимушка-зима,
Холодна очень была.

Припев: Ай люли, люли, люли,
Холодна очень была...¹

Холодна зима проходит
Весна красна настает.
Весна красна настает,
У солдата сердце мрет.

У солдата сердце мрет,
Сердечко чувствует поход.
Лето в лагерях стоять,
Поутру рано вставать.

Поутру рано вставать,
Черный мундир одевать,
Черный мундир одевать,
На ученье поспешать.

Нам ученице—мученье,
Очень плечам тяжело.
Штык-винтовку подают
И под рыло нам дают.

21

Не на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове
Молодой матрос корабли снастил:
Во все парусы да корабельные,
О двенадцати тонких парусах,
О двенадцати бел-полотняных,
О шестнадцати флагов шелковых
Шолку разного шехматинского.
Увидала тут красна девица
Из высокого бела терема,
Из широкого косящата окошечка,
Из хрустального из стеколышка,
Увидала тут, брала ведро,
Брала ведро—пошла по воду,
Пошла по воду на Неву-реку.
На Неве-реке воду черпала,
Призачерпнувши—думу думала,
Призадумавшись ведра ставила,
С молодым матросиком слово молвила:
— Уж ты гой еси, добрый молодец,
Добрый молодец, сын отеческой,
Ты зачем рано корабли снастишь?—
— Уж ты глупая, красна девица,
Неразумная дочь отеческа,

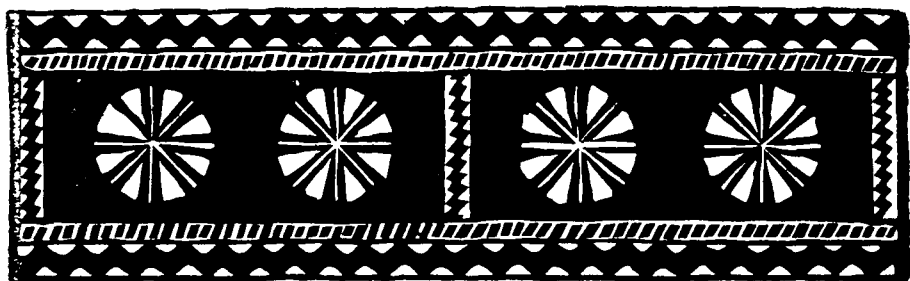
¹ Первая строчка припева повторяется после каждых двух строчек с прибавлением второй строчки куплета.

Не своей волей корабли снащу—
Я по царскому дозволеньицу,
По приказу я государеву,
По веленьицу губернатора.

22

Вдоль по Питерской по славной по дорожке,
Туда шли прошли солдаты молодые,
За нима-то идут матушки родные,
Позади-то мужни жоны молодые,
Во слезах пути-дорожечки не видят,
Во взрыданьице словечка не промолвят.
Воспромолвили солдаты молодые:
— Отчего же сине море зачернело?
Зачернело сине море кораблями.
Отчего так сине море забелело?
Забелело сине море парусами.
Отчего так сине море застонало?
Сине море застонало молодцами.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧЕТЫ

23

Что во светлой во светлице,
Во столовой новой горнице,
У отца у родителя,
У родимой своей матери,
Что стояла тесова нова кровать,
Что со долгой новой завесой.
Тут спала красна девица,
Что невеста зарученная,
Что княгиня первобрачная.
Разбудившись от крепкого сна,
Обвела очми по горнице,
Как по той по светлой светлице,
Она узрела-увидела
Своего брата родимого.
Она просила-упрашивала
Своего брата родимого,
Она молила-умаливала:
— Засеки, братец, засеку
От востока до запада,
Что от матушки сырой земли
До ходячего облака,
Не проходили б люди добрые,
Не пробежали кони быстрые.
Ты оставь одни широки ворота—
Проходить бы свату молодцу,
Пролетать бы ясну соколу,
Приходить добру молодцу,
Что моему богосуженому,
Что моему богоряженому
Афанасью Васильевичу.
Прошу милости всех гостей
Со всем князевым поездом,

Что за мной за богосуженой
За невестой зарученною
За княгиней первобрачною.

24

Не лебедушка вкруг сада облетала,
Красна девица у туга замка стояла,
Тугой замочек да отмыкала:
— Ты, тугой замок, да отомкнися,
Родна маменька, да разбудися,
Нам не веки с тобой вековати,
Нам не годик с тобой годовати,
Нам не зиму с тобой зимовати,
Нам не весну с тобой весновати,
Нам не лето с тобой летовати—
Одна ночка с тобой ночевати.
Уж мы как будем ночь ночевати
Уж мы как будем темну коротати:
Не знай—сидя ее просидети,
Не знай—лежа ее пролежати,
Не знай—крепким сном проспати,
Что таким-то крепким, беспробудным.

25

Как ходил-гулял большой сват,
Как Матвей свет-Евграфович,
Как ходил да похаживал,
Как хвалил да нахваливал
Чужу-дальнюю сторону,
Окуневскую слободу:
— Окуневская слобода
Она сахаром усеяная,
Она медом поливаемая,
Виноградом горожена.—
Не жила млада—не ведала,
Пожила, так споведала:
Окуневская слобода—
Она горем усеяная
И слезами поливаемая
И кручиной горожена.
Да что бы тебе, большой сват,
Как Матвей, свет Евграфович,
Как трясло б тебя, повытрясло,
С полу на печь повывызмало,
На печи да под шубою,
Под тремя полушубками,
Да сквозь печь провалитися,
Да во щях заваритися,
Киселем захлебнутися,
Пирогом заколотися.
Того мало тебе, большой сват,

Как Матвей свет Евграфович.
Идет мужик с волости
Да несет мешок болясти
Все на свата на большого,
На вилявого, лукавого,
На змея семиглавого.
Того мало тебе, большой сват:
Идет мужик с Вологды,
Да несет мешок своробу,
Все на свата на большого,
На вилявого, лукавого,
На змея семиглавого.
Голова у тебя, как пуговка,
А глаза-то, как луковки,
А брюшина, как хлебница,
Не ходи да не подхаживай,
У нас девок не выманивай.

26

Не на улице дождь поливает—
В Голубкове у нас девок убывает,
Что молодущек у нас прибывает.
Уж вы, девушки, поиграйте,
Уж вы, молоды-молодки, не плошайте,
Уж вы, молодцы, погодите,
Уж вы жалобно на девок не глядите:
Еще взглядиком девушек не возьмешь,
Что возьмешь или нет с полюбови,
Что со матушкина дозволения,
Что со батюшкина благословенья.
Уж я батюшке говорила,
Уж я свету родному доносила:
— Не отдай меня, батюшка, замуж.
Ты не зарься на высокие хоромы:
Не с хоромами жить, с человеком,
Мне не с платьями жить, а с советом.—
Много цветного платица на грядке,
Да не ровнюшка лежит на кровати,
Раздевать-разболокать заставляет.
Покориться-то мне неохота,
Своей спинушки присогнути,
Белых рученок умарати,
Золотых-витых перстней поломати.
Я ему за сапог, он — в косицу,
Я ему за второй, он — вторую.
Уж и тут меня горюшко взяло,
Уж и тут меня велико одолило.

27

У своих у родителей
Я росла ли да красна девушка,

Я цвела ли да в поле ягодка
Добрым людям на завидость.
Стали люди да замечати,
Красну девушку да признавати,
От родителей доступати.
Стал ходить ли да стал подхаживать
Сват оханщик да сват обманщик.
Вечерами да он ходил поздно,
По потух ли зари вечерней,
Что по высып-то частых звездочек,
Что по выходе ясна месяца.
Не путем он шел, не дорогою,
Он лисьими ходил тропами,
Он мышьями ходил норами,
Ко высоко да нову терему,
Сватом молодым подговорщиком
Он по лесенкам выступывал,
По белым сениям тихо прохаживал,
В светлы светлицы заходил,
Против матицы становился,
Перед спасом богу молился,
Во все стороны да поклонился.
Он на лавицы не садился,
Он звал ли да вызывал
Как мою ли гору высоко,
Он во новы да сени белы,
Он на тайны да разговоры.
Выходил мой гора высокой,
Говорил он да тайны тайности,
Он со сватом да с обманщиком.
Сват обманщик да его спрашивал,
Его спрашивал да домогался,
Просил девушку да меня красну
За своего да за сына замуж.
Как гора ли моя высока,
Он ответу да не давал,
Сроку сразу да не давал,
Заводил его, проводил
Как во те ли да светлы светлицы,
Во столовы да новы горницы,
Далеко его проводил,
Высоко его да сажал
За столы, его, за дубовы,
За чай ли, его, за крепки,
За вина, его, за зелены,
За яства да за сахарны.
Говорить стали, разговаривать:
Стал сват молод ему рассказывать
Про своего сына любимого,
Про житье-бытье, про богатство,
Стал хвалить он все прихваливать,

Он гору мою разговаривать,
Отца с матерью стал обманывать.
Отец с матерью прираздумались,
Прираздумались, приуверились,
На его-то сказы неверные.
Стали сроки да они класть,
Стали думу да они думать,
Стали девушку меня спрашивать.
А я молода ли да бедна глупа,
Я с испугу да побоялась,
Буйну голову закружило,
Ретиво сердце забилося,
Мои речи да помешались,
Я ответу не давала,
Слезно плакала, все рыдала.
Я с расстрою да красна девушка,
Я с испугу да слово молвила,
Я без памяти да им сказала:
— Что хотите вы, то и делайте.—
Согласились да отец с матерью
Меня, девицу, приказати,
Свату молоду слово сказати,
Праву руку ему отдати
Под мою ли да буйну голову,
Как под девью да мою красоту.
Они стали богу молитися
Перед спасом да вседержителем,
Пред святой иконой да божьей матери,
Меня, девушку, тут же вызвали,
Заручили да приказали,
Слово крепко да ему дали,
Подарки да подарили,
Со крыльца тогда проводили,
Погощать его пригласили.
Я осталася, красна девушка,
Я во горе да во кручине,
Во печали да во великой,
Я во думушке да во крепкой,
Я тогда ли стала думать,
Дума-думушка пошибать стала,
Ум со разумом помешался,
И ухватила я, красна девушка.
Я поплачу да погорюю,
Побраню ли я да поругаю
Я оханщика да я обманщика:
— Да кабы тебе, свату молоду,
Со крылечка да окатитися,
Права ноженька да тебе выломать,
Лева рученька да тебе вывихнуть.
Как еще ли да свату молоду
Как во три ряда чирья в бороду,

Чтобы рвало да нарывало,
Чтобы ныли они, шипели,
Что за это тебе за само.
Изобидел ты меня, красну девушку,
Поразил ты да грудь мне белу,
Вередил ли да ретиво сердце,
Помешал ли да мои мысльцы.—
Обманул он, обговорил
Как гору ли мою високу,
Как денну ли мою печальницу.
Тут меня ли да красну девушку
Они отдали да праву руку
Ему обманщику-подговорщику.
Нонь не выкупить будет, не выручить
Нам ни златом будет, ни серебром,
Ни дорогой казной драгоценной.
Только выкупить, видно, выручить
Надо девьей да мне-ка красотой,
Девьей срядной да ненаглядной,
Моей ли да буйной головой...
Со этой-то поры-времени
Мне сидеть-то, да красной девушке,
Крошка да мне немножко,
Мне-ка численные денечки.

28

Подошла ли да пора-времечко,
Подкатилася час-минуточка
До большого до девья вечера.
Я стала ли, красна девушка,
Я невеста да зарученна,
Я княгиня да первобрачна.
Собирать ли да стала звать,
Красных девушек приглашать:
На последний ли девьей вечер,
На росстанюшки житья девьего,
На разлукушку с родом с племенем.
Всех я девушек собрала,
Всех подружечек пригласила,
Посидеть со мной, погостить
При последнем да житье девьем.
У своего да роду племени,
У своего да отца-матери,
У родителей в светлых светлицах
Напоследки-то живу гостюшка,
Я последню да думу думаю,
Я со вами да со девушками,
Я со вами да с подружечками,
Я последню да ужну ужнаю
У отца ли да у родителя,
У родимой да своей матери

Я со гостюшками со зваными,
Со подружечками приглашенными
Я отужинала, отгостила,
Из-за стола, бедна, не выходила,
Благодарность я приносила
Я своему да роду-племени,
Я родному да отцу-матери:
„Приношу я вам честь-благодарность—
Вы вспоили меня, вскормили
Вы до полного меня возраста,
До крепкого да ума-разума,
Одели меня, обули,
Баско-щегольно снарядили,
Супротив ли да своей ровни,
Супротив ли да своей братни.
Я така же да красна девка
С добрыми людьми наряду“.
Уж я девушкам да наказывала,
Я подружечкам наговаривала:
„Уж вы утром раньше вставайте,
Парну баенку затопляйте,
Ключевой воды нагревайте,
Шолков веничек принапарьте,
Приначистите тазы медные,
Призаправьте мыла заморские,
Красну девушку разбудите,
В парну баенку попросите.
Улеглися-то красны девушки
Как со мной ли, молодой кручинной,
Со невестой да зарученной,
Со княгиней да первобрачной.

29

Темна ноченька прокатилася,
Утро рано да наступило,
Стали красны девицы топить баенку,
Ключеву воду призаправливать,
Шолков веничек принапаривать,
Тазы медные приначищивать,
Мыла заморские да приготавливать.
Стали девушку тогда будити,
В парну баенку ее просити:
„Встань, проснися, да разбудися,
Ты невеста да зарученна,
Ты княгиня да первобрачна,
Просим милости в парну баенку:
Ключева вода принагретая,
Шолков веничек принапаренный,
Тазы медные да приначищены,
Мыла заморские да призаправлены“.
Красна девушка да разбудилася,

Да подруженькам слово молвила:
Уж вы свет ли, мои голубушки,
Уж вы красные девушки,
Приношу вам да честь-благодарность,
Хоть не всем вам да поименно,
Уж я всем вам да заедино,—
Натопили вы парну баенку.
Принагрели да ключеву воду,
Принапарили шолков венчик,
Приначистили да тазы медные,
Призаправили мыла заморские“.

30

К чему рано вы печи топите?
К чему рано вы пиво варите?
Вы кого ждете-ждидаетесь?
Живых-скорых, верно, разлучников?
Разлучают нас с городской стеной,
Задрожит-то да мать сыра земля,
Как натопчут-то кони добрые,
Да приедут-то злы разлучники,
Разлучат-то меня с городской стеной,
Хоть с денной ли моей печальницей,
Как с березонькой да кудрявою,
Как со новыми горницами,
Да со новыми светлицами.

31

Уж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе новыросли,
У нас две ли да было буйных головы,—
Одно только ретиво сердце,
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили,
У нас тайны были разговоры
Непроносны да словеса,
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Все ходили да мы гуляли,
Вместях двое да с тобой надвое,
Друг без дружки да никуда,
По играм мы да по веселым,
По беседушкам по хорошим,
По лугам ли да по зеленым,
Мы по горочкам по ледяночкам.
Нонь пришла ли да пора-времечко
Расставаться да расступаться.
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки расставаться.
Расставаньице тяжело,
Нам в разлукушке нелегко,

Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу нелегко.
Все останется от нас, от девушек,
Вся гульба ли наша, веселеньице,
Тайны тайности, непроносны словеса.
Заповедали мы, красны девушки,
Чтоб никому было не известно,
Только знали бы, только ведали,
Только мы ли, две красны девушки,
С этой тайностью мы помрем,
В мать землю да так пойдем.
Еще вспомни-ка, красна девушка,
Ты подружка задушевная,
Надойдет ли пора-времечко,
Накатится да весна тепла.
Протекут ли да ручьи с гор земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые.
Как прокатится ли мать-Печорушка
Вниз по быстри да до синя моря.
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да легки стружки,
Как поедут ли да все во лодочках,
На гуляньице да на весельице,
Как по вешным да тихим заводям
Все со песнями да все со баснями,
Как пойдут-то еще в лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя моря,
Как на промыслы да на богаты.
Как во тех ли во лодочках,
Что со белыми парусами,
Со белыми да полотняными.
Помяни-кесе, да где мы были,
Где мы были, да где мы робили,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позорилися:
Мы по ловлям да рыболовным,
По водам ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам да доставалось,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-падеры да не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали.
Руки, ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горяча да захлывала.
Только было нам согревы,

Только было нам пригревы,
Ключевой воды принагрем,
Изопьем воду—сердце огрем.
Как со той же мы со работушки,
Как со той же да со тяжелой,
Со богатого мы со промыслу
Домой придем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушке,
Мы ко тем ли да злым хозявам,
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогрем,
Как на ту же опять работу,
Как на ту же опять тяжолу.
Ты пойдешь ли, моя подружечка,
По лугам ли да по зеленым,
Ты по пожням, по сенокосам
Вспомяни-косе, бела лебедь,
Все мы вместе с тобой ходили
Все на долгих да на покосах,
На широких да на пограбах,
На тяжелой да на работушке,
Тяжелым ли да тяжела была,
Молодым ли да нам, молодехоньким,
Не по силушке да было нашей.
Тяжело рукам доставалось,
Могучи плеча уставали,
Со работы ноги дрожали,
Со тяжелой мы уставали,
Мы не плату да получали,
Хошь копеечки собирали.
Что за наш-то труд-работушку
Кто ли денежки собирал,
Себе богатство да наживал.
Подойдет-то пора-время,
Докатится час-минутушка
До тебя ли, до красной девушки,
Как в расстанюшки житья девьего
Спомяни-косе, бела лебедь,
Про меня ли про красну девушку:
Каково было мне-ка, красной девушке,
Таково будет тебе, белой лебеди.

32

Причет о горькой женской доле

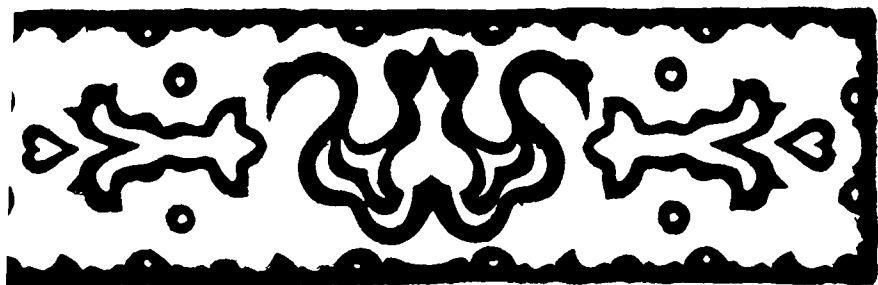
Уж я бедна-горька, несчастна,
Я во горе была спосеяна,
Во несчастьи была спорожена,
Во нужде ли я была выращена.
И ты, талан ли да мое счастьеце,
Участь горькая моя несчастная,

На делу ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала:
Веки горюшко мне-ка мыкати,
Во несчастьи да веки кыкати.
Уж я горька да горемыка,
С малых лет ли да уж я с детства
Добрых ден я да не видала,
Счастья-доли не испытала,
Во добре-житье не живала—
Жила в горюшке во великом.
Я шаталась, бедна-злосчастлива,
По чужим людям сиротинкой,
По рабам я да по холопам...
Я не жизнь жила—горе мыкала
Во чужих людях да во работушке,
Утром рано-то была разбужена,
Вечер поздно была уложена,
Среди ночи потревожена.
День и ночь я была на работушке
Не у отца-то я, не у матушки,
У чужих людей—богатеев.
Уж я робила, бедна, моталася,
Не заслужила я, не заробила
Я ни слова да себе гладкого,
Я ни куса да себе сладкого,
Я ни места да себе мягкого.
День и ночь, бедна, хоть работала,
Чужим людям меня было не жалко,
Чужи люди да не хранили,
Нашей молодостью не дорожили,
Посылали да наряжали
На работы да на тяжолы,
Везде по бурям и по падерам,
По тяжким темным заметелицам,
Зимний снег с меня да не стайвал,
Летний дождь с меня да не ссыхал.
Тут здоровье я свое вкладывала,
Тут я молодость свою теряла.
Не узревша я в поле ягодка,
Не разросла в саду малинушка:
Не успела да я сповырости,
Не успела да я привыцвести,
Я у роду да я у племени,
У родимой да своей матери
Они вздумали меня замуж выдати
Не за знаема человека,
Не за знаема, не за знакомого,
Что за злого да за лихого.
Молоду меня, молодехоньку,
Зелену меня, зеленехоньку
Не по охватыва да ума-разума,

Споневоли честных родителей—
Споневолила да родна маменька,
Не постояла, не подорожила
Ни красотой ли да моей девьей,
Ни молодостью ли молодую,
Поспешила—поторопила,
Кинула меня да она бросила.
Она думала меня горя избавить,
Хотела выкупить меня, выручить
Из тяжкой ли меня работушки—
Не могла меня горя избавить,
Ни выкупить меня, ни выручить,
Хотела горюшка у меня сбавить—
Еще больше мне горя прибавила.
Мне замужье пало неважно,
Мне-ка участь досталась бесчастна,
Мне судьба ли да горе-горька:
Бил-терзал меня муж нелюбимой
Не за дело, не за провинность—
От бедна житья, горе-горька,
От лихой нужды, да неизбывной.
Мне нигде-то да счастья не было...
Куда кинуся, куда брошуся?
И не укрыть-то мне, не успокоить
Своей буйной да мне головушки
Ни от ветра, да ветра буйного,
Ни от тучи, да тучи грозной,
Ни от крупна ли дождя мокрого.
Нет приладу и нет пристрою,
Обогревы нет да ретиву сердцу.
Так вот молодость издержала,
Красоту с лица потеряла.
Я еще, бедна, в горе кинулася,
Призабравши тогда годами,
Призаживши да я летами,
На второй ли я раз замуж вышла
Не за ровнюшку да за свою,
Уж я думала оприютиться,
Уж я думала успокоиться
Уж я за старого, я за древнего.
Уж я тем была довольна,
Уж я тем была благодарна,
Что нашла себе горя выход,
Дожила тогда до хозяйства.
Я жила тогда, горе-злосчастлива,
Хошь не у ровнюшки у своей—
Я у старого, у свирепого,
Уж я у скупа хошь жила у яства,
Уж я сыта была, довольна,
И обута была, одета.
Только все была недовольна

Я судьбой своей горе-горькой—
Пусть хоть сверху меня шуба грела—
Съиспода мое сердце ныло
За свою ли да жизнь несчастну,
За свою ли да бесталанну.
Тут еще меня горе достигло
Тут еще меня поимало
Еще горше, еще тошнее:
От того ли да мужа старого
Я осталась одна-одинешенька.
Я осталась горе-злосчастлива
Уж не в явстве да не в достатке
Я со малыми да со детьми,
Со малыми да многостадными.
Уж я не знаю, да как мне-ка жить,
Я не знаю, да как мне быть,
Видно надо да спроводить:
Мертвый живому да не товарищ...
Спроводила да схоронила,
В мать землю да уложила,
Я желтым песком призарыла.
Пусть потянут да ветры буйны,
Призавеют да пусть могилу,
Пусть прогрянут да громы громки,
Пусть вернут ли да дожди мокрые,
Пусть примочит его могилушку,
Прорастет ли да зеленой травой,
Расцветут пусть цветы лазоревы
На сырой ли его могиле,
На приметном да его месте.
Я тогда-то, горе-злосчастлива,
Пришла, горюшко, да я домой
Я не к топленной, бедна, печке,
Ко потухлому да, бедна, уголью,
Я ко малым-то своим деточкам.
Собрала их да захватила
Во свое ли да гнездо вито,
Куковать стала, горевать:
— Как я буду да с вами жити,
Как я буду да горе мыкать,
Как я буду да вас уж растить.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

33

Лучше бы я, девушка, у батюшки жила,
С утра день до вечера улицу мела,
Мела-мела улицу, распахивала,
Распахала улицу — ко батюшке пошла,
Кофеюшку грешного с месяц не пила,
Купила осьмушечку и ту всю сожгла,
Сварила для милого и то все пролила —
Это ли не горюшко, это ль не беда?!
С этого со горюшка во зелен сад пошла;
Сяду я, младешенька, под зеленой куст,
Выслушаю, девушка, что пташки поют:
Поют-поют пташечки, насвистывают,
С миленьким дружочком разлуку мне сулят.
Скука и разлука — чужа дальня сторона,
Чужа дальня сторонюшка в безветерье сушит,
Зла-лиха свекровушка без винушки бранит,
Журит-бранит бедненьку, ругает навсегда.
Осержусь на батюшка, на матушку свою,
Три года-годочика к дому не приду,
На четвертый годичек пташкой прилечу,
Родимого батюшка в море утоплю,
Родимую матушку к сосне привяжу,
Родимую сестрицу замуж отдам,
Родимого брателка в солдаты отдам,
Тогда я, младешенька, снова заживу.

34

Кабы волюшка девушке у батюшки была,
Не сидела б я во горенке одна,
Не чесала б свои русы волоса,
Не плела бы русу косу в три косма,
Не вплетала б алу ленту в три рубля,

Не лежала б белой грудью на окне,
Не ронила б я горючи слезы за окно,
Не считала б каждую малу птичку на лету,
Не бранила б чужу дальню сторону:
„Ты злодей ли, лиходея—чужа дальня сторона,
Разлучила с родом-племенем меня,
Во-вторых ты разлучила с отцом-матерью меня,
А во-третьих ты, злодеюшка, разлучила с родимой стороной.

35

Когда маленька была, тогда с маменькой спала.
Да вот калина, да вот малина.¹
Да я повыросла поболее, полюбила молодца,
Сполюбила молодца, из-за Питера купца,
Из-за Питера купца—офицера молодца.
Уж ты купчик-купчинец, да ты не смейся надо мной,
Ты не смейся надо мной, над девчиной молодой.
Не пой девицу водой, напой зеленым вином,
Напой зеленым вином, спроводи честно домой,
Спроводи честно домой, до маменьки до родной,
До маменьки до родной, до горенки до новой,
До горенки до новой, до кровати тесовой,
До кровати тесовой, до перины перовой,
До перины перовой, до подушки пуховой,
До подушки пуховой, до одеяльника,
Ко венцу меня везут да все похваляют,
От венца меня везут да все побранивают,
Еще свекор говорит: „к нам медведицу везут“.
Как свекровка говорит: „людоедицу везут“.
Как деверья говорят: „да не ткаху везут“.
Как золовки говорят: „да к нам не пряху везут“.
Как ведь свекор на печи, будто чорт на цепи.
Как свекровка на полатях, как чертовка на канате,
Шесть недель прошло, говорить можно.
Уж я по полу пройду да свекра выругаю,
Свекра выругаю, да свекровь выколочу.
На полатях муж лежит, сам-ит искоса глядит.
Ах, ты, муж, ты муженек, да не порато я боюсь.
Не порато я боюсь, да не побаиваюсь.

Муж с полатей воскочил, с грядки плетку ухватил.
Я сама поправилась, за русы кудри брала,
За русы кудри брала, мужа к полу пригнела.
Ты живи-ко, муж, потише, жонке кланяйся пониже.

36

Не велят Дуне за реченьку ходить,
Не велят Дуне молодчика любить,
А молодчика молоденького—
Душу-Ваню чернобровенького.

¹ Припев повторяется после каждой строчки.

Черна бровь, душа, не взглянешь на меня,
За тебя-то я побои приняла,
Я таки-то тяжки на спине вознесла.
Отчего-то, милой, головушка болит,
В ретивом сердце горяча кровь кипит.
Я одна-то, бедная, по бережку похаживала,
Я серых-то гусей стадо соганивала,
Всем лебедушкам наговаривала:
„Кышь-те, гуси, кышь-те, серы, со воды,
Кышь-те, беленьки лебедушки,
Еще вы-то, гуси, наплавались,
Еще я-то, бедна, наплакалася.
Прожила-то я свое девье житье,
Нажила себе замужье немудро.
Во замужестве я три года жила,
В эти три года три горя нажила:
Перво горе—вышла замуж молода,
Второ горе—за старого старика,
Третье горе—пала в семью нелюба.
Не пускает стар на улицу гулять,
А и пустит—сам в окошечко глядит.

37

Поиграйте, красны девушки,
Да на своей воле у батюшки,
Да у привольной у матушки,
Да не ровно замужье выйдется,
Да не ровен-то чорт навернется,
Либо старое—удушливое,
Либо малое—утешливое,
Либо ровнюша спесивенькая.
Я бы старого утешила
Да среди поля повесила,
Я на горькую осинушку,
Да я за саму за вершинушку.
Чорну ворону на граянье,
Добрым людям на дивованье.
Я бы малого утешила
Да в колыбельку спать уложила.
Я бы ровнюшку утешила,
На кроватку спать уложила,
Да на периночку пуховенькую.
Я возьму ровню на ручушки,
Да я прижму ровню к сердечушку,
Моя ровнюша разоспится,
Да ретиво сердце разожжется.

38

Вы раздайтесь, расступитесь, добры люди,
Вы на все ли на четыре на сторонки.
Да вздумал батюшко взамуж выдавати

Да за такого за детину, за невежу.
 Да на кабак идет детина, скачет-гарчит,
 Да с кабака идет невежа, воспевает,
 Да свою молодую жену вспоминает:
 „Да еще где моя жена да молодая?“
 Да я догадлива, младшенька, бывала,
 Да я скорешенько с постелюшки вставала,
 Да я на плечики тулупчик одевала,
 Да на головушку платочек завязала,
 Да на босу ногу башмачки одевала,
 Да я скорешенько по сеничкам бежала,
 Да я скорее того ворота заперала,
 Да я смелее со невежей говорила:
 „Да ты ночуй, ночуй, невежа, за воротми,
 Да тебе мягкая постеля—бела пороша,
 Да одеяла соболины—буйны ветры,
 Да тебе крепки караулы—серы волки.
 Да ты ночуй, ночуй, невежа, за воротми,
 Да высоко тебе зголовье—подворотня
 Да каково тебе, невежа, за воротми,
 Да таково же мне, младенькой, за тобою,
 Да за тобою, за беспутной головою“.

39

Не во д́алече-дал́ече было во чист́ом поле,
 Что еще того подале было—во раздольице,
 Разыгралася в поле куница, куна перед сободем,
 Прирасплакалась девица, да она перед молодцем:
 „Здравствуй, душечка моя, надежа, миленький сердечный друг!
 Ты зачем ко мне в гости не ходишь, миленький, не жалуешь?
 Неужели-тко тебя, моя надежинька, да отец-мать бранят?
 Отец-мать-то бранят, моя надежа, да род-племя журят?
 Не велят-то тебе, моя надежинька, да со мной знатися,
 А велят, душечка, моя надежа, милый, разостатися,
 На пути-то ли нам, на дороженьке да, милой, не встречатися,
 Во беседушке-то, моя надежа, да, милый, не сходитися,
 Супротив-то меня, моя надежинька, милый, не садитися,
 Велят, душечка, моя надежинька, тебе женитися.
 Если женишься, моя надежа, да, милый, переменишься,
 Повенчаешься, моя надежа, да вся любовь скончается,
 Не жену возьмешь, моя надежинька, да змею лютую:
 День-то журит-бранит, моя надежинька, да ночью спать
 не даст.
 Ты ходи-ко, гуляй, моя надежинька, да, милый, приучащивай,
 Пятью-шесть раз, моя надежинька,—до девяти час,
 На десятый-то раз, моя надежинька,—на всю темну ночь“.

40

Распремилы девушки,
 Да вы подруженьки мои,
 Созовите батюшка

Самого в гости ко мне,
Со родимой матушкой
В зелен садик погулять.
Есть у нас во садике
Есть забава велика.
Забава премилая:
На деревьях листья шумят.
Шумят-гремят листики
Осиновы, говорят.
Тут летит соловьюшко,
Летит-свищет молодой,
Спрошу-от соловьюшка:
— Милый тужит ли по мне?
Я-то по милом дружке
Каждый час по нем тужу,
Каждый час-минуточку
Обливаюсь слезми.
Пойду в теплу спаленку,
Лягу ниц я на кровать,
До тех пор лежать буду,
Пока два часа не бьет.
Два часа ударило—
Мой друг милый не бывал,
Третий раз ударило—
Мой хороший у ворот.
„Миленький, хорошенький
До чего меня довел?
Довел красну девушку
До славушки худой.
До худой до славушки
Вынул краску из лица“.
„Ай, милая, хорошая,
В лице краска не была,
Были в твоём личике
Одни белы белила,
Белые белилышка
Да накладные румяна,
Ты ли, красна девушка,
Так повысохла сама“.

41

Уж ты, мальчик, сизый расканальчик,
Есть раздушечка парень да такой.
Вложил мысльцы в мое ретивое,
Зажег сердечушко парень у меня.
Ума-разума я, бедна, не знала,
Начала тебя крепко любить.
У нас с миленьким было дело тайно—
Не известно было никому.
Теперь все-то про нас люди узнали,
Все соседушки про нас говорят.

Меня, дівку, мѣня, бедну красну,
 Все ругают все, бедну, бранят.
 Со руганьца стала дівка плакать,
 Раскрасавица стала горевать.
 „Не плачь, дівка, не плачь, бедна красна,
 Не плачь, жисточка, радость моя,
 Я задумал, молодец, жениться,
 Возьму замуж за себя“.
 „Врешь ты, мальчик, ты парень-расканальчик,
 Врешь, не возьмешь замуж за себя:
 Твой-то тятенька очень богатой,
 Твоя маменька очень горда“.

42

Голова болит — худо можется,
 Ай люли, люли, худо можется,¹
 Худо можется, гулять хочется.
 Я украдуся, нагуляюся,
 Со милым дружкой да нацелуюся.
 „Научи, милой, как домой прийти,
 Как домой прийти, да как во двор зайти
 Ко мужу моему, ко старому?“
 „Поди, милая, поди, хорошая,
 Поди, умная, поди, разумная,
 Поди, тихая, поди, смиренная, —
 По чисту полю да горностаюшком,
 По кустышкам — серым заюшком,
 По улочке — серой утицей,
 По двору пройди белой лебедью,
 По лесенкам — красной девицей,
 По сенечкам — да молодой вдовой,
 Во горенку — да молодой женой“.
 Я домой пошла, да я во двор зашла,
 По сеням-то шла молодой вдовой,
 Во горницу зашла молодой женой.
 Постылой муж да за столом сидит,
 За столом сидит да хлеба кушает,
 Хлеба кушает да лебедь рушает.
 „Как постылой муж, тебе хлеб да соль!“
 „Проходи, жена моя милая,
 Моя милая, ты постылая,
 Хлеба кушати да лебедь рушити“.
 Муж по лавочке да подвигается,
 Ко шелковой плетке да подбирается.
 Куда плеть хвостнет — тут и кровь брызнет.
 Свекор батюшко велит пуще бить,
 Свекровь матушка велит кровь добыть.
 Я на том млада зла-упрямая:
 Лавки вымыла да во шти вылила,

¹ Припев повторяется после каждой строчки с прибавлением последних слов.

Полы вымыла да в квашню вылила.
На локтях сползу да на своем сведу:
Я украдуся, нагуляюся,
Наворуюся, нацелуюся,

43

Свет наша путь-дорожечка,
Больше век по тебе, дорожечка,
Мне-ка не бывати,
Мне твоих-то черных грязей
Будет не топтати,
Своего-то дружка любезного
Будет не видати,
Не любить-то дружка
Будет, не дарить.
Привязалась-то тоска, зла кручинушка
К моему ко сердечку.
Я со той-то тоски, злой кручинушки
Пойду, бедна, гуляти,
Я гулять-то пойду, молодешенька,
Выйду в новы сенички,
А из новых-то сеней, молодешенька,
Выйду на красно крылечко.
Я опрусь-обопрусь, молодешенька,
Опрусь о перила,
Я солью ли, смочу мать сыру землю
Горькими слезами.
Посмотрю, погляжу, молодешенька,
Во чистое поле:
Ничим-то—ничего
Стало в чистом во поле не видно,
Только видно-то, видно во тумане
Красно солнце с маревами,
Во раздолье-то видно—
Одна маленька бела березка.
Что под этой да под березкой
Мы с милым дружкой сидели,
Уж мы все-то про все нонче говорили,
А одно-то тайно словечушко спросить позабыла,
А не позабыла, так спросить постыдилась.
Как подружечка к подружечке
В гости приходила,
Как подружечка подружечке
Речи говорила:
„Как у тебя-то, подружечка,
Горя нету,
Как у меня-то, подружечка,
Горя много:
У милого-то дружка
Завтра рукобיתье.
Я умоюсь, снаряжусь

Бедной сиротинкой,
Возьму на руки корзинку
И пойду к моему дружку на рукобיתье.
Еще мой-то миленький дружочек
Сидит за столами,
За персидскими скатертями,
За сахарными, милой, за яствами.
„Вы напойте, накормите
Эту сиротинку,
И чтоб век эта сиротинушка
Моего двора не знала!“

44

Нам сказали про девицу
Небыль-небылицу:
Будто я, красна девица,
По молодцу тужу.
„Не тужи, моя милая,
Я те не забуду.
Приведется в Питер ехать—
Привезу подарки,
Привезу тебе подарки—
Кумачу, китайки“.
„Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Привези-ко, сын отцушкой,
Золото колечко—
Золото-вито колечко
По мое сердечко.
Ты поедешь, друг, жениться—
Приверни проститься,
Ты сними тоску-кручину
С меня, молоденькой,
Заверни тоску-кручину
Коню в сиву гриву.
Сивой конь бежит-встряхнется—
Грива развернется
Сива грива развернется—
Тоска распадется.
Распадись, тоска-кручина,
По чистому полю,
Разрастись, тоска-кручина,
Травой-муравою.
Что травою-муравою—
Алыми цветами.
Все цветочки алые—
Один всех алее.
Все дружочки милые—
Один всех милее.

45

Уж ты, молодость, ты наша молодецкая,
 Уж ты, волюшка наша безотецкая.
 Не упомнила, молодость, когда ты прошла;
 Не в пирах прошла да не в беседах,
 Не в гульбах прошла да не в прохладах:
 Во путях прошла да во дорогах,
 Во слезах прошла да во горючих.

46

Молодость ты, молодость, премладая молодость,
 Уж я чем тебя, молодость, при старости спомяну,
 При старости спомяну, при младости вздохну?
 Спомяну я молодость тоскою-кручиною,
 Тоскою-кручиною, печалью великою.

47

Молодость ты моя, молодость,
 Молодость ты моя да молодецкая,
 Молодецкая да безотецкая,
 Безотецкая ты, да безматерна.
 Не запомню я, да когда ты прошла,
 Когда ты прошла да прокатилася,
 Пора-времечко да миновалось,
 За единый час да показалось.
 Вы, друзья ли мои, да приятели,
 Пособите мне да думу думати,
 Думу думати, да мысль мыслити;
 Мне жениться, али холосту быть,
 Холосту ходить—неженату быть?
 Мне женитьба пала неиздачлива,
 Молода жена пала не по разуму,
 Ни продать-то мне ее, ни променять,
 Ни названному брату подарить.
 Уж как недруги все взрадовалися,
 Неприятели все да надсмеялися.
 Я на те бы деньги лучше коня купил,
 Я коня купил бы, да лошадь добрую,
 Я бы продал ее да променял,
 Названному бы брату подарил.

48

Вниз-то по матушке, было, по Волге,
 По широкой-то было славной, долгой,
 Стоял новенький, новый теремочек
 Со крутым-то новым да со крылечком,
 Со косящатым да со окошком.
 Что во этом-то теремочке
 Спит, лежит-то душа-радость молодчик,
 Он не сном-то ли, парень, засыпался,

Со хмелинушки парень просыпался,
Ото сну ли-то парень разгулялся,
Ключевою водой умывался.
Полотенышком белым утирался,
Частым гребешком—гребнем учесался.
Против зеркала парень сряжался,
Красотою своей да удивлялся:
„Красота ли моя, ты красотушка,
Красота ли моя молодецкая,
Красота ли добра молодца,
Уж я всем-то да хорош парень родился,
Я одним-то только ли сгубился:
Молодешенек, рано женился.
Уж я взял-то жену себе упрямую,
Я упрямую-то да непокорную,
Никуда-то ее да не дошлешь,
Хоть и дошлешь-то ее, она не дойдет,
Хоть и дойдет-то, да она не спросит,
Хоть и спросит-то да мне не скажет,
Хоть и скажет-то она неправду,
Поведат-то она неверно.

49

У Ванюшки заболит голо-
вушка,
Занает сердечушко,
Знать, по любушке своей.
Где-то живет любушка,
Где живет голубушка—
На той стороне реки?
Чешет милый волосы,
Чешет милый русые—
Пухову шляпу надел.
Шапочка пуховая,
Сибирочка новая,
Рубашечка красная,
Жилетка атласная—
Знать ко любушке пошел.
Шел-то милый бережком,
Шел-то милый крутым,
Переходу искал—нет.
Нашел милый жердочку,
Нашел милый тоненьку,
Сам по жердочке пошел
Жердочка сломилась,
Шапочка свалилась,
Знать, мой милый потонул.
Увидала девушка,
Увидала красная
Из висока нова терема,
Брала девка ведерца,

Не столь скучно-то было молодцу
 Не столь скучно-то было, не столь грустно,
 Сам не знаю почему.
 Только знаю-то, знаю, размышляю
 Про любезну про свою.
 Как моя-то ли любезна отдалела от меня,
 Отдалела-отлетела за двенадцать быстрых рек,
 За двенадцать, за пятнадцать жить во матушку-Москву.
 По Москве-то парень гуляет,
 Извозчиков нанимает.
 Извозчиков-то молодых,
 Пару коней вороных.
 Извозчиков-то парень не нашел же,
 Сам заплакал, прочь пошел,
 Ко товарищам зашел.
 Вы товарищи-дружки мои же,
 Мы подумаем-ка, братцы, все мы,
 Мы подумаем, право, погадаем—
 Кого к любушке мне-ка послать.
 Мне-ка старого будет послати,
 Стар не дойдет до двора,
 Не дойдет до двора—не допустят старика,
 Не допустят старика — не отворят ворота.
 Мне-ка малого будет послати—
 Мал не знает, что сказать.
 Мне-ка ровнюшу будет послать—
 Ровня сам охоч гулять,
 Засидится-то ровня, заглядится
 На сударушку мою.

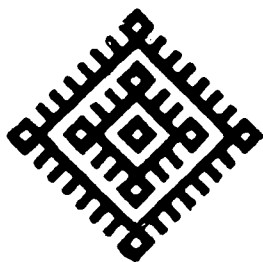
52

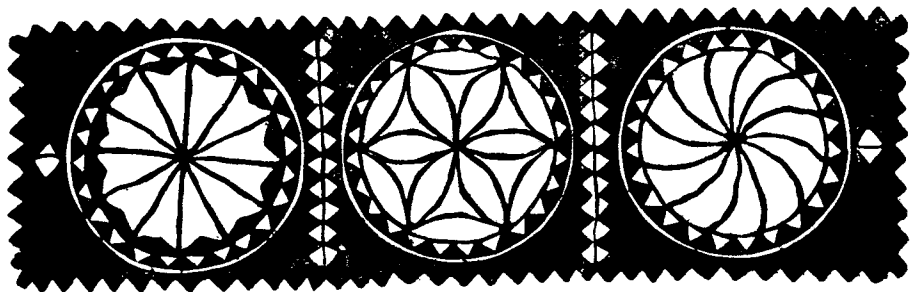
Загадну тебе, девица, шесть-три загадки:
 Еще что, красна девица, выше, выше леса?
 Еще что, красна девица, краше, краше света?
 Еще что, красна девица, без замочка?
 Еще что, красна девица, без ответа?
 Еще что, красна девица, ноне да без плоду?
 Еще что, красна девица, без любви?
 Сама знаю-отгадаю все эти загадки:
 — Выше леса, выше леса — светел месяц,
 Краше света, краше света — красно солнце,
 Без замочка, без замочка — круты бережочки,
 Без ответа, без ответа — добра лошадь,
 Нонь без плоду, нонь без плоду — серый камень,
 Без любви, без любви — мы, милый, с тобою.

53

По край реченьки, по край быстрой,
 На крутой горе, на высокой
 Тут хорош город разостроился—

Лучше Питера, краше Киева,
Лучше матушки каменной Москвы,
Лучше каменного строеньица.
Что не пыль в поле распыляется,
Не туман с моря поднимается,—
Еруслав-город загорается,
Стены каменны рассыпаются,
Одни лавицы остаются.
В этих лавицах дорогой товар,
Дорогой товар—скачетной жемчуг,
Тут ходил-гулял добрый молодец
По тому же мосту по каменну,
Он кричал-зычал громким голосом:
„Вы, друзья ли мои, товарищи,
Еруславские ли побывальщики,
Пособите вы мне при бедности,
При великой, большой скудости,
Отомкните вы эти лавицы.
В этих лавицах дорогой товар,
Дорогой товар—есть три ленточки:
Перва ленточка—во пятьсот рублей,
Втора ленточка—во шестьсот рублей,
Третьей ленточке—цены нет,
А цена-то ей—в каменной Москве.
Перва ленточка — молодой жене,
Втора ленточка — любимой сестре,
Третья ленточка — полюбовнице.

ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ

54

Моя мила не стара, не молода,
Самовар поставила—не долила.
Я сама того не смыслила,
Самоварчика не вычистила.
Не успела самовара скипятить,
Мой-ет миленький из Питера катит.
Не успела чайных чашечек налить—
Мой-ет миленький на стульчике сидит.
Я косила вниз Печоры по реке,
Я увидела милого в сюртуке.
Мне косить боле не хочется,
И коса в руках не держится,
Постоять мне с милым хочется.
Постояли мы, побаяли,
Всю гармонь слезми укапали.
Попросил милой платочка подержать,
От погодушки гармошку завязать,
От погоды, от заливного дождя,
Моя мила пожалела, не дала.
Мой-ет миленький беду забедовал:
У урядника с хозяйкой сбаловал,
Хозяюшку зовут Аннушкою,
Послужаночку—Наталиюшкою.
У Анюшки два колечка изломал,
У Наташки два платочка изорвал,
За бесчестье пятьдесят рублей платил.
Пятьдесят рублей не денежки,
Все висчанки—одни девушки—
Пособили прожить денежки,
Как прожить-промотать,
Его заставили колеса работать.
А колеса не работанные,

Давно денежки промотанные.
Мой-ет милый ни о чем он не тужил,
Он последнюю корову заложил,
На те денежки гармошку заводил,
У гармошки ножки точеные,
Перевьюшки позолоченные,
У гармошечки со свистом голоса,
У молодца—завитые волоса:
Завивала родна матушка,
Завила кудри сударушка
Из колечика в колечико.
Сама выйду на крылечико,
Стану спрашивать у малых я ребят:
„Вы, ребята-ребятушки,
Не видали ль мила дружка,
Мила дружка—Иванушка?“
Я мила дружка до смерточки люблю,
На походку наглядеться не могу.
Слышу-вижу, будто мой милый идет,
Развеселую гармонь в руках несет,
По гармонии новы песенки поет:
„Я не буду в слободе боле гулять,
Я не буду слобожаночек любить...“

55

Уж ты прялица, кокорица моя,
С горя выброшу на улицу тебя,
Стану прясть да попрядывати,
По беседушкам похаживати.
На беседе есть весельице,
Моя мила не осердится.
Моя мила по дорожке шла,
Черноброва барабан нашла,
Она била, барабанила,
Из-за лесу дружка манила,
Из-за лесу-лесу темненького,
Из-за садика зелененького.
Близко-близко перелесочки,
От милого нету весточки.
Расхорошенький Петрушенька,
Наведено лицо Васенька,
Щеголек Николаюшко.
Погуляем-ко, Алешенька,
Пока я молодешенька,
Пока цветики алешеньки.
Прихлебался мне гороховый кисель,
Приглянулся со беседы Алексей.
Нехорош кисель без маслаца,
Моя милая обманщица,
Моя мила обманула-провела,
У ворот оставила-оставила,

У ворот, у вереюшки-верей
Красных девушек постой, побереги.
Да сороковочка-бутылочка,
Да береги, милый, загривочка.
Сороковочка ничем не залита,
Моя милая никем не занята.
Уж ты, Поля, Поля, Поленька,
Отчего худа и тоненька?
Оттого худа и тоненька,
Что гуляла я молоденька.
Загуляла лет семнадцати,
Полюбила восемнадцати.
Не тонка, так не подтянешься ремнем,
Нехороша — не подкупишься рублем,
Некрасива — не навяжешься,
Замуж выйдешь — не откажешься.
Кабы знала это женское житье,
Завела бы себе драпово пальто,
Трои новые ботиночки,
Полсапожки на резиночке,
Побежала б по дорожке —
Заскрипели б быстры ножечки.
Не ходите, девки, к озеру-реке,
Не носите много колец на руке.
Я стояла среди озера,
Все колечки приморозила,
Часты дождички ударили,
Все колечки оттаяли.
Говорила Маша ротиком:
„Не ходи, милой, болотиком,
На болоте вода — грязь, вода — грязь...“
Мой-ёт миленький с тальяночкой угрыз,
Он угрыз, угрыз не очень глубоко,
Растянул гармонь-тальянку широко.
Я стояла на угорочке,
Сарафан с косой оборочкой,
Сарафанчик раздувается,
Ко мне милый приближается.
Полно, миленький, не летняя пора,
Проводи меня с парадного крыльца.
Со парадного крылечика,
Поломала все колечика.
Остается один перстень на руке,
Остается один дроля в памяти.
Полно, любушка, замуж не ходи,
Повезут меня в солдаты — проводи.
Распашу я поле все, поле все,
Расскажу я горе все, горе все.
Из колодца воду черпала,
Уронила в воду зеркало,
Уронила — не расшиблось.

Полюбила — не ошиблася,
Полюбила дролю не за красоту,
Полюбила за приятность хорошу.
Уж вы девочки-овточки,
Кашемировы кофточки,
Кашемирова рубашка по рублю,
Милый женится — второго полюблю

56

Спит тоска
На голых досках,
Что на голеньких дощечках,
На полатенках,
Кладу в зголову кручину,
По бокам тоску-печаль.
На что травку рвать,
Когда не с кем спать;
На что мылом умываться,
Когда некем любоваться;
На что платом утираться,
Когда не с кем целоваться;
На что щегольно ходить,
Когда некого любить.

57

Через поле у соседа
Собрана была беседа
Очень хороша,
Весьма пригожа.
Мне случилось итти,
Я не мог мимо пройти —
Стал да постоял,
Побеседовал.
У ворот стучать не смею —
Под окошко подходил
Со опасностью,
Да со великою.
Девки бросились в окно
Да отвечали заодно:
„С кем же ты стоишь,
Баешь-говоришь?“
Вынужден сказать „один“.
К воротичкам приходил —
Девки отперли,
Да красны встретили.
Я обмешкался маленько —
Бежит любушка скоренько,
То — моя милая,
Радость дорогая.
Я по прежней по любви
Начал шуточки шутить.

Заигрывать стал:
Девка шуток не взяла,
Парню в щеку задала:
„Что ты за дурак,
За бессовестный?
Ты проиграешь, просмеешь,
Меня взамуж не возьмешь.
Куда я пойду,
Куда побреду?“
По край речки, по край быстрой
Стоял зелен сад,
Стоял виноград.
В саду девицы гуляли,
Со травоньки цветы рвали,
Плели и венок,
Вили и другой.
Перва умница плетет,
Втора держит за цветок.
За рекой-рекой
Машет мил рукой,
Течет речка — неширочка
Через реченьку — жердочка,
Калиновый мост.
Мой миленький сторопил он,
Калин мостик подломил он
На мою беду,
На девушку.
Девушечка подбегала,
Парня за руки хватала,
Звала во лесок
На один часок:
„Пойдем, миленький, в лесочек,
Сядем под кусточек,
Когда солнышко проглянет,
На нас платице обянет —
Мы пойдем домой“.

58

Я поеду во Китай-город гуляти,
Молодой жене покупку покупати,
Закуплю я молодой жене покупку —
Самолучшую шолковую юбку.
Уж я стану молоду жену дарити:
„Принимай, молода жена, не чванься,
Уж и, сердце мое, да не ломайся“.
Молода жена подарок не примаает.
„Посмотрите-тко, добрые люди, —
Как жена меня, молодца, не любит,
Как меня молодая ненавидит“.
Я поеду во Китай-город гуляти,
Молодой жене обновку закупати,

Закупаю я молодой жене обновку,
Самолучшую шелковую плетку,
Уж я стану молоду жену учить:
„Принимай-ка, жена моя, не чванься,
Душа-сердце мое, да не ломайся“.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Как жена молода меня любит,
Душа-сердце мое — приголубит,
Во уста меня да целует.

59

Из-за лесу, из-за гор
Поднималась туча-гром.

При пев: ¹

Глянью, гляню, милой мой,
Поднималась туча—гром...
Поднималась туча—гром
Со частым мелким дождем.
Со частым мелким дождем,
Да со рассыпчатым.
Как со этого дождя
Стала улица грязна,
Стала улица грязна,
Мне пешком итти нельзя.
Я пешочком не пойду,
Себе извозчиков найду.
Извозчика не хочу,
В сани сяду — покачу.
Я не сяду с милым рядом —
Я сердита на него.
Хотя сяду с милым рядом —
Слово выговорю.
За вчерашнюю обиду
В глаза выругаю:
„Где ты ходишь, где ты бродишь,
На расписку с кем живешь?“
„Я расписку не даю,
Я кем гуляю — не скажу,
С кем гуляю — не скажу,
Кого люблю — не объявлю“.

60

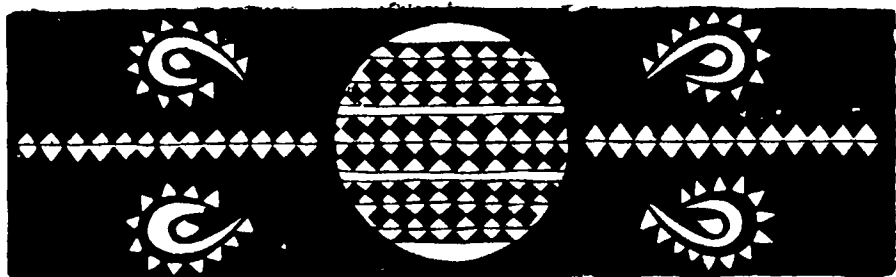
На горочке комарочков
Много уродилось,
Много-множество родилось —
Я тому дивилась.
Все припреди-пригорели
Солдатские квартиры,

¹ Повторяется после каждой двух строчек с прибавлением второй строчки.

Остается, остается
Один зелен садик,
Что во этом во садочке
Росла трава-липа,
Любил-любил мой миленький,
Хоть я невелика,
Невеличка — круглоличка —
Личиком беленька.
Что во этом во садочке
Росла трава-мята,
Любил-любил мой любезный,
Хоть я небогата,
Небогата — таровата,
С людьми вожевата.
Кланялась красна девица
Полковничку в ножки:
„Сударь, сударь-батюшка,
Да господин полковник,
Сними моего милого
С крепка караула,
Мне-ка надобно сходить
До зелена лужка,
Мне-ка надобно увидеть
Сердечного дружка.
Мне-ка надобно позвати
К себе ночевати“.

61

По лугу-лугу да разливалась вода,
По зелено да быстро реченька течет,
Во этой во струечке бела лебедь сидит,
Гребешком головушку расчесывает,
Лентой коса да перевязанная,
Золотом руса да перевиванная.
Завтра у батюшки почестен пир.
Мне-ка на пиру да не бывать будет,
Сладкого меду не кушивати,
С миленьким во садике не гуливати.
Выходила молода да за новые ворота,
Выпускала сокола из правого рукава,
Из правого, из белого, из полотняного,
На полетике соколику наказывала,
На отъезде молодцу наговаривала:
„Ты лети, лети, соколик, высоко и далеко,
Сколь высоко, сколь далеко — на родиму сторону,
На родимой сторонке грозен батюшка живет,
Он грозен, грозен, грозен, весьма немилостливый,
Он не милостливый, он не жалостливый.
Я не слушаюсь отца, да распотешу молодца.
Я за то его потешу, что один сын у отца.

62. ЧАСТУШКИ (1—38)

1

Что ты, маменька родима,
Ты—свеча неугасима.
Что ты, дитятко рожно,
Ты куда же снаряжено?
— Повезут в солдатуски
От отца от матушки,
От отца, от матушки,
От милой сударушки.

2

Я не свататься приехал
И не девок выбирать—
Меня, молодца, забрили,
Я приехал погулять.

3

Погуляем-ка, ребята,
Погуляем, молодцы,
Покуда не взяли в солдаты,
Дали волю вам отцы.

4

Рекрута-рекрутики
Ломали в поле прутики,
Они ломали-ставили
По любушке оставили

5

Ты, милашечка, не глупа,
Ты сама должна понять:
Не в леготочку записан—
Мне солдат не миновать.

6

Вы, солдатики-рекрутики,
Недолго вам гулять:
За четыре дня Николы
Будут волосы снимать.

7

Меня маменька стегала
От березки прутиком,
Мне родима говорила:
— Не гуляй с рекрутиком.

8

Через блюдце слезы льются,
Не могу чаем запить,
Увезут дружка в солдаты —
Мне вовеки не забыть.

9

Милый мой—моя утеха,
Я люблю, а ты уехал,
Ты уехал воевать,
Меня оставил горевать.

10

Мне сказали—Ваню взяли,
Чуть с ума я не сошла:
В коридоре заблудилась,
В кухню двери не нашла.

11

Плакала-поплакала,
Фартучек закапала,
Вышла в сени на мороз—
Белый фартучек замерз.

12

Золото мое колечико
Упало в молоко.
Кого любила и жалела —
Спроводила далеко.

13

Не брани меня, мамаша,
Наживешься без меня,
По лесу находишься
И голосом навоешься,
Платья настираешься,
Меня навспоминаешься.

14

Сделай, татенька, трепало,
Чтобы сердце не щипало,
Из осинової доски,
Чтобы не было тоски.

15

Маменька, отдай, отдай,
Поди, да понахваливай,
Дом худой, парень любой —
Пойду, не разговаривай.

16

Уж ты, любушка моя,
Есть платочек у меня:
Коли любишь — так отдам,
А не любишь — пополам.

17

Голубая ленточка
Упала в сине морюшко.
Не на радость полюбила —
На велико горюшко.

18

Что хотите, говорите, —
Уж я выйду за него,
Может, горя приму много,
Да милее нет его.

19

Последний год красы моей,
Красу отдам сестре своей,
Пускай сестра красуется,
Гулять интересуется.

20

Разложу тоску на камушек —
Пускай она лежит,
Подам милому телеграмму —
Не скорей ли прибежит.

21

На крылечко выходила —
Таяла земелька,
На мне сватался жених —
Не любя семейка.
Не любя така семейка:
Мама — лиходейка.

22

У милого дом высок —
Под окошками песок,
Милый ходит по песку,
Наводит девушке тоску.

23

Сделай, татенька, трепало,
Чтобы сердце не щипало,
Из осинова полена,
Чтобы сердце не болело.

24

Дом худой, худая крыша —
Ни на что обзарилась,
Всей семейке не любя,
Да молодцу понравилась.

25

Меня высушил милой
Суше травки полевой,
А я высушу его
Суше сена своего.

26

Твои глазки, твои брови
Довели нас до любви,
До любви, до конца,
Не обойдется без венца.

27

Маменька неродная,
Похлебочка холодная,
Кабы родна мать была,
Горячих щей бы налила.

28

Много лесу, много лесу,
Много вересинок,
После этого набору
Много сиротинок.

29

Уж я брошу кирпичину
Через быстрый ручеек,
Чтоб ходил ко мне миленочек
Кажинный вечерок.

30

Золото-вито колечко,
Половина олова,
У меня болит сердечко,
У милого—голова.

31

Девушки, попойте-ка,
Меня повеселите-ка,
Моего миленочка
Почаще вспомните-ка

32

Не хочу того харчу,
Который приедается,
Не хочу того любить,
Который насмехается.

33

Не кукуй, кукушка, в лесе,
Не давай грибам расти,
Не живи, милашка, здесь —
Дай подросткам подрасти.

34

Не кури, милой, цыгару—
Голова болит с угару.
Кури, милый, папиросу—
Люби девушку хорошу.

35

Трудно карюшку спускаться
Со крутого бережка,
Трудно девушке влюбляться
Не в милого паренька.

36

На Печоре рыбы много,
Нету невода ловить,
В Голубкове ребят много,
Только некого любить.

37

Нам не надо свечки сальные,
У нас лампочки горят.
Нам не надо чужих-дальних —
У нас ближние сидят.

63 (1—26)

1

На бугре стоит береза,
Под бугром течет река,
Мы при помощи колхоза
Уничтожим кулака.

2

Много дров у нас в лесу,
Много и кустарника.
Не бери пример с лентяя,
А бери с ударника.

3

Лодырь прячется в колхозе,
И с работы он бежит,
Ни работой, ни заботой
Он ничем не дорожит

4

Наш Егор лежит на печке,
Протирает кирпичи,—
Говорят, что лодырь уши
Отморозил на печи.

5

Стоит лодырь у ворот
И зеваает во весь рот,
И никто не разберет —
Где ворота и где рот.

6

Я в колхозе не была —
Сроду чаю не пила,
А в колхоз вступила —
Самовар купила.

7

Я девчонка боевая.
Нынче много таких есть,
Пришло времечко такое —
Боевым большая честь.

8

Мы зажиточными стали.
Хорошо живем сейчас.
Это ты, товарищ Сталин,
От нужды избавил нас.

9

Про Стаханова читала:
И действительно герой,
Я решила звеноводкой
Стать стахановкой самой.

10

У колхоза, у колхоза
Все, как есть, сбывается,
У колхоза счастье в гору
Возом поднимается.

11

У колхоза я на ферме
Лучшею дояркою,
Подарили мне в колхозе
Нову кофту яркую.

12

Милка фермой заправляет,
Красный орден на груди,
К такой девушке хорошей
Мне приятно подойти.

13

Я читала Ленина,
Я читала Сталина,
Что колхозная дорога
Для деревни правильна.

14

Мы с подружкой боевые,
Боевых нас только две,
Мы нигде не подкачаем —
Ни в работе, ни в гульбе.

15

Мы в колхозе живем —
Хорошая воля:
Каждый вечер до ворот
Провожает дряля.

16

Наш Егор лежит на печке —
Льется градом пот со лба,
От лежанки сто мозолей
Заработали бока.

17

Мы с миленочком сидели,
Пирог белый кушали,
Потом радио включили,
Рядышком все слушали.

18

Я люблю тебя, миленочек,
Не только за красу,
А за то, что по-стахановски
Работаешь в лесу.

19

По пятнадцать кубометров
В день стахановцы дают,
Не напрасно про героев
Песни новые поют.

20

Мы в колхозе живем,
Рождество не празднуем,
За ударную работу
Держим знамя красное.

21

Заструилася Печора,
Замутилася вода,
Рыбартели ставят рюжи
И ставные невода.

22

На окошечке цветочек
Поливаю каждый день,
Из нужды да из печали
Меня вывел трудодень.

23

Куплю Сталина портрет,
Золотую рамочку:
Вывел он меня на свет,
Бедную крестьяночку.

24

Я стояла у ворот
С милыми подружками.
Будем рыбу мы ловить
Новыми ловушками.

25

Эх, раздвинь меха, гармошка,
Звуки, мчитесь веселей,
В Красну армию дорожка
Для меня всего милей.

26

Ягодинка в Красной армии,
Платочек у него,
Ну, и пусть им утирается—
Любила я его.

27

Допризывники гуляют,
Песни новые поют,
Они на то располагают—
В Красну армию пойдут.

28

У Сережи есть пригожий
Новый синий пиджачок,
Мне всего того дороже
Вошиловский значок.

29

Высоко на самолете
Дролечку увидела,
Сбросил милый мне записку:
„Обучаюсь, милая“.

30

Ты, подружка моя,
Подружка активная,
Никогда не надоест
Работа коллективная.

31

Дроля мой — на сто процентов,
Я — на восемьдесят пять:
Номер с номером не сходится —
Не стоит и гулять.

32

Разрешите поплясать,
Разрешите топнуть,
Неужели от меня
Половицы лопнут?

33

Дайте Шурочку на улочку—
Без Шуры не пойду,
Дайте Шурочку фартового,
Которого люблю.

34

Только-только разыгралась
В щечках аленькая кровь,
Только стали завлекаться—
Развели нашу любовь.

35

Я на речку выходила,
Пел там соловейшко,
Не случайно полюбила
Комсомольца девушка.

36

Интересно расцвела
На косогоре елочка
Я — стахановка сейчас,
Комсомолец — дролечка.

37

Я не буду, девушка,
Сама себя расстраивать.
Буду с новеньким гулять,
Сердечко успокаивать.

38

Милый Вася, я снялася
В черной юбке до колен,
В белой кофточке батистовой,
В которой ты велел.

39

Дайте Пешу, дайте Пешу,
Дайте Пешенский райком,
Дайте дролю к телефону—
Секретарь райкома он.

40

Что, гармошка, не играешь,
Али тону в тебе нет?
Что ты, дроля, не встречаешь?
Али дома тебя нет?

41

Брошу розу под березу,
Розочку в корзиночку,
Я вовеки не забуду
Мово ягодиночку.

42

Гармонист какой хороший —
Сердце беспокоится.
Разрешите, гармонист,
С вами познакомиться.

43

Напишу письмо слезами,
Запечатаю тоской,
Отошлю его по почте,—
Почитают дряля мой.

44

Не письмо ли дряля пишет,
Не на почту ли кладет —
Что-то екнуло сердечко:
Видно весточка идет.

45

Ой, горяночка, горяночка,
С горы песок снесло.
Ой, гуляночки, гуляночки —
Хороше ремесло.

46

Еду-еду — лесу нету,
Срублю вересиночку,
Разве можно не любить
Такого ягодиночку?

47

Я на речку выходила,
Речка серебрилася,
За ударную работу
В милого влюбилася.

48

Я своему бригадиру
Говорила много раз:
Почему в одну бригаду
Не поставил с милым нас?

49

Дунь-ка, ветер, дунь-ка, север,
Из-за синя морюшка,
Мой-то дряля окол моря,
А мне мало горюшка.

50

Мы на Индиге-то жили
И не видели тоски,
Не будила родна матушка —
Будили нас свистки.

51

Дряля—в Индиге, я—здесь,
Ему—скука, мне—болезнь,
Написала бы записочку,
Да некому отнестъ.

52

Пароходики из Индиги
Тихохонько идут.
Нет ли весточки от дрялочки,
Скажите кто-нибудь.

53

Позвоню по телефону
В Верхне-Пешский сельсовет:
Все равно подруга знает—
Дряля дома или нет.

54

Из-под печки ветер дует,
Из-под камешка—снежок,
Я сама живу на Пеше,
А мой в городе дружок.

55

Ой вы, пешенские горы,
Ой вы, пешенски пески,
Кабы не пешенские дрялочки,
Так не было б тоски.

56

Ягодиночка, по вам
Сердце рвется пополам,
Разорвется сердце надвое—
Какая польза вам?

57

Я не буду боле
Тосковать о дряле:
Девушке молоденькой
Найдется дряля новенькой.

58

Сошью кофточку по моде,
На груди со стрелочкой.
За мной дряля ударяет,
Как лиса за белочкой.

59

Сколько ворон ни крутился—
Сел на озеро на лед.
Сколько дроля ни сердился—
Покорился наперед.

60

Это чьи такие кони—
Вороны да кареньки?
Это чьи такие дролечки—
Большой да маленький?

61

Хорошо рыбу ловить
Новыми ловушками,
Хорошо ребят любить—
Одной—не с подружками.

62

На путине-то мы жили—
Было весело нам жить,
Дроли часто к нам ходили,
Было не о чем тужить.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

64 (1—26)

1. Богатому — телята, а голому — ребята.
2. Босота — в босовичках, а нагота — в одной рубашке.
3. Голенький — „ох“, а по голеньким бьет бог.
4. В худом роду — не без уroda, а в богатом — два да три.
5. Увидали у голого олово, так показалось — красное золото.
6. У него клюкой головы-то не достанешь.
7. Богатый сладко спит, а бедный ночи в окно глядит.
8. Богатый — большие глаза.
9. Кобыла с медведем тягалась — хвост да грива осталась.
10. За кожу ума не пришьешь.
11. В лесу родился, пню молился.
12. Дождь-то дождь, да есть хошь — поезжай на ловлю.
13. В чужой лодке щука всегда большая.
14. Поповски карманы глубоки.
15. Поповские карманы — бездонна бочка.
16. Никто так не научит, как малы дети: поклонись кошке, назовешь ступу матерью.
17. Не по две морошки на ложку, одной довольно.
18. Не стеребил, да сварил, не сварил, да съел,
19. Ошибешься, так и из лодки выпадешь.
20. Горы низятся, подгорья высятся (про раскулачивание).
21. Камню не всплывать, кулакам не бывать.
22. Он в этом году — именинник (про лодыря).
23. Не люб делом — не будешь люб и телом.
24. На честь не пхайся, с чести не вались.
25. Правда краше солнца.
26. Ешь — досыта, робь — до-пота.

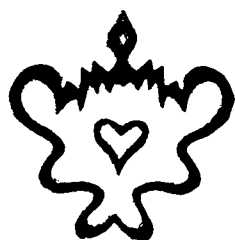
ЗАГАДКИ

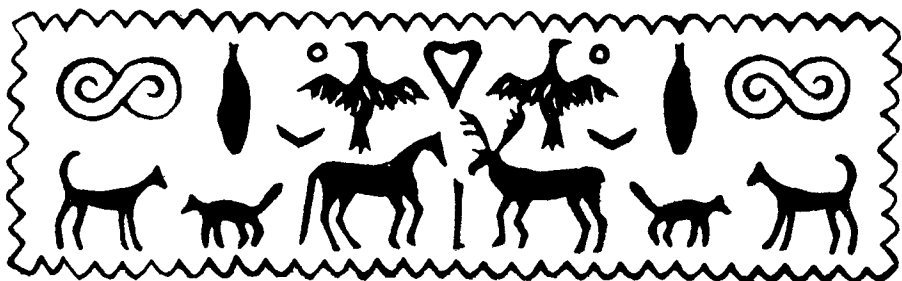
65 (1—23)

1. В Архангельске струб струбят, а на Печору щепки летят. (Письма по почте).
2. Олень бежит, хвостом вертит, у него на рогах — золоты венцы. (Безмен).
3. Два волка бежат, сами на небо глядят. (Полозья у саней).
4. Лежит красавица, лицом под лавицу. (Топор).
5. Чортова бабка, вся в заплатках, кто на нее глянет, тот заплачет. (Лук).
6. Тур стоит на бочке — прострелены бока. (Самовар).
7. Стоит клуб — семь дыр вокруг. (Голова).
8. Хай, да махай, да в дырку пихай, хачи, да мачи, да на край волочи. (В проруби белье полощут).
9. Под кустом, под ярустом, лежит кафтан укладистой. (Медведь).
10. Щука — в море, хвост — на угоре. (Ковш).
11. На море дощечка не сохнет, не мокнет, не куржевеет. (Язык).
12. Под лесом-лесом колеса виснут. (Сережки в ушах).
13. Ел-ел барашек и в ясли вскочил. (Нож и ножны).
14. Днем выше коня, а ночью — ниже кота. (Дуга).
15. По полу — скок, по лавке — скок, сядет в уголок — не ворохнется. (Веник).
16. Пять-пять овечек зарод подъедают, другие пять овечек труху подбирают. (Пальцы пряжи).
17. Полон дворец белых овец. (Зубы).
18. Город дырывает, люди говорят, не выйдут никак. (Рыба в сетке).
19. Бездонная бочка полна мясом. (Кольцо на пальце).
20. Я шла по апты-пты, встретился малахты-хты, кабы не ухты-хты, так я жива бы не была. (Шла по глине — „няше“, встретился медведь, спасла собака).
21. Пашу я, выпашу чистое поле, нагоню я, нагоню белых лебедей. (Хлебы в печи).
22. Заря-заряница, красна девица, по лугу ходила, ключи обронила, месяц видел, солнце скрыло. (Роса).
23. Стоят вилы, на вилах — грабли, на граблях — шатун, над шатуном — вертун, над вертуном — ревун, над ревуном — зипун, над зипуном — глядун, над глядуном — роща, над рощей — поле, а над полем — дремучий лес. (Человек: ноги, руки, туловище, шея, рот, нос, глаза, брови, лоб, волосы).

СКАЗКИ
И
РАССКАЗЫ

66. Голь-Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких без числа

Жил-был бродяга. Надоело ему жить голодом да холодком.

— Дай,—говорит,—я скинуся: не могу ли я чего выпытать.

Скинул он с себя всю одежду догола и сел под куст. Прилетят овода да комары, ужигнут его, а он хлопнет ладонью, бьет и в кучку кладет — оводов и комаров.

Клал-клал, убивал, и дивно много стало. Вздумал сосчитать их. Сосчитал—тридцать три овода, а комаров кучи-кучами нагребил — не сосчитать.

— Нонче я,—говорит,—не стану больше убивать. Мне,—говорит,—довольно. И еще говорит:— Докуле я буду голоду-холоду принимать. Пойду искать—не найду ли что — смерть или счастье.

Надел бродяга маличишку (малицу) худящу, взял с собой ремки-половички да мешочки, шестиков сколько ли, клячу худу да косу стару.

— Богатыри-то,—говорит,—шатры ставили белополотняны, а я хоть рогозенка да мешчонка поставлю,—не могу ли кого оплести.

И отправился он, поехал. Видит—стоит город. И стоит столб. Взял он дощечку, на дощечке написал:

„Проехал мимо города богатырь Голь-Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких без числа“.

Прибил он эту дощечку к столбу. Поехал тихонько на хромой лошаденке. А мимо столба едет настоящий богатырь. Подъехал к столбу и читает на дощечке:

„Проехал мимо город богатырь Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких без числа“.

Настиг он бродягу и ревет:

— Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких без числа,—возьми меня с собой во товарищи!

А тот отвечает:

— Волокись сзади.

Второй богатырь едет — тоже читает и думает: „Что это такое? Мы богатыри, а он видно еще выше нас богатырь“.

Поехал догонять, кричит:

— Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких — без числа, — возьми меня с собой во товарищи.

— А давай, волокись сзади, — отвечает тот.

Вот они долго ли ехали, коротко ли ехали, подъезжают, куда надо. Богатыри стали ставить шатры белополотняны, а он — розенной да мешочной какой ли.

Богатыри и говорят:

— Куда ты, Голь Гольянской, такой шатер ставишь? Иди к нам.

— Зачем к вам? Я хоть в худом да в своем.

Потом и говорит Голь Гольянской:

— Ну-ка, давайте, ребятушки, идите в царство, сватайтесь за меня к царице Екатерине. Говорите ей так: „Сватается Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких без числа. Пойдет — дак беру, а не пойдет — тройку лошадей богатырских и три кареты денег“.

Пошел один богатырь к Екатерине и говорит:

— Сватается Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких — без числа. Хочет тебя замуж взять. Пойдешь — так берет, а не пойдешь — тройку лошадей богатырских и три кареты денег давай.

Она и отвечает:

Я замуж не пойду, и денег не дам, и лошадей не дам. Выезжат пускай на поле: у него — богатыри, а у меня есть всем богатырям богатырь — дядюшка на закрепу.

Пришел богатырь обратно.

— Что сказала Екатерина?

— Не идет за тебя замуж и ничего не дает, а зовет на поле на рукопашку.

Вот он и посылат:

— Которой ли вы поезжайте.

Поехал один богатырь на поле, убил Екатериного богатыря, голову привез. А Голь Гольянской смеется:

— Глупой ты человек! Я тридцать три богатыря убил, а ни одной головы с поля не привозил. Для чего ты привез?

— А чтобы ты поверил.

— Ну, идите, нонче сватайтесь. Не пойдет — просите то же самое: тройку лошадей да три кареты денег.

Другой богатырь пошел свататься. К Екатерине долаживаться стал: так и так, мол. Сватается Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких без числа. Хочет тебя замуж взять. Пойдешь — так берет, а не пойдешь — тройку лошадей богатырских и три кареты денег давай.

Она снова говорит:

— Не пойду я замуж, и денег не дам, и лошадей не дам. Выезжает пускай на поле: у него богатыри, а у меня есть всем богатырям богатырь, — дядюшка на закрепу.

Вернулся богатырь ни с чем. Рассказал, как и что. А Голь Гольянской и говорит ему:

— Съезди теперь на поле ты, что ли.

Съездил богатырь, убил царицыного богатыря и голову привез. А Голь Гольянской опять смеется:

— Глупой ты человек! Сам не глупой, а глупо делаешь. Я — сколько богатырей убил, а голову не привозил никогда, все на поле оставлял. Ну, идите, — говорит, — снова к царице. Нынче, быть может, она и согласится.

Пошел первой богатырь со старой докукой. Царица разгорячилась.

— Все равно, — говорит, — не пойду замуж. Это не важно, что два богатыря у меня избыло. У меня есть всем богатырям богатырь — дядюшка на закрепу. Пускай Голь Гольянской выезжает на поле.

Ушел сват.

Она готовит богатыря на поле — своего дядюшку — и говорит:

— Ну, — говорит, — дяденька. Были наши богатыри все на славу, а нынче наших богатырей убивать стали. Видно какой-то богатырь приехал не простой, а с какими ли приметам. А вот ты, дяденька, так доспей: что он будет делать, то и ты делай. Наверно, так лучше победишь.

Вот она и отправила своего дядюшку.

А Голь Гольянской говорит своим богатырям:

— Ну, деточки, нынче мой черед пришел, поеду я сам — Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких — без числа.

— Куда ты, — говорят богатыри, — на своей кляче поедешь? Бери наших коней.

— Нет, — говорит, — у меня лошадка хоть худа, да своя.

— Бери наши сабли, — говорят они.

А тот сам себя избыть хочет.

— Нет, — говорит, — у меня хоть худа, да своя.

И берет вместо сабли косу-горбушу.

Поехал. Едет и видит: выезжает на поле лошадь Екатерининного богатыря. Видит и говорит сам себе:

— Докуль я стану мотаться-то. Жизнь голодная наскучила. Пускай уж поскорей убьет меня. Давай я себе и лошади завяжу глаза, — не так страшно помирать.

Так и сделал. А богатырь тот наехал и испугался. Думает: „Так видно наших-то богатырей и убивают. Давай-ко, я то же сделаю. Завяжу глаза себе и коню. Поеду так, — быват, скорей убью“.

Завязал богатырь глаза у лошади и у себя. А Голь Гольянской думает:

„Почему он меня так долго не убивает? Ведь близко был“.

Открыл он немножко свой глаз и видит, что глаза у богатыря завязаны и у коня тоже. Взял он тогда косёнку, тихонько подъ-

ехал и хочет—как бы ловчей мазнуть. Взял и мазнул косою сзади. Попало, видно, дородно, по-дельному: голова у настоящего богатыря отлетела.

Сел тогда Голь Гольянской на богатырского коня, свою лошадь хрому оставил, поехал к себе и думает:

— Был я ни с чем, а нынче стал со всем. Нынче, что ли, да будет: сама замуж не пойдет, дак денег даст.

Приехал, смеется над богатырями:

— Вот вы, богатыри, головы с поля возите, а я опять там оставил. Лошаденку тоже оставил—худа была.

Снова посылает богатырей свататься:

— Сватайтесь, как раньше. Говорите, что сватается Голь Гольянской, сын крестьянской. Пойдет, дак берет, а не пойдет, дак тройку лошадей богатырских и три кареты денег.

Пошли богатыри вдвоем свататься.

— Все равно,—говорит Екатерина,—не пойду. Отдаю тройку лошадей и три кареты денег, а сама не пойду.

Отдала она тройку лошадей и три кареты денег. А Голь Гольянской и говорит:

— Давайте нынче делить. Не пошла — и не надо. Нам и деньги хорошо.

По второй лошади богатырской взяли, деньги разделили и разъехались по местам, по своим деревням.

Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря и мелких — без числа, стал за теми деньгами жить да быть, лиха избывать да добра наживать.

67. Про нужду

Жили два брата. Бедной да богатой. У богатого-то брата гостьба была. Бедного-то брата он и не пригласил. Брат-то зашел и говорит:

— Братец, подай мне винца-то хоть рюмочку.

А брат богатой ответил:

— А в катцы (бочке) много, брат: хошь воды, так выпей.

Вот бедной брат выпил и вон пошел. Пошел да и запел дорогой песню какую-то. Поет и слышит, что сзади кто-то подпевает. Оглянулся,—никого нет. Мужик спрашивает:

— Кто говорит-поет?

И слышит в ответ:

— Я.

— А ты кто?

— Нужда я.

— А, нужда. Так я ведь умру.

— И я с тобой умру.

— Умрешь? Ну, так я сегодня же умру.

Вот пришел бедной мужик домой, стал гроб робить. Вот строил гроб и говорит:

— Ну, нужда, теперь я поеду на кладбище, могилу вырою. Поедешь со мной?

— Поеду,—говорит нужда.

Вот приехал он с нуждой на кладбище. И гроб привез.

— Ну,—говорит,—ты где, нужда? Я ведь буду в гроб ложиться.

— Здесь я,—говорит нужда.

— Ты что, нужда, ляжешь в гроб?

— Лягу,—говорит нужда.

Вот и легли оба.

— Ой, нужда,—говорит мужик,—ты побудь тут, а я выйду по гвоздью, забыл заколотиться.

Сходил мужик за гвоздем, пришел и спрашивает:

— Ну, ты где?

— В гробу,—отвечает та.

Мужик взял да крышку-то и захлопнул. Захлопнул и гвоздем заколотил. Заколотил и землей зарыл. Зарыл и домой ушел.

Вот и ему дома стало хорошо житься. Стал он богатеть. Богатеть стал—гоститься стал. Гостьбу собрал, брата богатого пригласил. Богатый брат подлез к нему и спрашивает:

— Ты как это, брат, разбогател-то?

— А помнишь, брат, у тебя гостьба-то была? Попросил я у тебя рюмочку винца, а ты мне велел воды из кадки выпить. Вот тогда я пошел да нужду-то и закопал. Вот мне, братушко, и житья хорошо стало.

— Куда ты ее закопал?

Рассказал ему брат: в тако-то место.

Пошел богатый брат с гостьбы и говорит:

— Пойду, выкопаю нужду, пусть опять к нему зайдет.

Вот и выкопал. Сам и говорит:

— Нужда,—говорит,—ты жива ли?

— Жива-а-а-а,—едва пищит нужда.

— Ну, так вот,—говорит,—я тебя выкопал, так ты, нужда, поди обратно к бедному-то брату.

— Ну-у-у,—говорит нужда,—нет, не пойду к нему. Я—к тебе. Он меня закопал, а ты выкопал. А то он снова меня закопает.

Уцепилась нужда за богатого брата, села ему на меж-крыльцы да тут и осталась.

Обеднел богатый мужик.

68. Про попа и Евлашку

Жил-был поп. Пошел осенью в лес за грибами и заблудился. Бродил-бродил и набрел на медведицу. Медведица поймала его, не отпускает, к себе тянет. В берлоге затащила. Стали жить с медведицей в берлоге. Медведица лапу сосет и попу дает. Зиму так прожили.

Весной медведица сына родила. Совсем человек, только уши медвежьи. Дали ему имя Евлашка, по прозвищу — Медвежье Ушко.

Медведица по лесу ходит, ягоды сырые да жолуди собирает—питается. А попу да Евлашке есть совсем нечего. Сговорились они от медведицы убежать в деревню, где поп жил.

Когда медведицы дома не было—убежали. Пришла медведица к берлоге—нет попа и Евлашки. Догонять их побежала. Догнала.

Попа обратно в лес утащила. Тогда Евлашка схватил медведицу за уши, хлопнул о землю, она из своей кожи вылетела. Евлашка голый был, шкуру медведицы на себя надел и пошел с попом деревню искать.

Сколько ли ходили, в свое селенье вышли. Попадья попа уж ждате перестала. А как увидала — обрадовалась.

— Откуда ты взялся, батюшка? А с тобой-то кто еще?

— Это работника я нанял, — говорит поп.

Поп сам в новое платье оделся, Евлашке тоже одежду дал, а потом есть стали.

Евлашка сразу двенадцать чашек щей да шесть караваев хлеба съел. Ночь прошла. Наутро пахать поехали. Лошадку запрягли. Немного попахали, лошадь ходить не стала. Тогда Евлашка сам стал соху таскать вместо лошади. А поп за сохой ходит. Земли у попа много. Все вспахали. Поп устал очень. Зовет Евлашку домой, а Евлашка говорит:

— Рядом-то чья земля?

— Дьяконова, — говорит поп.

А Евлашка говорит:

— Давай, заодно и дьякону вспашем.

У дьякона земли немало было. Все вспахали. У попа ноги дрожат, руки трясутся, чуть-чуть за соху держится.

А Евлашка говорит:

— Рядом-то чья земля?

— Дьячкова.

— Ну, давай, заодно и эту вспашем.

Поп взмолился, домой уговаривает ехать. А Евлашка таскает да таскает соху, не останавливается.

У дьячка земли немало было, — все вспахали.

— А это чья земля, за межей-то?

— Крестьянская.

— Ну, заодно и это вспашем.

Поп чуть-чуть на ногах держится. Устал. Домой просится. А Евлашка таскает да таскает соху. У крестьян земли немного было, быстро перепахали. Всю пашню в один раз перепахали.

Домой приехали. Попадья спрашивает:

— Что поздно, батюшка?

— Евлашка лошадь бросил, сам соху таскал. Свое вспахали, дьяконово, дьячково, да и крестьянское, — говорит поп, а сам чуть не плачет.

Попадья и говорит попу:

— Такого работника надо сбыть куда-нибудь. Он нас совсем замучит.

— А куда девать?

— Пошлем за реку, там медведь ходит. Теленок у нас девался куда-то, пусть найдет. Может, медведь его слопает.

Так и сделали. Послали Евлашку за реку.

Пошел Евлашка за реку, там медведя встретил, думал, что это — теленок.

Поймал его и домой потащил. Медведь упрямится, ногами упирается, а Евлашка тянет, на земле две борозды делаются.

Притащил на двор поповский, спрашивает:

— Куда теленка-то, матушка?

Испугалась попадья, кричит:

— Тащи в стаю.

— Батюшка, он ведь медведя домой притащил.

Стали вновь придумывать, как Евлашку с рук сбыть. Страшно обоим,—заест еще. Решили послать на мельницу — деньги с мельника получить. А мельником там чорт был. Наутро поп говорит Евлашке:

— Пойди, сходи на мельницу. Мельник три года муку мелет, все не отдает. Пусть хлеб отдаст, или денег рублей триста получи.

Пошел Евлашка на мельницу. Подошел к мельнице, а чорт навстречу выходит.

— Давно я не обедал, обед хороший пришел.

— Какой тебе обед? Отдай хлеб или деньги, которые у попа взял.

Чорт не отдает. Долго спорили. Не отдает чорт ничего. Тогда Евлашка схватил чорта:

— Пойдем тогда сам к попу. Сами, как хотите, рассчитывайтесь.—Притащил чорта за рога домой. Спрашивает попа:—Куда чорта девать? Он ни денег, ни хлеба не отдает.

— Тащи в стаю, там разберемся.

Бросил Евлашка чорта в стаю к медведю. Медведь да чорт недолго смирно сидели. Драку затеяли. Гром на весь дом. Евлашка разгоняет их. Они все дерутся. А потом одного в хлев, а другого в овечник запер. Там коровы да овцы были. Там опять возня поднялась. Медведь коров дерет, а чорт овец гоняет.

Поп с попадьею в страхе. Послали Евлашку порядок навести в хлеве да в овечнике. Прибежал Евлашка в хлев. Давай медведя бить, а затем хватил его об угол — убил.

Стал с чортом расправляться. И чорта убил.

„Что теперь делать с ним будем? Чорта убил, медведя убил. Этак и нас убьет“, — думают поп с попадьею.

В эти времена у царя дочь взбесилась. Каждый день человека съедает. Дьявол в нее зашел. Царь народ кличет.

— Кто с моей дочкой ночь проспит, дам тому полжитья, полимения. А после — на царство.

Поп с попадьею сговорились Евлашку послать.

Пришли из города солдаты, Евлашку к царю требуют. Евлашка пошел. На ночь Евлашку к царевне в комнату заперли. Заря замкнулась. Чорт в эту комнату пришел.

— А кто это к моей девке пришел? Ладно. Сытно я пообедаю. Обед хороший будет.

Евлашка с собой три колоды карт игральные принес, молоток да щипцы приготовил. Евлашка говорит чорту:

— Я не ссориться пришел. Давай в карты играть. Кто проиграет, тому в бок — щипок, в лоб — щелчок.

Чорт охотник до карт был. Согласился. Играли-играли, Евлашка чорта обыграл. Схватил молоток, по лбу чорта хлопнул, — глаза выскочили, в бок щипцами щипнул, — кишки вытащил.

Утром приходят смотреть. Молитвы за упокой читают. Открыли двери. А Евлашка жив и здоров, с царевной обнимается.

Царя известили. Царь обрадовался,— дочку вылечили. Повели Евлашку в царские палаты.

Тут не пиво варить, не вино курить, веселым пирком да и за свадьбу. Я тут был, пиво пил, пиво тепло, по усу текло, в рот не попало. Евлашка на царевне женился, полцарства получил, а царь умер — на царство сел.

Так поп с попадьею сбыли Евлашку Медвежье Ушко.

69. Поп-мужик

Шел мужик по дороге. Нашел попову шляпу. Надел. Посмотрел в дождеву лужу вместо зеркала.

— О-хо,—говорит,—я вроде и настоящий поп. Зайду,—говорит,—в этот приход. Тут нет попа. Бывают, меня и возьмут.

Приходит.

— А что, крестьяне,—говорит,—вы нуждаетесь попом? Возьмите меня в попы.

— Ну,—говорят,—можешь служить, так отчего не возьмем.

— А платой как?

— Хорошо станешь служить, дак и платой не заобидим.

Пошли крестьяне в церковь отведывать нового попа службу. Зашел он в алтарь, надел ризу, вынул книгу, положил на набой и стал читать нараспев:

— Господу помолимся, господи помилуй. Миряне,—говорит,—миряне, знаете ли эту книгу?

— Знаем, батюшко, знаем,—отвечают.

— Знаете,—дак нечего и читать,—нараспев отвечает поп.

Второй день снова спрашивает:

— Миряне, миряне, знаете ли эту книгу?

Миряне смекнули и говорят в голос:

— Не знаем, не знаем, батюшко.

— А не знаете,—отвечает поп,—дак закрывайте окна и двери на три недели. Теперя начнется служба. Служить порато не умею, а панифидку сейчас откатаю.

Один говорит: „Вот беда, пойду домой“. Другой говорит: „Тоже пойду“. Так один за другим все и вышли. Шим-шим, да все и разошлись.

70. Вор и богомольщик

Забрался вор в покой, ну, и дожидает времени. Пришел хозяин. Стал богу молиться. Прочитал назначены себе молитвы и говорит:

— Господи, очисти меня, грешного.

А вор ходит в другой комнате, собирает, что поценней, и отвечает:

— Очищу, очищу.

А хозяин думает, что это бог говорит, и еще усердней стал молиться:

— Господи, жену мою очисти.

— Очищу, очищу!

— Господи, детей моих очисти.

— Очищу, очищу!
Хозяину нейдет—все больше пристаёт:
— Господи, тещу мою очисти.
— Ну, нет,—говорит тогда вор,—уж некогда, светло стало.
Дверями хлопнул и ушел. Кинулся хозяин и видит: и он, и жема,
и дети—все очищены, никаких драгоценностей не осталось.

71. Небылая небылица

Были-жили три брата. Пошли в лес дрова рубить. Огня взять забыли. Увидели—за речкой огонь горит. Одного брата послали за огнем.

Сидит чортушка за речкой, огонь жжет. Пришел брат и говорит ему:

— Дай, дедушка, огня.

А чорт отвечает:

— Скажи небылую небылицу,—дам огня. Только уговор: не тпрукать, не нукать, не пресекать. Тпрукнешь-нукнешь—из спины пряжку, из шеи ремень да головней шею натереть и домой послать.

Брат и говорит:

— Жили-были три брата. Пошли в лес дрова рубить. Да огня взять забыли.

Чорт говорит:

— Это было.

Схватил брата, из спины—пряжку, из шеи ремень вырезал, головней шею натер и домой послал. Огня не дал. Пришел брат к братьям ни с чем. Рассказал все, как было.

Другой брат пошел у чорта огня просить.

Чорт опять ему говорит:

— Расскажи небылую небылицу,—дам огня. Только уговор: не тпрукать, не нукать, не пресекать. Тпрукнешь-нукнешь—из спины пряжку, из шеи ремешок, головней шею натереть и домой послать.

Стал брат сказывать небылую небылицу.

„Жили-были сорок братьев. Поехали на сорокопегой кобыле отца крестить. Отца на сани повалили, сами сели и поехали. Ехали-ехали, до города не доехали. На дороге речка,—кобыла не идет. Стегнули ее. Кобыла бросилась да и пополам перервалась. Что делать с кобылой? Взяли, сшили да насквозь колом осиновым проткнули, опять поехали.

„Ехали-ехали, в город приехали. Отца окрестили. Услышали, что за морем скот дешевый. „Убьешь мушку—дают телушку, убьешь комарика—дают коровушку, убьешь овода—дают большого кормленого быка“. Набил я мух, комаров, оводов полную корзинку и понес за море. Где бежал, где ехал. За море пришел. Вижу—скотом торгуют. Открыл корзину, покупателей полно набежало. Стал я менять. Менял-менял—стадо большое скота навыменивал. Вес свой товар израсходовал.

„Погнал стадо домой. Бежал-бежал—к морю пришел. Перевезти не на чем. Взял одну небольшую скотинку, махал, махал, размахнулся и бросил. Она за море перелетела. Так всех по порядку

перекидал. Остался один большой-пребольшой бык. Взял его за хвост, хвост вокруг руки обернул, стал махать. Махал, махал — бросил и сам зацепился. Так вместе с ним за море перелетел.

„Бить скот стал. Бью, шкуры сдираю, в кучу кладу“.

Чорт все слушает. Не тпрукает, не нукает, не перебивает. Брат дальше говорит:

„Наложил кучу большую — до неба. Увидел на небе — небесная сила босиком ходит. Полез на небо. Зашел на небо и шкуры туда стаскал. Мелким божкам всем по сапожкам, а большому богу нехватило — ему котики сшил. Пришел по небу на старое место, где дыра была, а шкуры-то нет. Как, думаю, на землю спуститься? Ходил-ходил по небу. Вижу — баба на земле печь затопила. Дым пошел. Дыму нахватал, тетивку свил и по ней спускаться стал. Тетивки до земли нехватило, еще дыму наймал. Но тетивка тонкая была, оборвалась, а я в болото упал, — только голова видна.“

„Лежу. Весной лебедь прилетел, гнездо на голове свил, яйца посадил. К гнезду лебедя медведь повадился ходить. Я один раз ему за лапу поймался, он меня дернул“.

В это время брат чорта за волосы поймал и дернул. Но чорт все сидит, молчит, слушает, не тпрукает, не нукает, не перебивает. Брат дальше рассказывает:

„Из яиц лебедята вывелись. Подросли. Стали полетывать. Как поднимутся, так и меня поднимут“.

А сам в это время чорта за волосы да за бороду схватил, поднял и стал трясти. Чорту больно стало, он закричал:

— Ой-ой, что ты меня за волосы дерешь!

Тут брат и взял его:

— Зачем перебил меня? Уговор помнишь: не тпрукать, не нукать, не перебивать. Кто перебьет — тому из спины пряжка, из шеи ремень, головней шею натереть.

Чорту нечего делать. Брат ему из спины пряжку, из шеи ремень вырезал, головней шею натер и оставил. А сам огонь взял и к братьям пошел.

72. Горе

Не одна я так жила, — в горе, во слезах, как в море. Недаром у нас и песня сложена:

Я от горяшка бегом,
Горе — все передом,
Я от горя в горницу,
Горе — сквозь оконницу.
Я от горя в темный лес,
Горе в пазуху залез,
Я от горя в сине море,
Горе в лодочке гребет.

От горя да от нужды некуда было убежать. Горе да нужда все время кругом меня обертывались, как два коршуна над головой. Куда ни пойди, а они там сидят. Пойду под полог, а нужда там забралась в уголок. Пойду за рыбой в море, а там сидит горе. И никак их не избудешь, ни конем не объедешь, ни соколом не обетишь. Оттого и жизнь-то бельмом в глазу казалась. Отец

от чердынцев ходил на-покруту, кормщиком за полпая; ну, и я, на него глядя, с чужими людьми на двенадцатом году за пятую часть пая пошла. Боева в работе я была, руки не весила, вот люди меня и брали.

Только надошло семнадцать лет — замуж отдали. Родители задумали при своих глазах ухо прикутать.

Муж один был у отца-то, одинок на войну не брали, на это и позарились.

Свекор попался крутой и свирепой, гордой и спесивой, грубой и сердитой, злой и ехидной, не тихой и не смирной, неласковой и неприятливой. Невзлюбил он меня, как чужу собаку. Допекал он меня на каждом шагу и бил. На сына шипели:

— Счастливой парень на бесчестну девку робит.

Расколоть нас с мужем хотели, ему наговаривали и мне шептали, чтобы ушла от них. Не могли расколоть. Сколько ни измывался свекор, я терпела.

Но вот однажды свекор и говорит:

— Убирайтесь из дому, вам ни хлеба, ни дела нету.

Выжил старик из дому, выбросил наши ремки на улицу и нас выгнал.

На прощанье муж и пал в ноги отцу.

— Татка, дай благословенье да мешок муки.

— Уходи, — рычит старик, — а то рассол пушу из носу.

Ушли. Дядя пустил на подворье. Вот мы и зажили. Бедно жили.

Век прожить — не поле перейти, — говорят люди. Правда, век проживешь — всячиныхватишь — и скуки, и муки, студы и нужи, голоду и холоду, наготы и босоты.

А главное дело — тут и там горе ходит по пятам. Нажили коровку, — коровка пропала, добыли лошадку — она сдохла, домик поставили — мужа на германскую войну угнали. Не обуты, не одеты, голы да босы, оборваны да ободраны, в тряпках да в ремках ходили и мы и дети, а нажить было недоступно. Досыта не доедала, докрепка не досыпала и богатства не видала. Девять детенышев я растила. Каждый раз на стол девять кусков положить надо. Жили мы захаяны да заграены.

Свекор за это время ни грошом не помог. Корову нам продал — обратно взял. Коня мы у его купили; муж на путину ушел и мне сказал: почиту на лошади вози и детей корми. Так свекор не мог вытерпеть: как-то ночью взял, открыл стаю и выпустил коня на волю. А потом говорит: „Не считайте своим. Вы будете деньги зарабатывать, а я смотреть, что ли, буду?“

А ведь он в то время у нас на подворьи жил: свой-то дом продал за долгохвосты белогвардейски деньги, а они прахом пошли, вот он и пришел к своим нелюбим, сыну да снохе. За добро слово, за ласковы разговоры, за сердечну его жалость, за велики ихны капиталы приютили мы свекра с свекровью и кормили до самой смерти. Потом старика паралич разбил, год убогим лежал. Не день, не два лежал, а год круговой, а я — худа невестка — поднимала его да валила, обирала и прибирала, мыла и стирала, поила и кормила. Нужда привела, дак и худа невестка стала им мила да лсба. Тем же носом да в ту же грязь. Здорово жизнь нас

мучила. Все по закладам разметим, да и в заклад нечего нести. Как-то сетку-омулевку связали, летом думали рыбку добывать, а перед самой путиной пришлось в заклад нести. Через буржуев-кулаков много слез я пролила. Старая жизнь нам ноги вязала и путала, старая жизнь научила нас плакать, да не просто плакать, а впроголодь, с надрывом. С богатым трудно было бороться. Чего бы захотели богачи — силы ли, мочи ли, все возьмут, а бедняк как жирного обьелся: останется непричем, торговать кирпичом. Богач бедного хоть как да пересилит, переможет, обдует, ночная кукушка денную перекукует. Вот как было.

Дочери подрастать стали — в няньки к оксинским кулакам Сумароковым пошли. Заробили они — грош без алтына. Приехала я как-то к кулаку — „Иван Александрович! дай мяса за работу-то“. Знаю, что у него мясо мезенками стоит.

— Нету, — говорит хозяин.

А я умом заплывчива, сердцем взрывчива, в щеках несдержима:

— А кабы, — говорю, — у вас и не было, да бывает и не будет. Не все в море — будешь в горе. Будешь у наших лавок купить булавок.

„Ладно, — думаю, — видно с горя мне убиться, мне-ка хлебушка лишиться“. А он всей нашей голытьбе был не по носу: в тот же год его и раскулачили.

Вот какую я жизнь прожила. Такую жизнь не пожелаешь и ворогу. Жизнь! Чтобы ее дымом да мороком унесло, чтобы она нам во сне не приснилась, чтобы о ней роды и прароды наши не слыхали!

Хорошей жизни я только при товарище Сталинехватила, а раньше такая жизнь была, что я только ждала, чтобы зарыли меня в матушку-сыру-землю, прикрыли гробовой доской, призарили мелким желтым песком.

Теперь я живу, как цветочки аленьки. За хорошую жизнь схватилась — плохая отступилась, горе уехало, отпехалось. Нужда от меня оторвалась. Да и все теперь зажили, всю голытьбу позабыли. Беспечально пошло теперь житье. Едим сыто, ходим щегольно, гуляем весело, работаем в колхозе охотно. Сталин сказал слово, а вышло дело. И за это все мы товарища Сталина обожаем и любим. Не у одной у меня жизнь-то переменялась. Вон возьми соседку Мавру Михайловну Торопову. Раньше она тоже была сбита да закрыта, а в колхоз пришла у всех на виду. Сейчас она в колхозном правлении. И в прошлые выборы и сейчас в членах избирательной комиссии ходит. Мавра вдова, а ребятишек много. Прежде она сама пропала бы, сирот разметала бы, а сейчас ей, как и мне, товарищ Сталин пособие на многосемейность дает. Вот какую леготу дала нам советская власть и товарищ Сталин. Жалко только, что годы ушли. Кабы молода была, дак я сейчас бы всем, чем могла, дубом и ломом и топором свое колхозно счастье крепила.

Ведь только при колхозах мы во весь голос песни запели. У нас деревенька маленькая, а песни петь удаленька. Уж на что я, старуха, а и то свою песню придумала. Ты послушай:

Прежде жизнь была весела
По печорским нашим селам:

Один скачет, ручкой машет,
Второй песенки поет,
Среди голытьбы нашей
Сотня голосом ревет.
Жили в сытости, в довольстве,—
Пили сахар, носили бархат,
Сладкой мед — горстью в рот—
Для печорских кулаков,
Для попов и для дьяков.
Попы в села приезжали,
Изо рта кус отрывали,
Во карманы себе клали,
Всем попам по серьгам
И по белым рукавам.
Попу, попадье и поповой дочке:
Поповские карманы — бездонна бочка.
Ну, а мы при Николашке
Небогато кушали—
Пепельные коровашки,
В сутки по утке
Да в день ни разу.
А богаты мужики,
Деревенски кулаки
Нашего брата
Любили порато:
Край огня —
Дак в огонь толкнут,
Край воды —
Дак в воду спихнут.
Край ножа—
Дак на нож возьмут.
Плохи кулаки,
Тихи, да воньки.
Они пьют да гуляют,
А нас бьют да гоняют.
Я умом была заплывчива,
Ретивым сердцем зарывчива
В щеках не сдержима,
Хошь гола да смела,
Была — не была,
Скажу крепче — уму легче.
Кулаку не ужогу,
А не вытерплю — скажу:
„Твои очи завидущи,
Твои руки загребущи,
Чтоб те волком быть
И собакой лаять.
Не радуйся — нашел,
И не плачь—потерял:
Зайдет солнышко
И на наши задворки

Не все море, будешь в горе,
Будешь у наших лавок
Купить булавок...“
Сказала на глум,
А взяла на ум
Подумала еле,
А вышло на деле:
Наши враги — печорски кулаки —
Они были да и сплыли,
Часты дождички ударили,
Ихни следочки затаяли,
Камень вслед,
Да и брызги сверх.
Камню не всплывать —
Кулакам не бывать.
А мы стали жить
Да поживать,
Лихо забывать
Да добра наживать,
Сыто поедать,
Щегольно ходить,
Весело гулять,
Советску власть прославлять,
Товарища Сталина величать.

Вот моя песня. Эта песня про мою жизнь.

73. Моя жизнь

Вот что, сухотник: хотела бы я имя Сталина прославить. Пиши. Прежде жадность была у богачей. Об нас, об нищете — бедноте не думали. А таких, как я, увечных-нечеловечных, кто в великом нездоровье, не в людском-то да поведенье, — и вовсе за людей не считали. Богачи и не думали о нас тужить, что мы голодны сидим. Пошла просить — с крыльца бы столкнули. Пусть тогда я и здорова была, — да никто обо мне и не думал. А если бы так я села в ту пору, как теперь сижу, дак кто бы меня кормил? А нынче инвалидов на пенсию всех посадили. Раньше этого не было? Не было.

Плохо я жила раньше.

Вот я сидела бедна, несчастна
Бессчастлива, бедна, злосчастлива
Я сидела да думу думала,
Свои мысли я раскладывала.
Всяковато я жила:
На промысле мне доставалось
Тяжелым-то тяжелехонько.
Не одной мне доставалось,
Не одной мне, а всем женщинам,
Были руки до мозолей смозолены,
Были ноги сбиты до крови.
Нонешно-то время все устроено,

Все устроено да налажено.
Легота одна направлена,
Поедут нынче — не гребут,
Руки - ноги — не смозолят.

Сам видел, сухотник, какая нынче легота женщинам! Вчера сели в лодки и запели песенки. Подошел моторчик и повез. Не надо мучиться лодками да ветками. Лодка с кладью идет, а сами на моторе сидят. Не бьют веслами с прискоком. Не то, что прежде.

Да и мое горе возьми. Я сколько ни размышляю про великое свое нездоровье, а только горюшком ничего не сделаешь. И кладу в голову мысли, что теперь обо мне забота есть. Я нашла людей добрых, добрых да ученых, умных да разумных. Они стоят обо мне, несчастной, взяли меня на пенсию, поят, кормят.

Эти добрые люди — советская власть. Успокоила она меня, не брлит моя буйная головушка, успокоила мое ретиво сердце!

И в том благодарю всю советскую власть, славлю имя Ленина, имя Сталина Иосифа Виссарионовича. От него это все идет. Кабы не заботился, да не распорядился, бывает никто бы обо мне не скомнул и не вздохнул.

Нынче что: кушаю и пью сахарный кус, обута буду, одета и сыта. Я уж довольна советской властью, много довольна.

Приезжает сегодня из другой деревни — от Коткина — председатель колхоза Гаврил Якимович, ругается:

— Чего, — говорит, — к нам в гости не едешь? Ты бы приехала, у нас пожила. У меня кони за вся ходили — тебя бы уж привезли, кабы твое желание.

— Давай, поедем, — приглашает меня, — там у нас погостишь в колхозе, каждый рад будет. У одного бы погостила да у другого погостила — поили бы, кормили, ни копейки не взяли бы.

И верно. В тридцать пятом году была я в Коткине — всю зиму прогостила. Только заезжаю — берут меня на руки, далеко меня проводят, высоко меня сядят. Каждый в деревне — как свой, почитают меня и уважают, каждый просит и зовет. Еще не иду, дак и судачат. Всю-то зимушку жила, дак всех я выходила. Весной мотор на путину поехал, дак едва спустили меня оттуда.

Али вот возьми. Меня и за мои сказки любят. В наш детдом меня водили сказки рассказывать. И я им три долгих сказки рассказала. В други дни ребята озорны, а тут присмирели, слушают да и еще просят:

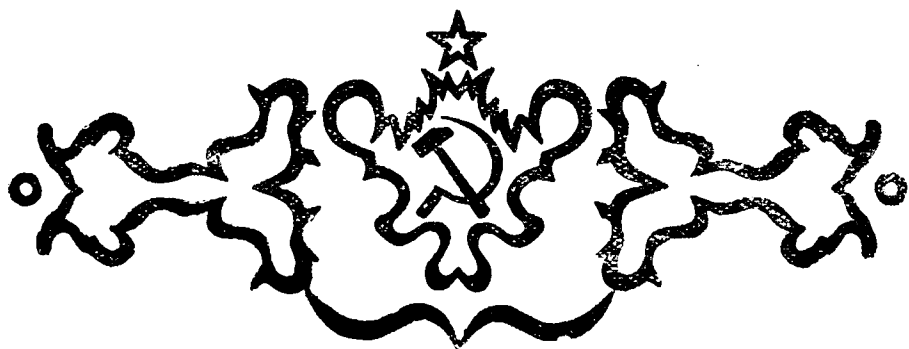
— Бабушка, Расскажи...

Вот моя и жизнь теперешна. Живу хорошо. Вот нынче-то мы и довольны.

НОВИНЫ

74. Мать-Печорушка — всем рекам река

Испокон веку про Волгу поют песенки,
А никто не сумел про Печору спеть.
Мать-Печора была позакинута,
От больших городов позаброшена,
А теперь она метит Волге во соперницы:
Не поддастся шириной своей,
Не уступит она долиной своей,
Не уважит она водой полною,
Водой полною, рыбой красною,
Красотой ли своей распрекрасною.
Мать-Печорушка — всем рекам река:
Шириною она широкая,
Долиною она долгая,
Как водою она полная,
Тонями она пребогатая,
Берегами она распрекрасная:
С одной стороны — наволоками,
С другой стороны — тундровой землей.
В наволоках — луга сенокосные,
В тундровой земле — боровы места,
Боровы места, да места ягельны,
Места ягельны, да они ягодны.
Как наступит-то весна красна,
Как пройдет-то да мать-Печора,
Как пробрызжут-то да реки быстрые,
Прогремят-то ручьи глубокие,
Прибрежится вода вешняя,
Приобсохнут желты пески —
Раскрасива тогда Печора.
Как по вешней-то воде вольной
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да все во лодочках

Как по тихим да вешним заводям,
На гуляньице да на весельице,
Все со песнями да все со баснями.
Берут весельца еловые,
Берут ружья для охотушки,
Берут гусельцы звончатые.
К берегам приставаючи,
Да по ним все гуляючи,
Там стреляют гусей-лебедей,
Серых утицей-касаточек.
Пляшут молодцы с девицами
До утра они, до упаду,
Поют песенки веселые,
Песни новые да все колхозные.
Берега-то у моря студеного
Прежде были пусты, без строеньица,
Ни двора тебе, ни хижины,
Ни жилья человеческого.
Жили в лодочках, во суденышках,
Пилю-ели-отдыхали тут,
Тут все делали-обрабатывали,
Тут и рыбу засаливали,
Тут тебе была и спальня,
Тут — столова нова горница,
Тут и нова светла-светлица:
Ни вымыться тебе, ни высушиться, —
Мелкой дождичек — умывка,
Красно солнышко — обсушка,
В лодке варбище — обогрева,
Бочки с рыбою — тесова кровать,
Сетки с кибатами — изголовьице.
Только нам было не до отдыха:
Добывать-то рыбу с трудом было,
Не хитростью, да не мудростью,
Своей одной только силушкой
Со тяглыми да с сетками,
Да со долгими веревками.
Мы робили да моталися,
Моталися да позорилися
По ловлям да рыболовным,
По водам ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам доставалось:
По-полу-себя в воде стоючи,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали.
Нам времечко было не указано,
Как часы-то были не обозначены:
Ночь шла, она, за белый день,
День-то шел, он, за темну ночь,
То и суточки круглы не спали,

Бури-падеры не держали,
Дожди мокры не поливали,
До костей мы да промокали,
Руки-ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горячая захлывала.
День и ночь мы руки мозолили,
На желтом песку ноги вывертывали,
Веревками плечи кровавили —
Все ловили да рыбу белую:
Сигов печорских непуганых,
Омудей морских икрянистых,
Нельму жирную самолучшую.
Как со той же мы со работушки,
Как со той же со тяжелой,
Со того же низу богатого
Домой придем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушке,
Ко тем ли да злым хозяевам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогреем,
Как опять на ту же на работу,
Как опять на ту же на тяжолу.
А кто приходил и ко батюшку,
Ко хозяйству своему самоличному,
Богатый свой весь промысел
Отдавали купцам богатынным,
Усольцам ли, да чердынцам ли.
Купцы-то те цены делали:
Скостят они цену до полцены,
Дешевят они рыбу дешево,
А рыбачеству делать нечего:
Отдавать им рыбу приходилось
Не за рубли, а за копеечки.
А теперь ходят на промысел
Не по-старому, да не по-прежнему.
Хоть по той же по Печорушке,
По той же воде внешней вольной,
На тех же ли на суденышках,
Со теми же парусами белыми,
Белыми да полотняными,
Мимо тех же сел с деревнями,
До того же до синя моря,
До синя моря Ледовитого,
До печорских губ с загубьями,
До тех же промыслов богатых
Рыбачество наше плавает,
Да все-то теперь стало иначе,
Не по-прежнему, а по-новому.
Берега-то у моря студеного,

Они все теперь позастроены
Домами-строеньями
Да хоромами теплыми.
Тут дома не постоянные,
Тут хоромы не гостиные,
Тут живут по-домашнему.
На свои места знакомые,
На участки рыболовные
Выезжают колхозники
Со ловушками новыми,
С неводами ставными же,
Со рюжами уловистыми.
Хорошо рыба ловится:
Все уловы богатые
Той ли рыбой находною,
Сигами печорскими,
Омулями икрянистыми,
Нельмой жирной самолучшею,
Дорогой рыбой семгою,
Рыбой семгою, рыбой красною.
За уловами богатыми
По ту рыбу добытую
Идут по морю студеному
Мотор-лодочки скороходные,
Не дают рыбе портиться,
Доставляют ее скоро-наскоро
На те ли пункты приемные,
Ко ледникам ко холодным,
Ко засольщикам ко ученым,
К обработникам ко толковым.
Они обрабливают, засаливают,
Свежей рыбой замораживают.
Это все для рыбачества
Облегченьице в работушке,
Им заботиться не надобно,
Им печалиться не об чем—
На руках рыба не спортится,
Расчет-учет дают на руки,
Дают на руки деньги полные.
После той ли работушки
Им не надо жить на суденышках,—
Приезжают в теплы домики,
В теплы домики—светелочки,
Раздеваются по-домашнему,
Пьют-едят, за столом сидят,
Что хотят, то и кушают,
Отдыхают, где им хочется,
В парных баенках моются.
Парна баенка принатоплена,
Ключева вода принагретая,
Шелков веничек принапаренный,

Тазы медные приначищены,
Душисты мыла принакуплены.
Все теперь по-хорошему,
Для рыбачества все по-лучшему,
По-лучшему, по-веселому.
Как домой собираются
Со богатого промыслу—
Не ждут в спину поветерь,
Не кличут в помощь ветричка,
Не гневают север-батюшко,—
Они кличут мотор-лодочку.
Они едут вверх по Печорухке:
В руки весел брать не надобно,
Ноги резвые набивать-томить,
Свои плечики натруживать:
Они сядут, отряхня ногу,
Безо всякой заботушки,
Они едут — только песенки поют,
Чай крепки с сахарами пьют.
Их встречают отцы-матери
Гостями почетными,
С угощениями сладкими,
Со шаньгами да теплыми,
Со словами да с ласковыми.
А дома — тоже работушка —
Весела работа колхозна:
Наступит ли лето красно,
Разрастут ли луга зелены,
Расцветут ли цветы лазоревы,
Разнесет ли духи анисовы,—
Пойдут колхозники по поженкам,
По лугам траву обкашивать
Не косами, не горбушами,
А машинами хитро-мудрыми,
Уж теми ли самокосилками.
Та работушка со радостью
От желанья ретива сердца.
До колхозов-то мы робили
На тяжелой на работушке
На хозяев, на кулачество,
На злодеев-лиходейщиков.
Нам косьба не по силушке,
Гребля нам не по могуте,
Тяжелым-тяжела доставалася,
Нам косы руки мозолили
Мозолями кровавыми,
Могучи плечи уставали,
Мы спины разогнуть не могли,
С косьбы ноженьки дрожали,
Изо глаз мы свет теряли.
От хозяев, от кулачества

Мы не плату да получали,
Мы копеечки собирали.
Что за нашу-то труд-работушку
Кто ли денежки получал,
Себе богатство да наживал.
Томила нас ходьба далекая,
Сушила работа кулацкая,
Труд-работушка неоплаченная.
Уж мы день перекоротать не могли,
Уж мы вечера не дождемся.
Не катился наш ум на красоту,
Не сдымались глаза на басоту.
Им глядеть было некогда
На цветы на лазоревы,
На тихие заводы,
На зори ранни утренни,
На закаты солнца красного.
Со устаточку без питья падем,
Со работушки без еды лежим,—
Тут не в радость краса-красота.
А теперь-то по нашим лугам,
По зеленым по наволокам
По полям, по сенокосам,
По долгим да по покосам,
По широким да по пограбам
Работают все бригадушки,
Каждо дело показано,
Каждо дело учитано,
Трудодни в книги выведены,
Сполна будут оплачены.
Прикатится день ко вечеру,
День ко вечеру, ко отдыху—
Молоды ребята пляшут да поют,
Пожилы не поддаваются,
Старики сказки сказывают,
Побывальщики былинушки ведут.
Со песнями да со баснями
Мы не знаем, как и день пройдет,
Не видим, как время катится,
Нехватает дня наробиться,
Поработать еще хочется,
Посмотреть на Печорушку.
Мать-Печорушка—всем рекам река:
Реками она—во все стороны,
Ручьями она—несчетная,
Родниками она—несметная.
Ключевой водой—чистая,
Заводями она—спокойная,
Быстерями она—быстрая,
Заливными лугами—отменная,
Песками-тонями—удобная,

Рыбой красною—урожайная,
Красотой своей—прелестная.
Кто на ней живал,
Тот все сам видал,
А кто не был у нас—
Просим в добрый час,
Не на час, не на денечек—
Приезжать на годочек
Хлеба-соли кушать,
Песенок послушать.

75. Среди тундры город вымахал

Не на давней поре-времени—
На моих годах, мне-ка в памятку,
Не на дальней реке—на Печорушке—
На знакомых местах Белошельских,
Посередке тундры Большой Земли,
Зачиналось тут дело многодельно,
Многодельно да многодумно.
Те места мы знали-вызнали,
К окияну-морю ходючи,
Бечевою лодку тянучи,
Парусами где-ка бегучи,
Где на веслах шли на еловых
Мимо тех мелей песчаных,
Мимо омутов глубоких,
По крутому бережку по правому.
На крутом-то бережку на правом
Ничем-то-ничего было не видно
Окромя ли того желта песка,
Окромя ли той мелкой-частой еры.
Как 'по тем ли крутым бережкам
Мы ходили, бедны, мотались
По мелям по песчаным,
Уж мы клади тут перекладывали,
На себе лодки перетягивали,
На желтом песку ноги вывертывали,
Себе веслами руки мозолили,
Бечевой себе плечи кровавили,
Проклинали ту путь-дорожечку,
К себе в помощь да ветры кликали,
Ветры кликали, Север гневали:
„У Севера жена грязна,
Ко полуношнику спать ушла,
А Север с горя в море потонул...“
А Север-то на нас да не гневался,
Не гнал он нам в спину поветерь,
И снова мы шли своей силушкой,
Себе веслами руки мозолили,
Бечевой себе плечи кровавили,

Себе ноги о камни изранили,
О те ли о камни о вострые.
И снова ругались да плакались,
Проклинали ту путь-дорожечку,
Проклинали берега Белошельские.
Уж и те ли берега Белошельские
Они были-то пусты-напусты,
Пусты-напусты, без строеньища,
Ни двора было, ни хижины.
Не на давней поре-времени,—
На моих годах, мне-ка в памятку,
Не прошло годов и десяточка,
Что по всей ли Печоре с низу до верху
Пронесли-то слух, да слух прославили:
Что во тех ли местах Белошельских,
Посередки тундры Большой Земли,
Не пыль в поле поднимается—
Нярьян Мар—чудной город разрастается;
Разостроился нов-хорош город
Добрым людям на дивованье—
Не с церквами да с колокольнями,
Не с кабаками да не с казенками—
Со строеньями прекрасными,
Со домами да с хорошими.
Я в деревне жила—все не верила,
А теперь сама все увидела,
Все увидела да уверилась:
Разостроился нов-хорош город:
Все-то улицы широкие,
Все дома ли да высокие,
Все квартиры да обширные,
Все палаты-учрежденьища.
Я во тех ли палатах-учрежденьищах
Я вездѣ сама была, сама все видела.
Я не думала, что приснится мне,
Я не думала, что привидится,
Как при старом бы это времени
Не приснилось бы, не привиделось,
А теперь все в глазах стоит.
Нярьян Мар—от я насквозь прошла,
Все незнамое я вызнала.
Все несмотрено я высмотрела.
Приглянулся мне нов-хорош город,—
Все, что видела, все, что слышала,
Мне любохонько пало на сердце,
Мне милехонько пало в мысельцы.
Что во том ли самом во городе
Среди хором-строеньищей
Есть большая хоромина:
Что во той-то хороmine
Тут дают ума в голову,

Научают полной грамоте.
Что во этой хороmine
Обучался мой старшой сын,
Добивался ума-разуму,
Проходил науку-грамоту.
Обучали его люди многоумные,
Многоумные да многоученые,
Не по-старому учили, не по-прежнему,
Как по-нашему да по-советскому.
Научился он полной грамоте,
Он достал ума-разуму,
Стал учителем народным,
Отдает теперь науку-грамоту
В Варандее, в школе ненецкой.
Что во том ли во городе
Есть другая хоромина:
Что во этой-то хороmine
Лекаря есть ученые,
Лечат все болести-хворости.
Что во эту-то хоромину
Я возила своих деточек:
Лекаря давали средства,
Исцеляли их от хворости
По наукам премудрым.
Что во том ли во городе
Есть другие хоромины:
Во первой торгуют книжками,
Тонкой белою бумагою,
Тем ли перьем скорописчатым,
Во второй — пальтами-платьями,
Миткалями да сатинами,
Левонтерами да бархатом,
Что платками да подшалками,
Что во третьей — полсапожками,
Во четвертой — сдобой-булками,
Еще пряниками сладкими.
Я ходила, все оглядывала,
Все товары присматривала,
Выбирала я лучшее,
Покупала отменное.
Во другой-то хороmine
Уж я видела себе на-диво
Представление чудесное,
Да картину интересную:
Будто сам Емельян Пугачев
Со народом войной пошел
На дворян — на помещиков,
На народных кровопивщиков,
На царицу-блудильщицу.
Емельян-то сложил голову
На той ли плахе кровавой,

Как помещикам на весельице,
Мужикам на слезы горькие,
На печаль на великую.
Я смотрела и плакала
На его ли долю горькую,
Что на участь горемычную,
На несчастну-бесталанную.
Он бы дожил до нашей поры-времени,
Он увидел бы наше счастьеце,
Наше счастьеце мерой не меряно,
Он приехал бы к нам на Печорушку,
Посмотрел бы на нашу жизнь колхозную,
Он увидел бы здесь, как все идет,
Как все идет, да как все растет:
По краям моря поселки выросли,
Среди тундры город вымахал,
Нярьян Маром он называется,
Красным Городом величается,
Того ли Емельяна Пугачева-свет
Повела бы я его первым-наперво
По всему по новому по городу,
Показала бы я широки улочки,
Все хорошие устройные палатушки,
Новы-тесаны строеньица,
Все ему на удивленьеце,
Все отменные хоромины
Со большими со окошками,
Со высокими лестницами,
Со квартирами обширными.
Завела бы я его в окружной музей,
Где поставлена всяка-всячина,
Показала бы ему все богатство,
Все, чем славится округ Ненецкой,
Чем силен-богат Нярьян Мар-город.
Уж как те ли места Белошельские
Они были раньше на отшибе,
Ото всей земли на стороночке,
Позабыты да позаброшены,
А теперь те места оприючены;
По Печоре они первы-напервы.
Из Москвы идет в Нярьян Мар город
Путь-дорожечка прямоезжая,
Прямоезжая да прямолетная.
Что по этой-то путь-дорожечке
Приезжают-то люди ученые,
Прилетают-то да смелы соколы,
Смелы соколы, да наши летчики.
Что из наших далеких краев,
Из далеких краев из больших городов
Приплывают к нам в Нярьян Мар-город
Богатые корабли черенные

С товарами да со продуктами,
Со всяким разным богатством.
И знают все от старого до малого,
Что стоит на Печоре Нярьян Мар-город.
Нярьян Мар-от — наш, тундровой город.
Не на давней поре-времени,—
Не прошло годов и десяточка
Во глухих местах Белошельских,
Он, как деревце, в тундре выращен,
Он, как в день один, в тундре выстроен,
Рощен он заботами Сталина,
Строен силушкой большевистскою.

76. Мы пошли в поход на кулацкий род

Снова времечко пошло, покатилося,
Надо думушку да снова думати,
Надо деточек мне повырастить,
Мне повырастить да мне повыкормить,
Мне своим трудом да своей силушкой,
Мне своим умом да своей думушкой
Уж я думала да выдумывала
Я своим умом да думой крепкою,
Я мыслями да я тяжелыми.
Тяжело мне-ка детей на путь вести,
Их на путь вести да в люди вывести,
В люди вывести да свой талан найти,
Свой талан найти да свое счастьеце.
Много с гор ручьев по земле течет,
Из ручья в ручей да в реку быструю,
В реку быструю, да в мать-Печорушку
Из Печорушки—в океан-море,
В океан-море да Ледовитое.
Много думушек да есть народных,
Мысли-думушки, как ручьи, текут,
Как ручьи текут, да как вода бегут,
Они все-то, думы, стекаются,
Еще все-то они, думы, сливаются,—
Как ручьи в реку, в мать-Печорушку,
Мысли-думы текут в нашу партию.
Как течет река, мать-Печорушка,
Как несет свои воды полные,
Воды светлые в океан-море,
В океан-море Ледовитое,
Так же льют-текут думы партии
В море светлое—в думы Сталина.
В это времечко да по всей стране,
Как по всей-то стране, да нашей родине,
От села к селу, да к нам из городу,
Что из матушки каменной Москвы,
Из-за стен Кремля белокаменных
Что до каждой-то да деревнюшечки

Покатилася да вестка радостна,
Вестка радостна, да слово мудрое,
Слово мудрое, да думы Сталина
Про колхозный путь—путь невиданный.
Сталин кликнул клич, созывал народ,
Созывал народ во большой поход,
Во большой поход на кулацкий род,
На кулацкое род-племя злоехидное,
Злоехидное да само вредное.
Навредило оно нам всем повсюдова,
Доводило нас до зла-горести,
Испивало из нас да кровь горячую,
Иссушало нас да до самой кости.
Мысли-думушки да распалилися,
Ретиво сердце да разгорелося
Огнем жарким да гневом пламенным.
По могучему зову Сталина
Мы пошли в поход на кулацкий род,
Мы змеинный род стали бить-громить:
Уж мы брали их за вершиночки,
Уж мы рвали да до сама корня,
Чтобы не было, не осталось
На родной земле зла отростеля.
Предовольно им они пожили,
Они пожили да хорошохонько,
Они попили да нашей кровушки,
Без работушки красовалися,
Без труда они наслаждалися.
Подошли мы к ним смелым-насмело,
Уж мы брали их да скоро-наскоро,
Своей силушкой мы бедняцкою
Весь кулацкий род раскулачили.
Посреди земли Заполярной,
Посреди-то, среди тундры Северной
Тут растет-цветет одно деревцо,
Как стоит оно да все шатается,
Ко сырой земле да пригибается.
Как шатают его да ветры паркие,
Пригибают его да пурги северны,
Бьют-секут-то его да дожди резкие,
Дожди резкие, да они быстрые,
Они быстрые, да самы мокрые.
У того-то ли у деревца
Листья-отрасли приосыпаны,
А вершиночка приобломана,
И стоит оно одинешенько,
Бесприютное да неуютное.
И на той же земле нашей северной
Лес сырой растет, как на завидость,
Как на завидость—стройный, кряжистый,
Не боится он да бури-падеры,

Не страшится он да пурги северной,
Ко сырой земле да он не клонится,
От больших ветров да он не ломится,
Разраслись его листья-отрасли,
Прираскинулись широкохонько,
Приразросцвели зеленехонько,
И стоит в лесу кажно деревцо
И приютное, и уютное.
Эти думы мне пали в голову:
Поняла я своим умом-разумом,
Что не жить-то мне тонкой вербочкой
От других людей на стороночке
Бесприютной да одинокой.
На могучий зов мудра Сталина,
На призыв родной нашей партии
Я откликнулась всеми думами,
Всей душевной моей да радостью,
Всем сердечным своим трепетом.
Вместе с близкими да соседями,
С бедняками я да деревенскими,
Я со всей семьей да я немалою,
Я вошла-пошла в семью колхозную.
Я дала себе слово накрепко:
Не сходить-то мне, не сворачивать
Со пути своей, со дорожечки—
Хоть широкой, да неведанной,
Со неведанной дорожки, да радостной.
Эта радость нам дана Сталиным,
Этот путь нам показан партией.

77. Сила храбрая красноармейская

Как при старой поры-времени
При царе, при грабителе,
Да при царской проклятой фамилии
Забирали сыновей у нас
На свою службу военную,
На войну на проклятую.
Они шли не охотушкой,
Что великой неволюшкой:
Им итти не хотелось—
Отказаться никак нельзя.
Им итти было нерадостно
Что под ту ли пулю быструю,
Что под ту ли саблю вострую,
Что под ту ли лиху картечь,
Им на смерть свою голову класть.
Не хотелось солдатам воевать,
Не хотелось до зла-горя.
Все солдаты стали думать да гадать:
Как-нибудь да перестать им воевать,

Перестать им царско право исполнять,
Перестать им кровопивцев защищать.
От отцов, матерей от солдатских
Приходили в полки письма-грамотки,
Письма-грамотки были нерадостны:
„Нет жить-бытья народу рабочему,
Нет житья-бытья люду крестьянскому,
Во сердцах у них много боли-тягости,
Во мыслях у них много обидушки.
Рабочие стали гневаться
На своих фабрикантов-заводчиков,
Беднота в деревне стала голову вздымать
На своих кровопивцев-помещиков,
Кровь горячая ключом стала кипеть,
Ретиво сердце огнем стало гореть...“
Заходили мысли вольные в войсках,
Подымались смелы головы в полках,
Смелы головы большевистские,
Говорили они да речи гневные:
„Мы еще докуда будем воевать,
За чужих людей кровь проливать,
За богатых, за богатинных?
Докуда будут наши матери стареть?
Докуда будут молоды жены вдоветь?
Докуда будут наши дети сиротеть?
Бесприютны наши домички стоять?
Беспристройны все деревни пустовать?
Бесприборны наши пашни посыхать?
Возвернемся-ка, солдатушки, назад,
Да запалим-ка позади большой пожар
Мы, во-первых, под проклятого царя,
Во-вторых, мы под помещика,
Мы, во-третьих, под заводчика,
Во-четвертых, под обманщика-попа,
Мы, во-пятых, под буржуя-кулака,
Во-шестых, под офицера-дурака:
Он дурак-то — не дурак,
Да солдату — первый враг.
Что на тех ли врагов-ворогов
Повернем-ка мы свои востры штыки,
Размахнем мы востры сабельки
На зловредны ихны головы.
Мы очистим землю дочиста:
Уж мы скосим с родной земли
Ту полынь-траву горькую.
Что на нашей родной земле
Рассадим сады невиданны,
Чтобы наша родна земля
Зацвела сливой-вишенью,
Той ли яблонью кудрявою,
Виноградами зелеными,

Чтобы в том саду невиданном
Мог народ веки-вечные
Жить-цвести в счастья-радости".
Большевистско слово доходчиво:
Разбередили сердца большевики,
Да поднялись с фронтов несметные полки.
Возвернулись тут солдатушки назад,
Они сошлись — съединились
Со товарищами-рабочими,
Что со братьями-крестьянами.
Они всей народной силою
Да запалили позади большой пожар,
Добрались до проклятого царя,
Одарили всю фамилию его
Богатыми гостинцами солдатскими:
По гостинчику — по востру штыку,
На закусочку — пулю быструю.
От заводчиков весь рабочий люд
Взял в свои руки заводы-фабрики.
От помещиков землю-матушку
Передала народу советская власть.
Заварилось тут дело немалое,
Немалое да небывалое.
Чтобы это дело невиданно
Не пошло бы оно прахом-пропадом,
Чтобы старая власть не возвернулася,
Два больших орла — Ленин со Сталиным —
Всех своих орлят к себе кликали.
Что на этот клич вождей-орлов
Слеталось тут племя орлиное,
Сбиралась тут сила несметная,
Несметная да нескитана,
Всенародная да Красна армия.
В Красну армию всенародную
Солетались орлы-соколы,
Самы лучшие да самы верные.
Они шли-пошли не неволюшкой,
А своей душевной охотушкой.
Им итти было радостно
Хошь под ту ли пулю быструю,
Хошь под ту ли саблю острую,
Хошь под вражью лиху картечь:
Им не жалко было жизнь отдать
Что за Ленина со Сталиным,
За свою родную советскую власть,
За свои заводы-фабрики,
За свою землю-матушку.
На ту пору по всей земле,
Как по нашей по родине,
Подымали свои головы
Генералы недобитые,

Офицеры недостреляны.
Солетались они со всех концов
Злым-лихим вороньем, хищным коршуньем,
По-вороньи тогда они закаркали,
Что не жить—не летать молодым орлам
Высоко-далеко, по поднебесью,
Что не жить-то не быть Красной армии
На свободной родной земле-матушке.
Уж как то ли зло-лихо воронье,
Созывало оно силу заморскую:
Не званьем звало—наймом наймало
Что за те ли земли самолучшие,
Самолучшие да хлебородные,
Что за те ли за богатства народные.
Приходила к генералам из-за моря
Иноземна сила-помощь великая
Со теми ли со гостинцами заморскими:
Со пушками да скорострельными,
Со танками да скороходными,
С кораблями да со черненными,
С самолетами да быстролетными,
С винтовками многозарядными,
С пулеметами многосмертными,
С генералами многоучеными.
Налетело тут злое коршунье
На наши села с деревнями,
Топтало оно наши пашенки,
Уж и мяло нашу травоньку шелковую
И ломало наши яблони кудрявые,
Клевало-терзало народ честной,
Народ честной—людей лучших.
Подымалася тут Красна армия
Навстречу врагу-супротивнику,
Набольшим-то был Ворошилов Клим,
Он речь держал к орлам-соколам:
„Уж вы гой еси, орлы-соколы,
Вы советские народные богатыри,
Уж как дали нам Ленин со Сталиным
Два заданьица дали немалые:
Надо выгнать нам зверя белого,
Зверя белого, генеральского
Из чиста поля да из темных лесов—
Что со всей-то советской земли-матушки.
Надо выгнать нам да змея лютого,
Змея лютого да заморского,
Заморского да людоедного
Из чиста поля да из темных лесов
Что со всей-то советской земли-матушки.
По указу товарища Ленина,
По совету товарища Сталина
Надо нам те заданьица выполнить,

Тех зверей-врагов надо выгнать..."
Полетели ясны соколы-бойцы,
Красной армии богатыри,
По чисту полю, по родной земле,
Размахалися крыльем соколиным,
Подымалися птицей вольною
Выше лесу стоячего, выше облака ходячего.
По поднебесью летела ясными соколами,
На родну землю опускалась добрыми молодцами
Сила храбрая красноармейская.
Опустились добры молодцы на сыру землю,
Расходилися силой богатырскою,
Размахалися острыми сабелями
Как на ту же стаю на полетную,
Уж и стали рвать-трепать стаю коршунью,
Уж и стали ломать крылье пустоперое,
Уж и стали бить-трепать перье со кожей,
Со кожей да до сыра мяса,
Ломать костье да мелко-намелко,
Не оставили крыла неломана,
Крыла неломана, пера нещипана,
Чтобы не было от них, не осталось
Ни крыла, ни пера и ни косточки,
Не летать чтобы им по советской земле,
Не бывать-то да им в каменной Москве,
Не увидеть им света-Ленина,
Света-Ленина да света-Сталина.
Сила храбрая красноармейская,
Уж повыгнала она зверя белого,
Зверя белого да генеральского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей ли советской земли-матушки,
Повыгнала да змея лютого,
Змея лютого да заморского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей ли советской земли-матушки.
Скосила она силу вражеску,
Как в поле полынь-траву горькую.
Иноземна сила-помощь вражеская
Недокошена да недобитая,
Недобитая да неостреляна,
Убежала она за сине-море,
Во те ли земли заморские.
Тогда к нам пришло-прикатилось
По всем фронтам замиреньице.
Ходил по границам Ворошилов Клим,
Запирал он границы на крепки замки,
Выставлял он заставушки верные,
Посылал он охранушки зоркие,
Посылая-то, он им наказ давал,
Наказ давал да такую речь держал:

„Уж вы гой еси, добры молодцы,
Вы товарищи-ребята-пограничники,
Вы храните-берегите мать-родну землю,
Мать-родну землю народную советскую.
Уж как наша-то земля ведь не куплена, —
Уж как наша-то земля кровью добыта,
Кровью добыта да кровью полита.
Вы смотрите—не проспите врага-ворога,
Чтобы он неожиданно в гости не пожаловал,
Не прошел бы к нам, разбойник, по чисту полю,
Не пролез бы, иноземец, по сырой земле,
По сырой земле да по-под-кустышкам,
Не проехал бы по морю на корабличке,
Не пролетел бы в самолете по поднебесью“.
С той поры стоят ребята-пограничники
На советских на крепких на заставушках,
Стерегут они границы от разбойников,
От разбойников-фашистов-подорожников.
И пошла у нас тогда жизнь по-ладному,
По-ладному да по-хорошему,
Во спокойе народ взялся за работушку.
Что по всей земле по советской
Рассадили мы сады невиданный,
Стали строить города небывалые,
Стали накрепко крепить Красну армию:
Стали строить себе пушки скорострельные,
Стали делать себе танки скороходные,
Да готовить самолеты быстролетные,
Да снастить себе караблики черненьные,
Да учить командиров ворошиловских,
Чтобы все мы могли на спокойе жить
Да растить-крепить дело колхозное,
Чтоб земля расцвела сливой-вишенью,
Сливой-вишенью да яблонью кудрявою,
Виноградными кустами да зелеными,
Чтобы в нашем саду расцветающем
Мог народ век цвести в счастье-радости...
... Не боится ветров гора каменная—
От ветров, гора, она не сдвинется:
Не боимся мы врага-супротивника—
От врага, как гора, мы не строимся.
Мы не тронем никого, да и нас не тронь:
Как подступит враг, мы дадим отпор,
Мы дадим отпор крепче старого,
Теперь силушка у нас небывалая.
Мы сомнем-сокрушим врага-наильника,
Как былиночку—буря-падера:
Нет во чистом поле такой былиночки,
Чтоб стояла, не клонилась в бурю-падеру,
Нет на всей земле такой силушки,
Чтобы выстояла против Красной армии.

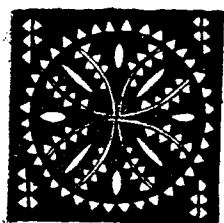
79. Про выборы всенародные

Поутру раным-ранешенько,
До зари, до бела света,
До петушья крику утрення
Мы вставали-подымалися,
За работу принималися,
Поскорее с ней справлялися,
Ключевой водой умывалися,
Полотенышком утиралися,
Мы на праздник собиралися,
Хорошо мы одевалися
Во одежду-то во лучшую,
В платья шелковы да бархатны,
Во платки цветасты гарусны,
В наши лучшие малицы.
Подошел светлый праздничек,
Он видом-то невиданной,
Он слыхом-то неслыханной:
То не пасха стародавняя —
Был он за год первый праздничек,
А уж тот денечек радостной
Был нам за век первым праздником.
Мы готовилися к празднику
С честью-радостью великою,
Не варили пива пьяного,
Не купили зелена вина,
Не к чему нам пиво пьяное,
Нам не надо зелена вина:
Мы пошли встречать праздничек
С головами со светлыми,
Со мыслями со верными.
Мы не в церковь к заутрене,
Мы не к звону колокольному,
Не к четью-петью церковному,
Не к попу ко духовному,
Не молиться — низко кланяться —
Мы спешили, торопились
Ко часам ко указанным
Во чисты, светлы горницы,
Во палаты избирательны.
Светлы горницы приубраны,
Чисты стены приукрашены;
Как среди лета красного
Расцвели цветы лазорьевы,
Так середь зимы морозливой
Зацвели наши горницы
Занавесками тюлевыми,
Кумачовыми лозунгами
Да словами призывными.
Большевистская партия

Призывала простой народ —
И мужчин-то и женщин-то,
И колхозниц и колхозников,
И простых единоличников,
Коммунистов с беспартийными
Сообща думу думати,
Думу думати немалую.
Мы сажались во единый круг,
Мы великую думу думали.
Говорили-то мы речи новые:
Нам кого будет выбрать,
Нам кого будет выдвинуть
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Все-то реки текут в океан-море,
Все-то думы наши народные,
Будто птицы, летят в Москву-матушку
Ко тому ли Кремлю белокаменну,
Ко тому ли отцу-вождю любимому,
К дорогому товарищу Сталину.
Мы за то его любим-жалуем,
Что по нашей советской стране
От его светла разума
Свету боле, чем от солнышка:
Жить нам стало светлым-светло,
Просветлели наши головы,
Просветлела жизнь, просветилась.
По его великой мудрости
Дело правится правильно,
Дело наше большевистское,
Он ведет трудовой народ
По дороге по ленинской,
Он глазами орлиными
Смотрит, будто из поднебесья,
На пути-перепутьица,
Выбирает-высматривает,
Будто в трубочку подзорную,
Путь-дорожечку верную,
Верную да неизменную.
Под его руководством
Мы по той ли путь-дорожечке,
Что нам Лениным указана,
Что нам Сталиным показана,
Мы идем — не отклонимся.
Мы растем — не остановимся.
Дорогого товарища Сталина
Мы за все это любим-жалуем,
С честью-радостью, да первым-наперво
Мы за все это его выбрали,
Мы за все это его выдвинули
В наше верное правительство,

Во правительство народное.
Мы еще думу думали,
Про всех наших людей лучших,
Про всех людей правильных.
Вспоминали мы жизнь старопрежнюю,
Старопрежнюю да стародавнюю:
До советской-то поры-времени
У кого в селе пузо толстое,
Тот и первой был человек в селе,
У кого в кармане казна густа,
Тот и первой был во всей волости,
По всей волости, по всей губернии.
Только нам от них мало прибыли:
Брюхо толстое, да совесть тонкая,
Казна густа, да голова пуста.
При нонешной поры-времени
Не по брюху да казне людей меряют,
Людей меряют по работушке,
По светлу уму да по разуму:
У кого работа в руках родится,
Тот и первым у нас считается,
Кто идет — с пути не отклонится,
Тот отменным у нас почитается.
Мы за все это их взяли-выбрали,
С честью-радостью выдвинули
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Этот праздничек не позабудется,
Не забудется да будет помниться,
Он, как солнышко, будет вечно греть,
Как солнце, греть, да как луна светить.
В этот день мы всю жизнь свою вспомнили,
Мы все про все передумали,
Как мы прежде свету не видели,
Нам нигде-то пути-дороги не было,
Как мы смолоду горе мыкали,
Как теперь-то мы свет увидели,
Как нашли свою путь-дорожечку,
Путь-дорожечку колхозную.
Мы с утра ли да предраассветного,
Мы до самой до полуночи,
До полуночи, до часу первого
Мы сидели в светлых горницах,
Во палатах избирательных,
Мы сидели со чаями, с угощеньями,
Со буфетами да с весельями,
Со старинными мы со песнями,
Со старинными и со новыми,
Уходить-то нам не хотелось,
Кончать праздничек не желалось.
Уж мы пели да веселехонько,

Хорошо-то да хорошихонько
Песни звонки разноголосы
И веселые и грустные.
Вспоминали мы во тех песенках
Жизнь мы старую со слезами,
Прославляли-то мы во тех песенках
Жизнь колхозную с радостями.
Этот праздничек да не забудется,
Не забудется да будет помниться:
Про этот ли светел-красен день,
Про наши ли первы выборы,
Про выборы всенародные
Наши правнуки будут песни петь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Указатель источников, на которые делаются ссылки в примечаниях

1. Андреев Н. П. — Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. 1929
2. Аристов Н. — Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875.
3. Астахова А. М. — Андреев Н. П. — Эпическая поэзия. Л. 1935.
4. Гильфердинг А. Ф. — Онежские былины. СПб. 1873.
5. Гиппиус Ев. — Эвальд З. — Крестьянская лирика, 1935.
6. Григорьев А. Д. — Архангельские былины и исторические песни. Т. I. М. 1901.
7. Давылов Кирша — Древние российские стихотворения. СПб. 1901.
8. Киреевский П. В. — Песни. Новая серия, вып. 1—2. М. 1911, 1917, 1929.
9. Лозанова А. Н. — Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М. 1935.
10. Лозанова А. Н. — Социальные переосмысления песен о графе Захаре Григорьевиче Чернышеве. Журн. „Советский фольклор“, 1935 г., вв. 2—3.
11. Миллер В. Ф. — Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. 1915.
12. Оячуков Н. Е. — Печорские былины. СПб. 1904.
13. Прач Ив. — Собрание русских народных песен, 1815, две части.
14. Розанов И. Н. — Песни русских поэтов. 1936.
15. Рыбников П. И. — Песни, изд. 2-е, в трех томах. М. 1909.
16. Сидельников В. и Крупинская В. — Волжский фольклор. М. 1937.
17. Соболевский А. И. — Великорусские нар. песни, тт. I—VII. СПб. 1895—1902.
18. Соколов Б. — Былины старинной записи (семь неизданных текстов). Журн. „Этнография“, 1927 г., №№ 1 и 2.
19. Соколов Ю. М. — Русский фольклор. М. 1932, в. IV.
20. Соколов Ю. М. — Былины. Учпедгиз, М. 1937.
21. Соколовы Б. и Ю. — Сказки и песни Белозерского края. М. 1915.
22. Тихонравов Н. С. и Миллер В. Ф. — Русские былины старой записи. М. 1894.
23. Шейн П. Н. — Великорусс в своих песнях. СПб. 1900.

БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Первая поездка Ильи Муромца. Записано от Ивана Кирилловича Осташева, 65 лет, д. Смекаловка, 8 июля 1938 г. Знает 11 былин.
Былина распадается на три эпизода: 1) исцеление Ильи, 2) отправление Ильи в Киев на службу к Владимиру и 3) борьба Ильи с Соловьем-разбойником. Все три эпизода встречаются как самостоятельные былины.

Происхождение былины „Исцеление Ильи“ относится к концу XVII или к началу XVIII века.

Былина „О Соловье-разбойнике“ известна в целом ряде старинных рукописных текстов. См. „Русские былины старой и новой записи“ под ред. Н. С. Тихонова и В. Ф. Миллера, М. 1894; Б. Соколов — Былины старинной записи (семь неизданных текстов) в журн. „Этнография“. 1927 г. №№ 1, 2.

Возникновение самого образа богатыря Ильи Муромца относится приблизительно к XI—XII вв., и в документах XVI века об Илье говорится, как о легендарном герое (в письме западнорусского писателя Филона Чернобыльского и в Записках о Московии Эриха Ласоты).

Вариант к „Первой поездке Ильи“ см. в сборнике Н. Ончукова, № 19.

В тексте, записанном Н. П. Леонтьевым (в сравнении с текстом в записи Н. Е. Ончукова), опущен сюжет освобождения города Чернигова Ильей Муромцем.

2. Идолище в Киеве. Записано от И. К. Осташева, 65 лет, д. Смекаловка, 7 июля 1938 г.

„Илья и Идолище“ принадлежит к популярным былинам и является позднейшей переработкой былины об „Алеше Поповиче и Тугарине“ (см. Кирша Данилов, № 19). Образ Идолища сходен с образом Тугарина, в некоторых вариантах Тугарин изображается таким же обжорой, как и Идолище. Исторический факт былины — борьба с языческими верованиями славян. Образ Идолища (идола) впоследствии отождествился с образом внешнего врага — татарина (Ю. М. Соколов, Б., стр. 256).

Вариант „Идолища в Киеве“ см. в сборнике Н. Е. Ончукова, стр. 89, № 20. В тексте, записанном Н. П. Леонтьевым, опущена встреча Ильи с Каликою пережою и с голью кабацкою.

3. Илья Муромец и Сокольник. Записано от певца Василия Петровича Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 1 июля 1938 г.

Былина является обработкой широко распространенного в мировом эпосе сюжета боя отца с сыном. В русском былевом эпосе данный сюжет прикрепился к Илье Муромцу и вошел в цикл былин об Илье.

Былина записана во многих вариантах, опубликована в сборниках Кирши Данилова, А. Ф. Гильфердинга, А. Д. Григорьева и др. Один из лучших вариантов этой былины напечатан в сборнике Н. Е. Ончукова, стр. 5, № 1.

4. Илья Муромец в опале у Владимира. Записано от И. К. Осташева, 65 л. д. Смекаловка, 7 июня 1938 г.

Былина встречается под названием „Илья в ссоре с Владимиром“. Илья и голи кабацкие“. (см. А. Ф. Гильфердинг, № 47; П. Н. Рыбников, № 119). Былина сравнительно позднего происхождения, отражает социальные отношения начала XVII века (см. Астахова — Андреев, стр. 22).

Вариант былины в сб. Н. Е. Ончукова, стр. 16, № 2.

5. Святотор и Илья Муромец. Записано от И. К. Осташева, 65 лет, д. Смекаловка, 7 июня 1938 г.

Былина рисует образ богатыря, обладающего сверхъестественной силой и не имеющего себе соперников. Сюжет ее не отражает какого-либо исторического факта. Сюжет былины обычно встречается в прозаическом пересказе, а не в былинной обработке, и каждый записанный вариант былины считается находкой. Запись Н. П. Леонтьева является одним из редких вариантов. В сборнике Н. Е. Ончукова приводится прозаический пересказ былины, см. стр. 256, № 61.

6. Добрыня и Калин-царь. Записано от В. П. Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 1 июня 1938 г.

В основном сюжет былины о Калине царе связан с историческим событием — первой битвой русских с татарами на реке Каке в 1224 году; в былине отражено и более позднее время — московское единоедержавие (см. Ю. М. Соколов, стр. 256). Обычно в данной былине борется с Калином-царем не Добрыня, а Илья Муромец. В дальнейшем место Ильи Муромца заступает Ермак Тимофеевич. См. вариант у П. Н. Рыбникова, № 57.

¹ В дальнейшем ссылки будут делаться на этот сборник, если в нем имеются варианты, так как Н. П. Леонтьев производил свои записи в том же районе где и Н. Е. Ончуков. При отсутствии вариантов в этом сборнике, ссылки будут делаться на другие основные сборники былин.

7. Про Ивана Горденовича. Записано от В. П. Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 2 июня 1938 г.

„Иван Горденович“ принадлежит к популярным былинам и по своему происхождению приблизительно относится к XVI столетию. В основу былинного сюжета входит ряд сказочных и былинных мотивов. Былина начинается с описания пира у князя Владимира (традиционный былинный зачин, см. сб. Н. Е. Ончукова, №№ 3, 22, 23, 26), затем действие переносится в Чернигов, где происходит сватанье дочери Федора, царя Черниговского. Получив отказ, Иван Горденович насильно увозит девушку. Борьба с Василием Окуловичем. Василий Окулович стреляет в двух голубков, говорящих человеческим голосом, но попадает в себя и умирает. Былина заканчивается расправой Ивана Горденовича с неверной женой (см. параллель в сказочных сюжетах) и смертью самого героя. Варианты см. в сборнике Н. Е. Ончукова (№ 45, стр. 185, и № 80, стр. 313, № 86, стр. 338).

8. Дунай Иванович и Батуй Кайманович. Записано от Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 4 июня 1938 г.

Некоторые исследователи относят былин к XV—XVI вв. и связывают с историческими событиями времени Ивана III—прекращением уплаты дани татарам. Опубликованный вариант см. в сборнике Тихонравова и Миллера („Добрыня и Василий, царь турецкий“).

9. Василий царь турецкий и Соломон. Записано от Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 3 июня 1938 г.

Былина относится к XVI веку. Известна во многих вариантах, большинство из них записано на Севере.

Варианты см. в сборнике Н. Е. Ончукова, стр. 142, № 27.

10. Дюк Степанович. Записано от И. К. Осташева, 65 лет, д. Смекаловка, 7 июня 1938 г.

Возникновение быliny относится к XII—XIII вв., место возникновения — Галицко-Волинская Русь. Былина отражает борьбу Галицко-Волинского княжества с Киевским княжеством в древней Руси и построена на основе мотивов популярной средневековой повести „Сказание об Индии богатой“.

Опубликованный вариант см. в сборнике Н. Е. Ончукова, стр. 123, № 24.

11. Кострюк. Записано от В. П. Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 2 июня 1938 г.

Сюжет быliny связан с историческим фактом—женитьбой царя Ивана Грозного в 1565 г. на черкешенке Марии Темрюковне, которая имела брата Матрюка Темрюковича. Былина очень популярна. В. Ф. Миллер приводит 64 варианта и относит „Кострюка“ к историческим песням (см. стр. 35—244). Такое определение сделано, конечно, механически. „Кострюк“ относится к разряду тех исторических песен, которые изображают событие определенной исторической эпохи, но по своей поэтической структуре ближе стоят к былинам.

Варианты см. в сборнике Н. Е. Ончукова №№ 77, 91, 98.

12. Скопин. Записано от В. П. Тайбарейского, 74 лет, д. Лабожское, 2 июня 1938 г.

Песня сложилась в атмосфере сложных классовых взаимоотношений Смутного времени и бытовала в XVII—XVIII вв. В основе ее лежит исторический факт — смерть М. В. Скопина-Шуйского в 1610 г. (предание: насильственная смерть, отравление Скопина женой его брата Дмитрия—дочерью Малюты Скуратова). О Скопине есть несколько песен; первая запись песни была сделана в 1619 году для англичанина Ричарда Джемса. В. Ф. Миллер приводит 17 вариантов данной песни (стр. 541—584). В сборнике Н. Е. Ончукова см. варианты №№ 5, 60, 81.

13. Про Степана Разина. Записано от Маремьяны Романовны Голубковой, 45 лет, и Елизаветы Васильевны Пашковой, 45 лет, д. Голубково, февраль 1938 г.

Песня о „сынке“ Степана Разина встречается во многочисленных вариантах. Географическое распространение ее чрезвычайно широко. В. Ф. Миллер приводит 83 варианта (стр. 685—777). Один из вариантов записан А. С. Пушкиным. „Сынок“—вероятно один из агентов Разина, посланный на разведку в город и схваченный властями. Поводом к сложению песни мог послужить конкретный факт такой поимки и казни (Н. Аристов, стр. 38—53; А. Лозанова, стр. 5). Текст песни устойчив, однако в зависимости от времени и среды, в которой бытует песня, меняется трактовка образа. См. вариант в сборнике Н. Е. Ончукова, № 30.

14. Над городом Кострынным. Записано от Елизаветы Ивановны Безумовой, 57 лет, с. Виски.

В основе песни—исторический эпизод из эпохи войны России с Пруссией: заключение прусским королем русского генерал-фельдмаршала графа З. Г. Чернышева в Кюстринскую крепость. Текст, записанный Н. П. Леонтьевым, превращает графа Чернышева в племянника Разина, а город Кюстрин переименован в „Кострынин город“ по ассоциации с названием села Кострина (бывш. Верхневолжский край), сыгравшего видную роль в крестьянском революционном движении Разина (XVII в.). И, конечно, в песне речь идет не о графе Чернышеве, а об уральском казаке И. Н. Зарубине, по прозвищу Чика, носившем при Пугачеве имя графа Чернышева, как это доказывает А. Н. Лозанова в своей работе „Социальные переосмысления песен о графе Захаре Григорьевиче Чернышеве“. Журн. „Советский фольклор“, вв. 2—3, 1935 г. См. вариант в сборнике Н. Е. Оичукова, № 42.

ПЕСНИ

Рекрутские и солдатские песни

15. Ночесъ, ночесъ молодду мне мало спалось. Рекрутская песня. Записано от Сергея Константиновича Слезкина, 73 лет, д. Тельвиска. 1936 г.

Вариант см. в сборнике Гиппиуса и Эвальд, стр. 66 (записано в д. Пижма Усть-Цылемского района, Печорского округа).

16. Край пути было дорожечки. Старинная рекрутская песня. Записано от Елены Павловны Кокиной, 72 лет, д. Омы. 1936 г. Близкие варианты: сборник Гиппиуса и Эвальд, стр. 69, Соболевский, т. VI, №№ 82—87, в сборнике В. Сидельникова и В. Крупянской, № 67.

17. Не за реченькой было, за Невагою. Солдатская песня. Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, 1936 г. Вариант песни записан В. М. Сидельниковым в Архангельске от М. Н. Мякушина в 1938 г. Фольклорное собрание Гос. Лит. Музея. Опубл. у Соболевского, т. VI, №№ 183, 184; у Киреевского, 1917 в. I, ч. 2, № 1274.

18. По дорожечке было по широкою. Старинная солдатская песня. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г. Варианты: Киреевский, в. II, ч. 1, № 1327.

19. По Архангельской дороге. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г.

Опубликованные варианты: Соболевский, т. VI, № 147, Киреевский, № 1607,

20. Уж ты, зимушка-зима. Солдатская песня. Записано от Матрены Федоровны Просвириной в г. Нярьян Маре. 1938 г.

См. вариант—у бр. Соколовых № 613.

21. Не на матушке на Неве реке. Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы. Часто встречается в сборниках песен XVIII—XIX вв. См. сборник Ив. Прача, Соболевского, т. V, №№ 725—727.

22. Вдоль по Питерской по славной по дорожке. Солдатская песня. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г. Вариант—в сборнике Гиппиуса и Эвальд, стр. 71.

Свадебные песни и причеты

Свадебные песни, помещаемые в этом отделе, являются частью свадебного обряда, который в виду ограниченности места в сборник не вошел.

23. Что во светлой во светлице. Записано от М. Р. Голубковой, 49 лет, д. Голубково, 1938 г.

Близкие варианты напечатаны: Киреевский, 1911 г., в. I, №№ 2, 12; бр. Соколовы, № 75.

24. Не лебедушка вокруг сада облетала. Песня поется на девичнике. Записано от Павлы Прокопьевны Голубковой, 18 лет, 1937 г. Варианты встречаются: Киреевский, в. I, №№ 17, 743.

25. **Как ходил-гулял большой сват.** Песня поется девушками свату. Записано от Евдокии Ивановны Шайтановой, 60 лет, д. Пустозерск. Близкие варианты напечатаны у Киреевского, в. I, № 159; у Шейна, т. I, № 1315.

26. **На улице дождь поливает.** Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково.

27. **У своих у родителей.** Невеста причитает на сговорах — пропиванье. Записано от М. Р. Голубковой, 49 лет, г. Нярьян-Мар, 16 апреля 1938 г. Неполные близкие варианты (в отрывках) встречаются у Киреевского и Шейна. Текст, записанный Н. П. Леонтьевым, дословно не совпадает с печатными вариантами и полнее.

28. **Подошла ли пора-времячко.** Невеста причитает на девичнике. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, г. Нярьян Мар, 16 апреля 1938 г.

29. **Темна ноченька прокатилась.** После приглашения подруг в баню невеста причитает, обращаясь к ним. Записано от М. Р. Голубковой, в г. Нярьян Маре, 16 апреля 1938 г.

30. **К чему рано вы печи топите?** Невеста обращается к подругам, причитает. Записано от П. Т. Голубковой, 18 лет, г. Нярьян Мар, 1937 г.

31. **Уж мы жили, две красны девушки.** Невеста причитает, прощаясь с подругой. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, г. Нярьян Мар, 16 апреля 1938 г.

32. **Уж я бедна-горька, бесчастна.** Причет о горькой женской доле. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 17 апреля 1938 г.

Лирические песни

33. **Лучше бы я, девушка, у батюшки жила.** Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, январь 1938 г. Оpubл. вариант у бр. Соколовых, №№ 436—437.

34. **Кабы волюшка девушке у батюшки была.** Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, декабрь 1936 г. Начальные строчки близки к варианту, опубликованному у Киреевского, в. 2, 1917 г., № 1408, конец близок к варианту под номером 1533 (там же).

35. **Когда маленька была.** Записано от Калерии Ивановны Коткиной (слепая), 49 лет, с. Виска. Конец песни „Муж с полатей вскочил“ и т. д. записан от А. Е. Поповой, 54 лет, д. Пылемед, 1938 г. Вторая половина песни („Ко венцу меня ведут...“) близка к вариантам, опубл. у Соболевского, т. II, № 590—699; у Киреевского, ч. 2, в. 1, № 1284.

36. **Не велят Дуне за реченьку ходить.** Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, в 1936 г., Близкий вариант записан В. М. Сидельниковым в Архангельске в 1938 г. Фольклорные собрания Гос. Лит. Музея. Оpubл. варианты: Соболевский, т. II, №№ 62—67.

37. **Понграйте, красны девушки.** Записано от М. Р. Голубковой, 49 лет, д. Голубково. Печатные варианты встречаются: Киреевский, в. I, 1911 г., № 1109; Соболевский, т. III, № 134.

38. **Вы раздайтесь, расступитесь, добры люди.** Записано от Марии Шубиной, 16 лет, с. В.-Пеша, 1936 г.

Опубликованные варианты встречаются: Киреевский, в. II, ч. I, № 1287, записано в г. Шенкурске быв. Архангельской губ.; Соболевский, т. II, №№ 416—419.

39. **Не во далеке-далече было во чистом поле.** Записано от Наталии Петровны (жены), 59 лет и Семена Петровича (мужа), 70 лет, Коротаевых, д. Голубково, 17 января 1938 г.

40. **Распремили девушки.** Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково в 1937 г. Вариант записан В. М. Сидельниковым в Архангельске, июнь 1938 г. Фольклорные собрания Гос. Лит. Музея.

41. **Уж ты мальчик, сизый расканальчик.** Записано от П. Т. Голубковой, 18 лет, д. Голубково, 1937 г. Опубликованный вариант встречается у Соболевского, т. III, № 330.

42. Голова болит, худо можется. Записано от К. И. Коткиной, 49 лет, и Е. И. Безумовой, 58 лет. 1938 г. Опубликованный вариант встречается у Соболевского, №№ 524, 526—527.

43. Свет наша путь-дорожечка. Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, 1936 г.

44. Нам сказали про девицу. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г. (Опубл. вариант у Соболевского, т. IV, № 774 (зап. в Пинежском у., Арханг. губ.).

45. Уж ты молодость, ты наша молодость. Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, 1936 г. Близкие мотивы см. Соболевский, т. III, №№ 517—579.

46. Молодость, ты молодость. Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, 1936 г. Текст совпадает почти дословно с началом (9 строк) песни, опубликованной у Соболевского, т. II, № 165.

47. Молодость, ты моя молодость. Записано от П. Т. Голубковой, 18 лет, д. Голубково, 1937 г. Близкие варианты, опубл. у Соболевского, т. III, №№ 517—51, у Киреевского, 1917, ч. 2, в. I, № 1247 (зап. в Мезени).

48. Вниз по матушке, было, по Волге. Записано от Е. В. Пашковой и М. Р. Голубковой, д. Голубково 1938 г. Опубликованный вариант у Соболевского, т. III, № 434. (Записано в бывш. Мезенском у., Архангельской губ.).

49. У Ванюшки заболит головушка. Записано от Н. П. Коротаевой, 59 лет, д. Голубково, 1938 г.

50. Я ходила, все гуляла по высоким по горам. Записано от М. Р. Голубковой, 49 лет, д. Голубково, 1938 г. Опубликованный вариант см. у Соболевского, т. I, №№ 142, 143.

51. Соловешко, парень молодой. Записано от Е. П. Кокиной, 72 лет, д. Омы, 1936 г.

Вариант записан В. М. Сидельниковым в Архангельске, июнь 1938 г. Фольклорные собрания Гос. Лит. Музея. Опубликованный вариант см. у Соболевского, т. IV, №№ 676—683.

52. Загану тебе, девица, шестью три загадки. Записано от П. Т. Голубковой, 18 лет, д. Голубково, 1937 г. Печатные варианты встречаются: Киреевский, в. II, № 1469, Соболевский, т. I, № 463.

53. По край реченьки, по край быстрой. Записано от П. Т. Голубковой, 18 лет, д. Голубково, в 1937 г. Вариант записан В. М. Сидельниковым в Архангельске, июнь 1938 г. Фольклорное собрание Гос. Лит. Музея. Опубликованный вариант в сборнике Н. Е. Ончукова № 44. Конец данного варианта не совпадает с текстом, записанным Н. П. Леонтьевым.

Хороводные, игровые и плясовые песни

54. Моя милая не стара, не молода. Записано от Е. И. Безумовой, 58 лет, с. Виска 1938 г.

55. Уж ты прялица, кокорнда моя. Записано от Агньюши Марковой, 19 лет, д. Бедовое, 1937 г.

Песня, по словам исполнительницы, может продолжаться до бесконечности, так как представляет собой совокупность самых разнородных, не связанных между собой „запевок“. Вариант данной песни записан от Мякушина В. М. Сидельниковым в Архангельске, в июне 1938 г. Фольклорные собрания Гос. Лит. Музея. Печатный вариант см. в сб. „Ярославский фольклор“, № 78, текст Н. П. Леонтьева полнее.

56. Спит тоска. Записано от Е. И. Кокиной, 72 лет, д. Омы, 1938 г.

57. Через поле у соседа. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г.

Опубликованный вариант см. у Соболевского, т. III, № 334.

58. Я поеду во Китай-город гуляти. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г.

Опубликованный вариант см. у Соболевского, т. III, №№ 540—552.

59. Из-за лесу из-за гор. Записано от М. М. Ивановской, 18 лет, с. В.-Пеша, 1936 г. Печатные варианты—Соболевский, т. IV, № 736, Киреевский, в. II, ч. I, №№ 1386—1565.

60. На горочке комарочков. Записано от Е. И. Безумовой, 58 лет, К. И. Коткиной, 49 лет, и Е. И. Дитятева, 64 лет. Запев песни сходен с вариантом, опубликован в сб. Соколовых, № 534, и Ив. Прача, ч. 2, № 26 (2).

61. По лугу-лугу да разливалась вода. Записано от М. Р. Голубковой, 45 лет, д. Голубково, 1938 г. Печатные варианты см. у Соболевского, т. II, № 584—585.

ЧАСТУШКИ

62. (1—38). Записано от М. Ф. Просвиринской, М. Р. Голубковой и А. Е. Поцовой, г. Нярьян Мар, 1938 г.

63. (1—62). Записано от М. Ивановской, М. Шубиной, д. В. Пеша, 1936 г.

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ЗАГАДКИ

64 (1—26) и 65 (1—23). Записаны от разных лиц в районах Нижней Печоры за 1936—1938 гг.

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

66. Голь Гольянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова бо-рода, убил 33 богатыря и мелких без числа. Записано от К. И. Коткиной, 49 лет, с. Виска, 1936 г.

Сказка относится к циклу сказок „Счастье по случаю“, см. Аарне—Андреев, 1640. Обычно герой преодолевает все препятствия и становится мужем царевны. В данной записи герой вместо царевны получает тройку лошадей и три кареты денег.

67. Про нужду. Записано от Е. И. Безумовой, 58 лет, с. Виска, 1938 г.

Сюжет данной сказки популярен, относится к циклу сказок о „богатом и бедном“, см. Аарне—Андреев, 735—1.

68. Про попа и Евлашку. Записал учитель Николай Семенович Харин от А. Т. Безумова, 60 лет, колхозника из колхоза „Красная Печора“, 1937 г. Сказка имеет ряд вариантов. См. Аарне—Андреев, 650-А.

69. Поп-мужик. Записано от Е. И. Безумовой, 58 лет, с. Виска, 1938 г.

Сюжет сказки относится к циклу сказок „о попах“. См. Аарне—Андреев, 1825-А.

70. Вор и богомольщик. Записано от Е. И. Безумовой, 58 лет, с. Виска, 1938 г.

Сказка относится к циклу сказок „о попах“, см. Аарне—Андреев, 1725—1874.

71. Небылая небылица. Записал учитель Николай Семенович Харин от А. Т. Безумова, 60 лет, колхозника из колхоза „Красная Печора“. Эта сказка принадлежит к числу распространенных сказок-небылиц, часто встречающихся в фольклорных сборниках. См. Аарне—Андреев, 1875—1995.

72. Горе. Рассказ записан от Анны Егоровны Поповой, 54 лет, д. Пылемец, 6 июля 1938 г.

73. Моя жизнь. Записано от слепой сказочницы К. И. Коткиной, 49 лет, с. Виска, 1938 г.

НОВИНЫ

Все „новины“ (сказания-поэмы) записаны от М. Р. Голубковой, колхозницы из д. Голубкова, 45 лет.

74. Мать-Печорушка—всем рекам река. Записано в г. Нярьян Маре, Архангельской обл., с 15 по 22 апреля, 1938 г.

75. Среди тундры город вымахал (о Нярьян Маре). Записано в г. Нярьян Маре, Арханг. обл., с 3 по 10 февраля 1938 г.

76. Мы пошли в поход на кулацкий род. (Об организации колхозов), записано в д. Голубкове, Нижне-Печорского района, Арханг. обл. 18 января 1938 г.

77. Сила храбрая красноармейская. (О Красной армии). Записано в Нярьян Маре, Арханг. обл., с 10 по 20 февраля 1938 г. Два отрывка из этого сказа переложены на музыку композитором Захаровым и исполняются хором имени Пятницкого.

78. Про выборы всенародные. (О выборах в Верховный Совет). Записано в Нярьян Маре, Арханг. обл., с 5 по 20 февраля 1938 г.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ

Байна—баня.

Баской—красивый.

Бураамедкий, брузамедкий, мурзамедкий—эт „мурза“, татарский, восточный

Верей—столб, на который навешивают ворота.

Варбище—место в лодке, где варят пищу.

Волочажная птица—бродячая, бездомная.

Гридья—комната, покой.

Канифас—льняная, весьма прочная полосатая ткань (парусина), канифасный, канифасовый—сшитый из этой ткани.

Кибата—груз (камни, зашитые в бересто), привязанный к сети.

Кольчуга—броня

Курсва—пыль, дым.

Куропоть—белая куропатка—самец.

Латы—стальная одежда.

Макляк—место соединения лука с тетивой.

Малица—шуба.

Мезенки—бочки, кадки.

Муравлений—поливанный, глазированный, покрытый глазурью.

Наволоки—луга.

Ночесь—этой ночью.

Оляпыш—алябыш—блин.

Отяпыш—тяпыш—шлепок, удар.

Падера—холодный, ледящий ветер.

Палица—дубина.

Порато—очень.

Рюжи—рыболовные сети особого устройства.

Степ лошадиная—чепрак—подкладка под седло.

Сходни—род дощатого помоста, перебрасываемого с судна на берег

Сыть—пища, еда.

Удушливый—страдающий удушьем.

Чад—дитя, ребенок.

Червленный—багряный, красный.

Чобот—башмак, сапог.

Шавьги—лепешки.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Первая поездка Ильи Муромца	17
2. Идолище в Киеве	24
3. Илья Муромец и Сокольник	—
4. Илья Муромец в опале у Владимира	30
5. Святогор и Илья Муромец	34
6. Добрыня и Калин-царь	37
7. Про Ивана Горdenовича	40
8. Дунай Иванович и Батуй Кайманович	45
9. Василий царь турецкий и Соломон	51
10. Дюк Степанович	56
11. Кострюк	63
12. Скопин	66
13. Про сына Степана Разина	67
14. Над городом Кострыниным	68

ПЕСНИ

Песни рекрутские и солдатские

15. Ночесь, ночесь молодцу мне мало спалось	71
16. Край пути было дорожечки	—
17. Не за реченькой было, за Невагою	74
18. По дорожечке было, по широкой	—
19. По архангельской дороге	75
20. Уж ты зимушка-зима	—
21. Не на матушке на Неве-реке	76
22. Вдоль по Питерской, по славной по дорожке	77

Свадебные песни и причеты

23. Что во светлой во светлице	78
24. Не лебедушка вокруг сада облетала	79
25. Как ходил-гулял большой сват	—
26. Не на улице дождь поливает	80
27. У своих у родителей	—
28. Подошла ли да пора-времячко	83
29. Темна ноченька прокатилася	84
30. К чему рано вы печи топите?	85
31. Уж мы жили, две красны девушки	—

Причет о горькой женской доле

32. Уж я бедна-горька, несчастна	87
--	----

Лирические песни

33. Лучше бы я, девушка, у батюшки жила	91
34. Кабы волюшка девушке у батюшки была	—
35. Когда маленька была	92
36. Не велят Дуне за реченьку ходить	—
37. Поиграйте, красны девушки	93
38. Вы раздайтесь, расступитесь, добры люди	—
39. Не во далече-далече было во чистом поле	94
40. Распремилы девушки...	—
41. Уж ты, мальчик, сизый раскানাальчик	95
42. Голова болит — худо можется	96
43. Свет наша путь-дорожечка	97
44. Нам сказали про девицу	98
45. Уж ты молодость, ты наша молодецкая	99
46. Молодость, ты молодость, премладая молодось	—
47. Молодость ты моя, молодость	—
48. Вниз-то по матушке, было, по Волге	—
49. У Ванюшки заболит головушка	100
50. Я ходила, все гуляла по высоким все горам	101
51. Соловеюшко, парень молодой	—
52. Загадну тебе, девица	102
53. По край реченьки, по край быстрой	—

Хороводные, игровые и плясовые

54. Моя мила не стара, не молода	104
55. Уж ты, прямица-кокорица моя	105
56. Спит тоска	107
57. Через поле у соседа	—
58. Я поеду во Китай-город гуляти	108
59. Из-за лесу, из-за гор	109
60. На горочке комарочков	—
61. По лугу-лугу да разливалась вода	110

Частушки

62. (1—38)	111
63. (1—62)	113
64. (1—32) Пословицы и поговорки	118
65. (1—23) Загадки	119

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

66. Голь Гольянской	123
67. Про нужду	126
68. Про попа и Евлашку	127
69. Поп-мужик	130
70. Вор и богомольщик	—
71. Небылая небылица	136
72. Горе	131
73. Моя жизнь	133

НОВИНЫ

74. Мать-Печорунка — всем рекам река	141
75. Среди тундры город вымахал	147
76. Мы пошли в поход на кулацкий род	151
77. Сила храбрая красноармейская	153
78. Про выборы всенародные	159
Примечания	163